

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А.Г. Быкова, доцент кафедры теории и истории государства и права Омского юридического института, кандидат исторических наук

Проблемы правового регулирования производства и реализации алкогольной продукции невозможно рассматривать без анализа основных источников права изучаемого периода. «Будучи одним из фундаментальных понятий теории права, источник права... имеет большое теоретическое и практическое значение»¹. Отечественная правовая наука и практика исходят из того, что источником права является внешняя форма его выражения, т.е. нормативный правовой акт, содержащий общие правила поведения субъектов – физических лиц либо коллективных образований – органов государственной власти, предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений и т.д. Исследование проблем законодательства в сфере производства и реализации алкогольной продукции и его эволюции представляет одну из наиболее интересных и сложных проблем теории и истории. Мы будем опираться на высказанные в литературе точки зрения по данному вопросу.

В современной юридической науке понимание закона отличается от трактовки его в XIX в. В теории права законом считается «принимаемый в особом порядке и обладающий высшей юридической силой нормативный правовой акт, выражающий государ-

ственную волю по ключевым вопросам регулирования общественной и государственной жизни»².

Систематизация российского законодательства царским рескриптом от 31 января 1826 г. возлагалась на специально образованное для данной цели II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Деятельность нового учреждения не была регламентирована каким-либо актом³. Как известно, систематизация российского законодательства была предпринята М.М. Сперанским. В 1826 г., будучи во главе II Отделения императорской канцелярии, он предлагал провести ее в три этапа. Сначала – составление общего собрания законов: полного и достоверного, способного служить источником для других систематизаций; затем – систематизация законодательства в тематических книгах свода законов, обеспечивающая обобщенное представление актов по одному и тому же предмету («своды или приведение законов в порядок»). Конечный этап – составление уложений как собраний кодифицированных актов, уложений, которые «не изобретаются, но слагаются из прежних законов с дополнением и исправлением их сообразно нравам и обычаям и действительной потребности государства»⁴.

Деятельность II Отделения началась с собрания всех действовавших актов в едином сборнике. К 1830 г. завершилось издание Первого собрания Полного собрания законов Российской Империи (далее – ПСЗ РИ), где в хронологическом порядке («по порядку времени») располагались тексты законов, указов, распоряжений – «все постановления, ко всегдашнему исполнению от верховной власти или именем ее от учрежденных ею мест и правительств происшедшие, по всем частям государственного управления без всякого изъятия»⁵, – изданных с 1649 г. по 1825 г. Начинается Первое собрание ПСЗ РИ с Соборного Уложения царя Алексея Михайловича (29 января 1649 г.) и до принятия актов по окончании царствования Александра I – 3 декабря 1825 г. В Первое собрание ПСЗ РИ вошли наряду с опубликованными и те акты, которые еще не были обнародованы через Правительствующий Сенат, и даже некоторые из тех, в обнародовании которых Сенатом было отказано по мотивам несоответствия их принятия установленному порядку⁶.

Первое собрание ПСЗ РИ составили 45 объемных томов (48 книг) законодательных текстов и приложений (40 томов текста и 5 томов приложений, куда были включены в том числе указатели вошедших в собрание актов).

Приложения к Первому собранию ПСЗ РИ включают два указателя – хронологический и алфавитный; книги штатов, книгу тарифов; а также книгу чертежей и рисунков гербов городов, рисунков монет, мер, весов, планов межевания, строения городов и сел. Первый указатель содержал перечень актов по порядку их номеров с указанием даты утверждения и места расположения в соответствующем томе ПСЗ РИ. Алфавитный указатель обеспечивал поиск акта по ключевым словам и содержал: а) алфавитный перечень слов и б) предметный. В алфавитном указателе к ключевому слову давалась информация о томе ПСЗ РИ, номере и заголовке акта, где это слово имело определяющий смысл, а также делались отсылки к словам, имеющим смысловую зависимость от данного ключевого слова. Книги штатов и тарифов содержали приложения в виде таблиц к текстам законов, помещенных в ПСЗ РИ. Они обозначались под теми же порядковыми номерами, что и соответствующие законы. Книга чертежей и рисунков гербов городов составила отдельный том (46) Собрания, не включенный в общую нумерацию.

Тогда же началось издание Второго собрания Полного собрания законов, куда были включены тексты узаконений, изданных после 12 декабря 1825 г. Второе собрание, по времени включающее акты с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г., охватывает период царствования императоров Николая I и Александра II. Второе ПСЗ РИ состоит из 55 томов законодательных текстов, дополнений к ним, алфа-

витного указателя к собранию, хронологического к первым 25 томам. Всего 125 книг.

В отличие от Первого, где в отдельные тома включались узаконения, изданные за довольно длительный период (например, в I т. – с 1649 по 1675 г., в III т. – с 1689 по 1699 г., в XVI т. – с 1762 по 1765 г.), в каждый том Второго собрания ПСЗ РИ (за исключением I тома) включались акты, изданные за год. Некоторые тома состояли из двух или трех книг (отделений), включавших как законодательные тексты, так и приложения; в отдельных томах законодательные тексты и приложения печатались в разных отделениях.

Приложения ко Второму собранию ПСЗ РИ издавались и по ходу его опубликования: например, в 1851 г. к двадцати пяти томам Второго собрания ПСЗ РИ был составлен хронологический указатель. В 1855 г. вышли в свет два тома дополнительных узаконений за 1825-1850 гг. Второе собрание ПСЗ РИ заканчивается алфавитным указателем, включающим 4 части.

Третье собрание ПСЗ РИ начинается актом, датированным 1 марта 1881 г. Общее построение третьего собрания не было завершено, поскольку в 1917 г. издание ПСЗ РИ прекратилось. Всего было опубликовано 50 книг – 33 тома текстов законодательных актов. Последний (33) том вышел в свет в 1916 г. и содержал узаконения за 1913 г. Почти все тома Третьего собрания ПСЗ РИ подразделяются на два отделения: тексты законодательных актов публиковались в I отделении, во II – приложения (штаты, таблицы, чертежи, описания гербов, медалей и т.д.) и дополнения, где публиковались акты, не вошедшие в ранее изданные тома ПСЗ, и указатели – алфавитный (предметный) и хронологический.

Опубликованные законы имели одинаковую структуру. Весь правовой материал Собрания располагался последовательно по времени утверждения актов и имел единую нумерацию для каждого из трех Собраний. Каждый из помещенных в ПСЗ РИ актов имел свой порядковый номер. Начиная с 1830 г. порядковый номер дополнительно выносился на поле страницы, рядом с текстом акта. За номером следовало указание дня его утверждения, затем – форма акта (именной, сенатский и др.)⁷ и его заголовок⁸. В названии отражалась проблема, которой посвящен документ. Далее следовал текст документа. Он включал в себя, как правило, преамбулу, в которой пояснялись причины появления документа, сам текст, излагавший суть указа. Затем шло распоряжение о порядке обнародования документа и в конце обязательное упоминание о личной подписи императора или информация о его «соизволении». С 1908-1909 гг. в конце документа указывались место пребывания Николая II (Царское село), а также лицо, скрепившее документ. В некоторых актах, помимо дня утверждения,

указывался и день его обнародования. Год издания и персона монарха, в период царствования которого акт был издан, обозначались постранично. В первых трех томах Первого собрания ПСЗ РИ год издания включенного в Собрание узаконения указывался в виде дроби: в числителе – год от сотворения мира, в знаменателе – от Рождества Христова. Акты, изданные первоначально на двух языках, в Собрание помещались в том же виде.

Законодательные акты, представленные в ПСЗ РИ, можно разделить на два типа: многосложные и немногосложные. Многосложные законодательные акты включали в себя тексты нескольких актов: манифест и устав, условия на содержание питейных откупов в нескольких губерниях и др. Немногосложные законы состояли из текста-повеления об обнародовании закона и приведении его в исполнение. Как правило, это «именные указы, данные Сенату».

Формы законов были определены в ст. 53 закона «О священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти»⁹. По форме законы подразделялись на «уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, указы (инструкции), манифесты, указы, мнения Государственного совета, доклады». К сожалению, в законе не раскрывались содержание и структура большинства указанных форм.

При анализе I-III Собраний мы выделили наиболее существенные разновидности законодательных актов: манифесты, мнения Государственного совета, разного рода (именные, сенатские) указы, уставы, высочайше утвержденные доклады, записки учреждений или должностных лиц, положения (комитета министров и др.), условия, правила (основные, дополнительные), инструкции.

Высшим видом законодательного акта были манифесты. Они могли издаваться только монархом и за его подписью. Эти акты были обращены ко всем учреждениям и ко всему населению. Их действие считалось обязательным для всех. В форме манифеста обнародовались наиболее важные события и решения в масштабах страны: крупные политические мероприятия всеобщего значения, извещения о каких-либо особых внутривнутриполитических событиях и др. В истории алкогольного законодательства XIX в. был опубликован один манифест. 2 апреля 1817 г. императором Александром I был утвержден Манифест, вводивший с 1 января 1819 г. в 29 Великороссийских губерниях новую систему питейных сборов.

Вторым по значению видом законодательных актов считались именные указы. Они издавались только монархом по крупным вопросам государственного значения и за его подписью. В них, как правило, содержались конкретные внутривнутриполитические и правовые решения, адресованные к конк-

ретным государственным учреждениям или высшим государственным лицам (Сенату, коллегии, губернаторам и т. п.).

Третьим по значению видом законодательных актов были указы, изданные монархом или от его имени высшим государственным учреждением – Сенатом. В последнем случае оформился особый подвид этих актов – сенатские указы. Указы были обращены на решение строго конкретного дела или случая государственной практики, введение или упразднение, изменение каких-либо учреждений, норм или принципов временного характера. Указы содержали не только правовые нормы, но и административные распоряжения монарха. Они адресовались конкретному лицу и ведомству и считались обязательными лишь для них. Сенатские указы были самым массовым видом законодательных актов.

Высшим законосовещательным органом при императоре с 1810 г. был Государственный совет. В статьях 96-105 главы IV и статьях 115-117 главы VI манифеста «Образование Государственного совета» определялись порядок прохождения закона в Государственном совете, а также структура закона. Государственный совет пользовался «всею свободой мнений, обязан был со всею точностью вникать в силу вопросов». «Мнение Государственного совета должно содержать в себе определенное заключение по делу; иначе оно не может быть представлено на высочайшее усмотрение» (Ст. 98). Положения, требующие утверждения императора, «ежели» заключение Государственного совета было принято единогласно, или император «желал принять заключение большинства», излагались в виде *мнений* (курсив наш. – А.Б.). Мнения Государственного совета имели четко определенную форму. Они состояли из следующих блоков: определение формы закона (мнение Государственного совета), краткого описания сути дела (в виде оглавления или вопроса), решения, принятые советом. Мнения Государственного совета подлежали обязательному утверждению монарха. Согласно ст. 117 форма подписи императора излагалась словами: «Быть по сему».

В рамках реализации плана финансовых преобразований Государственный совет решал проблемы финансовой выгоды государства в алкогольной реформе. Если в 1818-1863 гг. «мнения Государственного совета» регулировали только финансовую сторону политики государства в сфере производства и реализации алкогольной продукции, то с 1863 г. «мнения Государственного совета» содержали административные распоряжения по устройству и реорганизации винокуренных заводов, казенных палат, распоряжения о правах и обязанностях евреев, вносили изменения и дополнения в действующие Положения о питейном сборе и т.д.

Следующим по значению видом законодатель-

ных актов были положения. В ПСЗ РИ опубликованы два рода положений: во-первых, «высочайше утвержденные положения», выражающие волю монарха. Проект документа, как правило, исходил из Государственного совета или Сената. Положения включало в себя несколько глав и отделений: общие и частные постановления.

Во-вторых, положения, изданные от имени различных комитетов (министров, военного, кавказского, сибирского и др.). Рассмотрение дела в комитете министров начиналось с представления записки. Она содержала в себе указание даты поступления в министерство и рассмотрения, характеристики обстоятельства дела, необходимые справки по вопросу, обязательно перечислялись законы, регулирующие тот или иной пункт дела, решения министра, а также общее заключение министерства. Положения комитетов обязательно подписывались императором. Этот вид документов был направлен на регламентацию норм или принципов конкретного дела как общероссийского, так и местного характера. Положения комитета министров содержали и административные распоряжения монарха. Они были вторым по численности видом законодательных актов.

Среди законодательных актов можно выделить также уставы. В ПСЗ РИ включены две группы уставов. Первая группа это уставы как отрасль материального права (Уставы «О питейном сборе» 1817 г., 1830 г., 1866 г.). Вторая группа регулировала какую-либо сферу деятельности¹⁰.

В уставах первой группы получили развитие такие основные институты, как питейная продажа (питейные заведения, права и обязанности держателей питейных заведений), производство алкогольной продукции, права и обязанности откупщиков (1817-1863 гг.), ответственность за нарушение правил и т.д.

Во второй половине XIX в. в России складывается система законодательного регулирования акционерных отношений. В рамках вино-, пиво- и медоваренной промышленности появляются товарищества и акционерные общества, действующие на основе уставов. В уставах получили развитие такие основные институты акционерного права, как организация и компетенция органов управления, формирование уставного и запасного капитала, права акционеров и членов товарищества, виды акций, реорганизация и ликвидация общества или товарищества. Отсутствие строгих требований к содержанию уставов позволяло определить правовой статус каждого общества или товарищества в соответствии с его особенностями.

6 июня 1894 г. было утверждено мнение Государственного совета о введении в России казенной монополии. Пункт X положения «О казенной продаже питей» предусматривал учреждение «в рай-

онах казенной продажи питей для надзора за производством питейной торговли в интересах народного здоровья и народной нравственности» Попечительств «О народной трезвости». Государственный совет в Соединенных Департаментах государственной экономии, законов и гражданских и духовных дел, рассмотрев представление министра финансов по проекту Устава Попечительств «О народной трезвости» «мнением положил» представить его на высочайшее утверждение. 20 декабря 1894 г. Устав Попечительств о народной трезвости был утвержден императором. Устав включал в себя 24 статьи и регулировал порядок организации Попечительств, устанавливал права и обязанности их членов, порядок работы губернских и уездных комитетов, порядок и источники финансирования деятельности.

В период существования откупной системы основным документом, регламентирующим порядок питейных сборов и функционирования откупной системы, были Условия. Условия для содержания питейных сборов и Условия на питейный откуп имели ограничения территориальные и по сроку действия. Условия издавались для групп губерний или для отдельной губернии. Они действовали только в течение четырех лет и каждые четыре года пересматривались. Условия состояли из глав и отделов. В них получили развитие такие нормы, как пошлинный сбор с напитков, права помещиков, особенности продажи отдельных видов алкогольной продукции, порядок открытия и функционирования отдельных типов питейных заведений, правила производства, реализации и хранения алкогольных напитков, права, обязанности и ответственность откупщиков, меры по предотвращению корчемства и др.

Самостоятельным видом законодательных актов были Правила и которые устанавливали порядок и условия производства и реализации алкогольных напитков, взимания акциза с них, взыскания за нарушения постановлений по питейному сбору и др. В преамбуле к Правилам указывались дополнительные сведения о форме акта. Правила делились на основные и дополнительные. Дополнительные Правила вносили изменения и дополнения в действующие. Этот вид законодательных актов разрабатывался в Министерстве финансов, рассматривался в Сенате и утверждался императором. Как обычно, Правила адресовались конкретным государственным учреждениям или должностным лицам для руководства и исполнения.

Следующим видом законодательных актов были инструкции. Инструкции устанавливали порядок и способы осуществления торгов на акцизные статьи по питейным сборам, разъясняли порядок установки и работы контрольных виноизмеряющих приборов на винокурных заводах, про-

изводства и клеймения питейных мер, порядок делопроизводства в казенных палатах и др.

¹ Марченко М.Н. Источник права: понятие, содержание, система и соотношение с формой права / М. Н. Марченко // Вестн. МГУ. Сер. 11, Право. – 2002. – № 5. – С. 3.

² *Общая теория права и государства* / под ред. В. В. Лазарева. – М., 1996. – С. 36.

³ См.: Тельберг Г. Участие Николая I в кодификационной работе его царствования / Г. Тельберг // Журнал Министрства юстиции. – 1916. – № 1. – С. 241–244.

⁴ Сперанский М. М. Объяснительная записка содержания и расположения свода законов гражданских / М. М. Сперанский // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым. – СПб., 1859. – Кн. 2. – С. 2.

⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. 1: С 1649 по 12 декабря 1825 гг.: в 45 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. I. С. XVIII.

⁶ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. СПб., 1898. С. 317.

⁷ В заголовках ряда документов наименование разно-

видности объединено со словесным Высочайшим утверждением в единую формулировку, например: «Сенагский, с прописанием высочайшего повеления». Создание Государственной думы и реорганизация Государственного совета в феврале 1906 г. привели к появлению новой формулировки формы законодательных актов: «Высочайше утвержденные законы, одобренные Государственным советом и Государственной думой».

⁸ В заголовках некоторых документов наименование разновидности и название слиты в единую формулировку, например: «Высочайше утвержденное положение о казенной продаже питей».

⁹ См.: *Свод законов Российской империи: Неофициальное издание*. СПб.: Издание высочайше утвержденного товарищества «Общественная польза», 1897. – Т. 1. – Ч. 1. – Ст. 5.

¹⁰ См.: *Устав Калининского пивоваренного и медоваренного товарищества: высочайше утвержденный от 21 сентября 1862 г. № 38702 // ПСЗ РИ: в 55 т. Собр. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1865. Т. XXXVII. Отд. II. – С. 97–99; Устав Российского акционерного общества пиво- и медоварения: высочайше утвержденный от 27 июля 1873 г. № 52523 // ПСЗ РИ: в 55 т. Собр. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1876. Т. XLVIII. Отд. II. – С. 129–136 и др.*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО НАДЗОРА В РОССИИ

А.В. Кропачева, преподаватель кафедры конституционного и административного права Омского юридического института

Исторически так сложилось, что строительство объектов недвижимости производственного и иного назначения было залогом экономического и социального развития людских поселений, представляя собой один из самых дорогостоящих и трудоемких видов созидательной деятельности.

С давних времен все цивилизованные страны уделяли много внимания таким вопросам, как здоровое, светлое, просторное, безопасное, недорогое здание или сооружение. В связи с этим появился строительный надзор, который в истории нашей страны осуществляли различные органы государственной власти.

Впервые должность генерал – архитектора была учреждена Петром I. Он издал также правила возведения в городах построек, наблюдение за которыми было возложено на полицейскую канцелярию.

В период царствования Петра I законодательство, регулировавшее отношения по использованию земель и недвижимого имущества, претерпело значительные изменения. Впервые была предпринята попытка системного подхода к обеспечению строительного надзора. В числе источников права того периода можно назвать указ, который стал первым юридическим основанием контроля

строительной деятельности. Указ устанавливал наказание в виде казни через повешенье «без различия персоны» в отношении тех, «кто впредь будет чинить какой вред в строительном деле».

В XVII в. контроль и надзор за строительной деятельностью не был разделен. Они относились к полицейским обязанностям воевод больших и малых городов. Контроль носил финансовый характер и заключался в уведомлении царя о понесенных расходах либо утверждении царем сметы на строительство и наделении воеводы определенными полномочиями по управлению им. Существовало два вида построек: от казны и за мирской счет. Первый состоял в том, что воевода был обязан назначить ответственных за строительство (из числа дворян, боярских детей или выборных целовальников) и уведомлять государя о его ходе, а также понесенных расходах. При втором виде построек воевода давал «предписания», не вмешиваясь в вопросы финансирования¹.

Таким образом, фактически городской воевода и был прообразом ныне действующих органов государственного архитектурно-строительного надзора.

В конце XVII в. наметилась тенденция к обособлению надзорной деятельности в строительстве

как самостоятельного направления реализации исполнительной власти. Так, в соответствии с Уставом столичного города Санкт-Петербурга было образовано особое правление, называемое Конторой городских поселений, под ведомством Комиссии о снабжении Резиденции припасами². Особенность организации деятельности этого Правления состояла в распределении надзорных полномочий между сотрудниками. Бау-инспектор надзирал за соответствием строительства как государственных, так и частных зданий утвержденному плану и «правильностью фасадов». Маурмейстеры, состоящие при конторе, должны были осуществлять надзор за прочностью фундаментов, сводов, стен, разрешая принятие зданий в эксплуатацию. В случае разрушения или потери прочности маурмейстеры отчитывались перед Комиссией. Таким образом, уже в конце XVII в. были выделены в особый уровень градостроительная документация и государственные градостроительные нормативы и правила на законодательном уровне. Кроме того, введена специализация субъектов, осуществляющих надзор.

При Екатерине II были учреждены центральная комиссия и приказ, которые были обязаны заниматься вопросами строительной части.

При Александре I строительный надзор передан в Министерство внутренних дел, в составе которого был учрежден Строительный комитет.

В дальнейшем произошла реорганизация учреждений строительной полиции. Например, при Министерстве внутренних дел был образован Техническо-строительный комитет.

Были ликвидированы строительные и дорожные комиссии. Взамен стали действовать строительные отделения, состоящие из инженера, архитектора и нескольких техников. Эти государственные органы заведовали строительной частью как казенных, так и частных зданий.

Правовое регулирование строительства казенных зданий, таких, как церкви, торговые, промышленные и другие здания, было предусмотрено в разделе 2-5 Строительного Устава³, в соответствии с которым строительство зданий производилось под наблюдением архитекторов или лиц, получивших свидетельства от Техническо-строительного комитета. В связи с этим заметим, что в Петрограде фасады церквей также необходимо было представлять Министерством внутренних дел на утверждение Государю.

Частные городские постройки в отличие от казенных зданий возводились в соответствии с утвержденным планом города, для чего необходимо было получить разрешение городской управы на каждое здание. При этом она проверяла соблюдение всех предусмотренных Уставом требований.

Планы по строительству сельских зданий следовало согласовывать с местными земскими на-

чальниками и земскими управами. Общий надзор за соблюдением Строительного Устава был возложен на городские и земские учреждения и органы общей полиции. Последние имели право давать предписания в отношении зданий, представляющих опасность для окружающих, на их исправление или уничтожение. Если же владелец не исполнял данное предписание, то полиция принимала соответствующие меры в самостоятельном порядке: составляла протокол, который затем направлялся в суд. Помимо выявления нарушений и противозаконных действий строителей по отношению к общественной и личной безопасности, полиция контролировала правильность произведенных построек и проводила их освидетельствование по окончании строительства.

Чуть позже получает развитие ведомственный контроль. Возьмем для примера Указ Николая II от 11 июня 1850 г., в соответствии с которым были образованы управления Начальников Инженеров (в том числе и в Омской области). Главной задачей этих органов управления было осуществление контроля строительства зданий в крепостях, выражавшегося в проверке проектов смет и технических отчетов, рассмотрении и исправлении чертежей, проверке соответствия производимых строительных работ проектам и разрешениям Корпусного Командира, проверке соблюдения правил инженерного и строительного искусства, своевременном снабжении строительными материалами. Данные функции выполнялись начальником инженеров. Он также осуществлял прием окончанных строительством зданий и завершенных строительных работ.

Безусловно, ведомственный контроль играл важную роль в обеспечении безопасности и экономической обоснованности строительных работ. Он позитивно влиял на архитектурный облик городов, основные здания которых относились к гарнизонным крепостям. Контроль способствовал сохранению государственной казны от неоправданных расходов.

Из приведенного Указа видно, что произошло разделение контроля технических и архитектурных аспектов строительства, обеспечено четкое определение перечня основной документации, необходимой для проведения строительных работ. Развитие нормативной основы этого направления контрольной деятельности оказало положительное влияние на развитие правовых основ архитектурно-строительного надзора в целом. Надзор за архитектурным обликом нашел применение и в современном законодательстве. Становление и развитие ведомственного строительного контроля и его нормативной основы является одним из ключевых моментов в развитии архитектурно-строительного надзора в России.

Существенной особенностью организации архитектурно-строительного надзора в дореволюционной России было его отнесение к компетен-

ции губернских и местных органов власти. Такая схема организации надзора существовала на протяжении длительного времени и реализована в современной России.

Таким образом, строительный надзор был направлен на обеспечение соблюдения требований при строительстве зданий, предупреждения пожаров и различных опасностей от неправильно возведенных построек.

После Октябрьской революции 1917 г. строительный надзор стал находиться в ведении других государственных органов, созданных новым государством.

В 20-е гг. прошлого века надзор за применением обязательных постановлений о застройке и привлечение к ответственности нарушителей осуществляли местные исполкомы через милицию⁴. Причем исполкомы выдавали разрешения на строительство жилых и нежилых помещений. Милиции в деле правового регулирования строительства принадлежали лишь некоторые функции, по большей части подсобные⁵.

Согласно распоряжению Президиума ВЦИК от 11.05.1921 г. право наложения административных взысканий принадлежало исполкомам. Однако исполнение взыскания производилось органами советской милиции.

В случае неуплаты штрафа милиция осуществляла принудительное взыскание на имущество нарушителя, в том числе строения.

Осуществление строительного надзора органами советской милиции было связано с внутренней и внешней обстановкой в РСФСР.

В дальнейшем ситуация изменилась. Данные государственные органы стали заниматься выполнением своей непосредственной задачи по охране правопорядка и общественной безопасности.

В постреволюционный период строительный надзор в СССР также осуществлялся местными органами власти, в частности, к ним относились Управления окружных инженеров. Это управление было создано в Омском округе распоряжением Омского окружного исполнительного комитета от 5 декабря 1925 г. Окружной инженер был обязан регистрировать принадлежащие владельцам и арендаторам предприятия, здания и сооружения. Необходимо было выдавать разрешения на постройку и капитальный ремонт зданий, проверять и утверждать все сметы на строительство при стоимости работ выше 2000 рублей золотом. Также при содействии милиции окружной инженер осуществлял надзор за соблюдением требований законодательства в части получения разрешений на строительство, привлечения в установленном порядке к ответственности.

Необходимо помнить о том, что строительство в первой половине советского периода осуществ-

лялось, в основном, для государственных нужд. Личное строительство после активного взлета в период нэпа находилось в упадке. Следовательно, надзор велся органами исполнительной власти регионального и местного уровня, осуществлявшими общее управление строительством. В Омске выдача разрешений на строительство, наблюдение за выполнением строительных правил, выдача обязательных к исполнению предписаний по общественной безопасности в строительстве входили в компетенцию строительного сектора Горкомхоза в отношении всего непромышленного строительства на территории, подведомственной Омгорсовету⁶.

Но уже в 1936 г. в Омске функционирует отдельная организация – Горстройконтроль⁷.

Окончательно органы государственного архитектурно-строительного контроля были определены в 1944 г. постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР № 1110 от 16 августа 1944 г.⁸. К таковым относились: Главное управление Государственного архитектурно-строительного контроля Союза ССР – в Комитете по делам архитектуры при СНК СССР; главные инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля союзных республик – в управлениях по делам архитектуры при совнаркомах союзных республик; инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля автономных республик, краев, областей, городов Москвы, Ленинграда и Киева – в управлениях и отделах по делам архитектуры при СНК АССР и соответствующих исполкомах Советов депутатов трудящихся; государственные инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля – в управлениях главных архитекторов городов (по особому списку, утверждаемому СНК СССР). Эти органы должны были осуществлять контроль за качеством застройки крупных городов и населенных мест городского типа, качеством строительства наиболее важных зданий и сооружений жилищного и гражданского назначения, а также за архитектурным оформлением фасадов и промышленных зданий.

Вплоть до 1991 г. система архитектурно-градостроительного контроля не подвергалась существенным изменениям. Но в результате постоянного планирования строительства в городах, монопольного государственного распределения строительных материалов и достаточно сложной процедуры получения разрешения на строительство и землеотвод частные лица вообще практически утратили возможность осуществлять строительство в своих интересах.

Следовательно, государственный контроль приобрел черты ведомственного, осуществляемого теми министерствами и ведомствами, в интересах которых и велось строительство.

Функции по осуществлению строительного надзора перешли к компетенции органов, уполномоченных государством. Контрольно-надзорная деятельность государственных органов Российской Федерации в настоящий период в области строительства – это прерогатива Госстроя России. Правовое регулирование его деятельности в обозначенной сфере предусмотрено рядом нормативных правовых актов.

Таким образом, на сегодняшний день существует (функционирует) двухуровневая модель организации архитектурно-строительного надзора, основу которой составляют уполномоченные органы субъектов Российской Федерации. Структура и правовая основа деятельности органов архитектурно-строительного надзора субъектов Российской Федерации имеют некоторые различия. Например, в Омской области архитектурно-строительный надзор осуществляется Управлением государственного архитектурно-строительного надзора и вневедомственной экспертизы, в Ростовской области – региональной службой государственного строительного надзора, в Республике Татарстан организовано девять зональных отделов, выведенных из подчинения глав администраций. Исследуя данный вопрос, можно сделать вывод о том, что перенос надзорной деятельности в регионы способствует улучшению, а также повышению оперативности принятия управленческих решений. Здесь происходит более быстрое реагирование на нарушения законодательства и рациональное распределение ресурсов надзорных органов. Вместе с тем система государственного архитектурно-строительного надзора в современной России находится в стадии становления, поскольку ещё не решены многие вопросы, касающиеся федерального управления этой сферой и координации деятельности различных государственных органов.

Из вышеизложенного можно сделать определенные выводы.

1. Государственный архитектурно-строительный надзор – это форма государственно-властной деятельности, которая обладает историческими корнями на определенных этапах развития, что обусловлено особой значимостью строительства для обеспечения роста экономического и социального благополучия.

2. Фактическим основанием осуществления государственного архитектурно-строительного надзора на протяжении всего рассматриваемого исторического периода была достаточно высокая степень опасности для жизни и здоровья населения эксплуатация некачественных зданий и соору-

жений, высокая стоимость, а также трудозатратность капитального строительства. Но в то же время при строительстве зданий соблюдались требования предупреждения пожаров и различных опасностей при неправильно возведенных постройках. В целом, независимо от того, какая форма политического режима установлена, какие созданы государственные органы и учреждения, сущность строительного надзора неизменна: обеспечение соблюдения всеми лицами установленных государством требований по возведению действительно просторного и безопасного помещения.

3. Социально-политический строй приводил к изменениям цели государственного архитектурно-строительного надзора. В средние века надзор в большей степени носил финансовый характер. Основной его целью было снижение затрат государственной казны, а также определение финансового положения административно-территориальных образований. Но с течением времени акцент был сделан в сторону обеспечения безопасности зданий и сооружений для собственников, пользователей и иных субъектов. На современном этапе главной задачей надзора является обеспечение безопасности зданий и сооружений.

4. Структура системы государственного архитектурно-строительного надзора претерпела значительные изменения за рассматриваемый исторический отрезок времени – от единоличных субъектов (воевод) до четырехуровневой структуры при существовании СССР. В России в настоящее время действует двухуровневая модель организации государственного архитектурно-строительного надзора. Ее основу составляют уполномоченные органы субъектов Российской Федерации, структура которых определяется особенностями подведомственной территории.

¹ См.: Чичерин Б. Властные учреждения в XVII веке. Т. 424: Областные учреждения России / Б. Чичерин. – М.: Изд-во Александра Семенова, 1856. – С. 178.

² См.: Полное собрание Законов Российской Империи. Т. 25. 1830 г. – С. 369-381.

³ См.: Свод законов. – Т. 12. Ч. 1. – СПб., 1900.

⁴ См.: Елистратов А.И. Административное право РСФСР. – Л., 1925. – С. 156.

⁵ Там же. – С. 72.

⁶ См.: Протокол № 32 расширенного объединенного заседания Президиума Горсовета и Горпромсовета от 23 июля 1931 г.

⁷ См.: О передаче строительства школы на 880 мест в Сталинском районе Омскшколстрою : постан. Президиума Омского городского совета Р.К. и К.Д. от 8 марта 1936 г.

⁸ См.: О государственном архитектурно-строительном контроле : постан. Совета народных комиссаров Союза ССР № 1110 от 16 августа 1944 г. (пп. 1, 2).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, РАЗМЕЩЕННЫХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

А.Н. Талапин,
кандидат исторических наук

Февральская революция в России оказала заметное влияние на политику, проводившуюся в отношении иностранных пленных, размещенных во всех уголках необъятной Российской империи. По всей России 18 апреля (1 мая по новому стилю) военнопленные наравне с местными жителями впервые участвовали в демонстрациях и митингах в честь Дня международной солидарности трудящихся. Официально Временное правительство запретило празднование первомайского дня пленными, но запрет этот повсеместно в Западной Сибири не исполнялся, при сочувствии местных Советов, живо отозвавшихся на просьбы пленных разрешить им выразить солидарность с российским пролетариатом¹. В Томске, сразу после первомайской демонстрации, пленные выступали и на другом митинге с протестом против суда, организованного австрийскими властями над Фридрихом Адлером, убившим в парламенте председателя совета министров Австрии Штюрка².

Новые демократические революционные власти, так неожиданно утвердившиеся в России в начале 1917 г., изначально заявляли о своих филантропических намерениях добиться облегчения участи не только русских пленных в странах Четверного союза, но и иностранных пленных в России. Это был вполне понятный пропагандистский ход, который должен был подействовать не только на местных обывателей, но и на самих пленных, по крайней мере, на ту их часть, которой обещались льготы. Льготы были обещаны, прежде всего, военнопленным-славянам. Известно, что еще до революции в России обсуждались всевозможные идеи облегчения их участи. Но успех любой пропаганды среди пленных, по большому счету, зависел лишь от решения одного вопроса – возможности их досрочного, до окончания войны, освобождения.

Проекты освобождения военнопленных, в частности, предоставления им таких льгот, которые сделали бы их «друзьями» свободной России, от-

крыто обсуждались военными, чиновниками, различными легальными общественными организациями (вроде многочисленных славянских обществ), а также местными периодическими изданиями еще до 1917 г. Но именно Февральская революция придавала особый импульс интересу и симпатиям к «нелегкой судьбе» военнопленных. В научной литературе давно общим местом стало указание на то, что именно Временное правительство впервые перешло от рассмотрения проектов по облегчению участи пленных к реальным шагам по их воплощению. Однако еще советские авторы, оценивая утверждавшиеся новой властью проекты облегчения участи пленных, всегда вполне обоснованно обращали внимание на их явно не альтруистический (вопреки официальной пропаганде) характер. Льготы всегда предоставлялись только «дружественным пленным» (прежде всего, славянам), при этом устанавливалось, что «применение... льгот и преимуществ касается только тех пленных... которые выразили согласие вступить добровольцами в союзные армии»³.

Известно, что для «дружественных национальностей» в лагерях военнопленных введенные в 1917 г. правила⁴ предусматривали возможность иметь своих выборных представителей, хотя в Западной Сибири с 1916 г. существовали так называемые лагерные комитеты пленных с участием в их делах членов лагерной администрации, благотворительных обществ. Предусматривалось право участия военнопленных в разборе корреспонденции и посылок, право взаимного общения, покупок на местных рынках, что также в крае принципиально не было нововведением. Не оригинальным было и разрешение на чтение книжной продукции, газет и журналов на родных языках, допущенных к обращению в России. В качестве особой льготы этим пленным разрешалось иметь в местах проведения работ своих кашеваров, гарантировалось право на обеспечение надлежащего санитарного надзора и медицинской помощи. Дозволя-

лись переписка с национальными организациями и пленными-соотечественниками на родном языке с соблюдением установленных правил военной цензуры, проживание на частных квартирах при условии особого разрешения с взятием подписки о непобеге. Главным новшеством в праве жительства на квартирах было то, что оно в первую очередь давалось не только «офицерам и лицам интеллигентных профессий», но и больным, инвалидам, а также «иным лицам других категорий по особо уважительным случаям»⁵.

Льготникам разрешалось посещать богослужения, своих духовников. Представителям национальных организаций давалось право на посещение названных пленных, хотя и эти разрешения едва ли можно назвать новшествами для Западной Сибири. Наиболее существенными, по сути, новыми (в сравнении с дореволюционной политикой в отношении «дружественно настроенных национальностей») стали разрешение на брак с русскими при условии лояльности пленных и взятии их на поруки, право заниматься любым трудом, соответствующим их подготовке и профессии, и разрешение ходатайствовать как о совместном проживании с родственниками, так и просто о перемещении из одного пункта водворения в другой.

Из сказанного видно, что льготы в отношении военнопленных были во многом формальны и зачастую просто невыполнимы. Никаких существенных привилегий не гарантировалось даже «дружественным» пленным, если только они не изъявляли желания вновь взять оружие в руки и воевать, теперь уже на стороне России и ее союзников. Сами пленные добивались от утвердившейся в России новой власти гораздо большего – освобождения. Но поскольку Временное правительство не изменило союзническим обязательствам и отказалось выводить Россию из войны, единственной надеждой для пленных обрести свободу стало получение нового, российского гражданства.

Однако в вопросе о гражданстве Временное правительство не отказалось от прежней, царской политики, разъяснив все же, что «могут переходить в русское подданство только те из иностранцев воюющих с нами держав, которые прожили в России несколько лет, имеют здесь родственников и у которых кто-либо из членов семьи находится в рядах русской армии»⁶. Зная об этом решении, пленные в своих ходатайствах подчеркивали длительность своего пребывания в России, просили разрешения на брак с русскоподданными, а если у них были семьи за границей, то наивно убеждали, что место их жительства в настоящее время находится в русских руках, там идут бои и все разорено и, вообще, они не знают, живы ли их родные. Все обращения о гражданстве, независимо от того, были ли в них ссылки на указанные обстоятельства, до окончания войны

предписывалось оставлять без движения⁷. Не могли надеяться на немедленное получение гражданства даже те из пленных-просителей, кто действительно много лет жил в России, у кого родные были не только русскоподданными, но даже служили в армии.

Таким образом, несмотря на то, что до Октябрьской революции большинству военнопленных получение гражданства в России было запрещено (со ссылкой на обещание правительства рассмотреть вопрос по окончании войны), при Временном правительстве это не исключало возможности еще до конца войны добиться получения свидетельства на право жительства в России с указанием определенного места приписки. И хотя вид на жительство в стране до окончания войны пленный получить не мог, фактически он уже приобретал право находиться в ней. Именно поэтому незадолго до Октябрьской революции по решению правительства в ответах пленным просителям местные комиссары Временного правительства стали предлагать получить вначале водворительное свидетельство⁸. Когда в Западной Сибири началась раздача водворительных свидетельств военнопленным, то обстоятельство, указывавшиеся просителем в ходатайстве, отошли на второй план. В свидетельстве указывалось, что его обладатель не перестает считаться иностранцем, обязан подчиняться всем законам о них и лишь после 5-летнего срока водворения в России он может просить МВД о принятии его в российское подданство⁹.

Среди всех сохранившихся ходатайств, которые делались военнопленными или от их имени в Западной Сибири, наиболее интересными, раскрывающими непростые, а порой трагические обстоятельства жизни, на наш взгляд, являются относительно немногие, составленные их родными и близкими, в том числе членами их новых семей, которыми они обзавелись в России. Например, одна из жительниц Томска в 1917 г. вступила в законный брак с австрийским военнопленным, получив на это соответствующее разрешение начальника штаба Омского военного округа. Ее муж – военнопленный чех Антон Кончино до войны не только жил и учился, но даже родился в России, отец и три его сестры на момент ходатайства жили в Оренбурге. В плену Кончино находился с августа 1914 г., т. е. с самого начала войны. Более того, он возбудил ходатайство о принятии в российское подданство, чтобы и после войны навсегда остаться в России. Однако не только это ходатайство, но даже прошение о праве на жительство совместно с законной супругой на частной квартире было отклонено начальником Штаба Омского военного округа. Причиной отказа стало то, что Кончино не смог представить военным необходимым ручательств за себя частных лиц, пользовавшихся доверием местных властей¹⁰. Он находился в

лагере и не имел нужных «знакомств» в городе. Ответственные лица, предлагавшие размещенным в Западной Сибири пленным представить названные ручательства, имели в виду легальные славянские организации, с царских времен открыто общавшиеся с военнопленными. Однако их представительство не было не только в местах проведения работ, где находилось большинство пленных, но даже во всех лагерях военнопленных.

При нежелании Временного правительства давать пленным российское гражданство до широкой общественности, в том числе международной, беспрепятственно доводился «голос пленных» из России и, в частности, из Западной Сибири, выступавших в поддержку русских военнопленных. Так, в майской телеграмме в Стокгольм на международную социалистическую конференцию (которая так и не состоялась) от австрийских и германских военнопленных, работавших в угольных шахтах Западной Сибири, где к началу 1917 г. пленные составляли 1/4 всех рабочих¹¹, содержался протест «против бесчеловечного обращения с русскими военнопленными в Австрии, Германии и Турции», потому что «русские рабочие, ведя борьбу за улучшение условий для себя, добиваются того же и для нас. Мы требуем подобного же отношения к русским военнопленным»¹². Митинги с протестами военнопленные организовали в Томске и его окрестностях, сумев привлечь несколько тысяч человек. Резолюцию митинговавших пленных с благодарностью «русским товарищам-рабочим» и сообщением об отчислении иностранными пленными части заработка в пользу русских пленных, томившихся в плену на территории Германии и Австро-Венгрии, опубликовала газета Томского Совета солдатских и рабочих депутатов «Знамя революции» 4 июня 1917 г.¹³ Как представляется, появление протеста было вызвано не столько абстрактными соображениями солидарности русских и иностранных пленных, сколько опасением последних возможностью ужесточения режима их содержания.

В советской историографии подобное «благородство» не принято было связывать с чем-либо, кроме пролетарской солидарности военнопленных. Но у пленных были и другие весомые аргументы. Свет на международную солидарность «западносибирских» военнопленных помогает пролить следующий характерный факт. Начальник штаба Омского военного округа в мае 1917 г. по требованию ГУГШ распорядился разослать во все пункты размещения и работ военнопленных воззвание с угрозой ухудшения их положения. Оно гласило, что ввиду тяжелых условий содержания и высокой смертности русских пленных в Германии, Австрии и Турции из-за болезней и бесчеловечного обращения русское правительство будет вынуждено соответственно изменить и их положение¹⁴.

Во избежание репрессий российские военные добивались от пленных письменных обращений и требований от своих правительств облегчения участи русских пленных и улучшения условий их содержания.

Более распространенными были требования пленных, предъявлявшиеся ими как правительству, так и местным властям в Западной Сибири: о переустройстве их внутреннего быта, предоставлении таких гражданских и политических прав, как жительство на частных квартирах (чем, кстати, немало пленных пользовалось еще до Февральской революции), свобода передвижения в пунктах квартирования, свобода собраний, профессиональных, религиозно-просветительских союзов и т. п. Подобные требования военное ведомство до Октябрьской революции справедливо оценивало как противоречащие «самому понятию о состоянии плена, неразрывно связанному с ограничением свободы»¹⁵, пытаясь при этом в качестве веского аргумента апеллировать к положению российских пленных в Центральных державах. Показательно, что мерой противодействия таким настроениям пленных стало наивное предложение военного министра А.И. Гучкова, адресованное в апреле 1917 г. всем учреждениям и лицам, ведавшим пленными, объяснить военнопленным «всю невыполнимость их стремлений и потребовать от них беспрекословного повиновения»¹⁶.

Февральская революция в России, безусловно, стала определенным рубежом для судеб военнопленных, поневоле очутившихся в самой гуще событий. При этом коррективы, которые она внесла в политику по отношению к пленным, не носили радикального характера. Произошло это как из-за стремления новой власти сохранить известную преемственность с прежней политикой в их отношении, так и потому, что политическая и классовая дифференциация в их среде была на протяжении 1917 г., от февраля до октября, весьма незначительной¹⁷. Однако подъем революционного движения в стране, безусловно, стал катализатором общественно-политической активности и социально-политического размежевания пленных, соответствующим образом менялась и политика в их отношении. Эта политика становилась более радикальной. Впоследствии, после победы Октябрьской революции, рост политического сознания пленных и вовлеченности в классовую борьбу стали задачей новой большевистской власти, боровшейся за идейное влияние на военнопленных под интернациональными лозунгами.

¹ См.: Попов Н. А. Революционные выступления военнопленных в России в годы первой мировой войны / Н. А. Попов // Вопросы истории. — 1963. — № 2. — С. 83.

² См.: ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 59. Л. 3.

³ «Дружественным пленным» гарантировались даже легальные возможности создания собственных политических

организаций. См.: *Интернационалисты*. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. – М., 1967. – С. 71.; *ТФ ГАТюмО*. Ф. 185. Оп. 1. Д. 453. Л. 97, 106.

⁴ Например, «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных поляков», разработанные к лету 1917 г. и позже распространенные на другие «дружественные народности»: чехов, словаков, сербов, румын, итальянцев, эльзасцев и др. Подробнее см.: *Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции*: Сб. ст. – М., 1967. – С. 117; *Интернационалисты*. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. – С. 71.; *ТФ ГАТюмО*. Ф. 185. Оп. 1. Д. 453. Л. 39-40, 97, 106 и др.

⁵ *ТФ ГАТюмО*. Ф. 185. Оп. 1. Д. 453. Л. 40.

⁶ *ТФ ГАТюмО*. Ф. 152. Оп. 54. Д. 12. Л. 70.

⁷ Там же. Л. 62, 69-70, 77, 83, 85-86, 88, 109-110, 112-113, 117, 119-120, 122-125, 131, 134, 136, 139, 150-151, 171-172 и др.

⁸ См.: *ГАТО*. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-4; Д. 33. Л. 1-2, 13, 16, 18, 19, 20, 22-23, 29-30, 31-32, 36-37, 57-62, 74-75, 79, 81-83 и др.

⁹ *ГАТО*. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 33. Л. 23.

¹⁰ Текст прошения с приложением соответствующих

документов, ответ на него см.: *ГАТО*. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 33. Л. 65-67, 70-73.

¹¹ См.: *Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма*. – Новосибирск, 1980. – С. 200-201.

¹² *Омский вестник*. – 1917. – 17 июня. Полный текст протеста см.: *Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР*: сб. док. в 2 т. – Т. 1. Возникновение и развитие революционного движения среди венгерских военнопленных в России. – М., 1968. – С. 16-17.

¹³ См.: *Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции*. – М., 1959. – С. 27-28.

¹⁴ *ТФ ГАТюмО*. Ф. 722. Оп. 3. Д. 44. Л. 30-31.

¹⁵ *ГАОО*. Ф. 52. Оп. 1. Д. 75. Л. 227.

¹⁶ Там же. Подробнее об основных мероприятиях Временного правительства по восстановлению дисциплины пленных см.: *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. – М., 1965. – С. 60-62.

¹⁷ Об этом аспекте проблемы в общероссийском масштабе см.: *Интернационалисты*. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917-1920 гг. – М., 1987. – С. 62-81.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕДЕРАТИВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

И.А. Журавлева, преподаватель
Омского гуманитарного института

В соответствии с Конституцией 1993 г. в Российской Федерации закреплена федеративная модель государственного устройства. Однако важен тот факт, что без фундаментального правового и духовного обеспечения федеративных отношений федерализм в России в лучшем случае превращается в формальную политическую декларацию, в худшем – быстро перерастает в бюрократический унитаризм или неустойчивый конфедерализм с опасными последствиями конфликтов и трагедий.

Основная задача в современных условиях развития российского федерализма – это реализация на практике конституционной модели последнего, его закрепления соответствующими правовыми, финансово-экономическими и организационно-управленческими механизмами, которые призваны обеспечивать федерализацию всех сфер общественной и государственной жизни. Безусловно, это государственно-реформаторская задача российского общества и государственной власти всех уровней как в тактическом, так и стратегическом измерениях.

Достоверный факт, что федерализм является наиболее устойчивой формой государственного устройства крупных, сложных, с точки зрения территориального устройства, и многонациональных государств современного мира, который позволяет выстраивать отношения власти и управления на территории всей страны с учетом как общих интересов государства, так и самобытности, специфики его составных частей – субъектов федерации и местных сообществ. Одновременно федерализм – это еще и мировоззрение, философия, культура государственного устройства и современный управленческий способ выполнения исторической для

нашей страны задачи – собирания в едином государстве народов и территорий. Поэтому сегодня трудно увидеть «чисто» унитарную или федеративную модель государства.

Важно помнить, что федерализм является еще и территориальной формой демократии, с помощью которой государство обеспечивает этнокультурный, конфессиональный и местный плюрализм, отражает в своей деятельности интересы и потребности тех или иных сообществ, развивает привычные для них системы самоорганизации, вовлекая все слои общества на всех уровнях в управление государственными и общественными делами, укрепляя единство народа и государства в целом¹. Это происходит при условии, что каждый уровень располагает не только полномочиями, но и обязанностями, мерой ответственности перед гражданами, перед государством. Такова модель федеративной демократии, где разные составные части государства уравновешены в своих правах и свободах, в возможностях учета своей специфики, совместного соблюдения обязательств по укреплению единства РФ.

Таким образом, федерализм – это способ максимального демократического приближения деятельности государства к особенностям и потребностям местных сообществ, это механизм обеспечения единства многообразия в такой сложной стране, как Россия.

Современное положение российского федерализма таково, что он достаточно тяжело преодолел этап демократического романтизма², находясь, с одной стороны, в тисках старых унитаристских подходов, с другой – под постоянным прессингом сепаратистских, конфедеративных тенденций.

Как показывает практика, наиболее перспективный путь развития государственного устройства России заключается в отходе от подобных крайних форм и наполнении всей системы государственной власти и управления, гражданского общества потенциалом федеративной демократии.

Предпринимаемые сегодня меры по упорядочению федеративных отношений в первую очередь необходимо закреплять не столько административно-политическими методами, сколько путем постоянного совершенствования механизмов правового регулирования всего комплекса федеративных отношений, федерализацией всех сфер российского общества, корректировкой форм и методов управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления³.

Если Россия встала на путь демократизации, то это обязательно должно вести к приближению государственной власти к потребностям сообществ всех уровней, интересам и чаяниям граждан. Исходя из этого, только выстраивая сверху донизу государство федеративной демократии, можно решить задачу устойчивого обустройства народов и регионов в составе единой России. Именно об этом говорит опыт государственного строительства РФ в XX в., доказывая, что унитаризм лишь на первый взгляд кажется державной идеей, но в конечном итоге лишает государство способности своевременного адаптивного и регулирования всей специфики интересов местных сообществ, регионов и народов страны.

Уже сейчас главное, чтобы федеративная демократия как наиболее приемлемая и перспективная для России форма государственного устройства и управления получила свое политическое, правовое, организационное, экономическое и культурно-информационное обеспечение. В противном случае, позиции федеративной демократии будут носить декларативный характер и не станут определяющими в повседневной деятельности Российского государства, органов власти в центре и на местах.

Дефицит федерализма и демократии несут угрозу единству России. На основе имеющегося опыта государственного строительства в РФ, федеративного потенциала важно спроектировать необходимое и перспективное состояние страны. Для этого важны не столько написание новой конституции, сколько реализация имеющегося федеративного потенциала в правовой практике, выработка и утверждение четких правовых и управленческих механизмов развития федеративных отношений по всем сферам государственной и общественной жизни.

На сегодняшний день необходимо учитывать и использовать достижения не только российского, но и мирового федерализма, использовать весь право-

вой и фактологический материал, накопленный, особенно после 1990 г., федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации, российским обществом в целом для укрепления государственности и совершенствования государственного управления России. Для этого на базе действующей Конституции, используя ее федеративный потенциал, необходимо создать ряд законодательных актов, программ, направленных на регулирование правовых, экономических, социальных и культурных отношений, способных обеспечивать как целостность единого государства, так и самоуправленческие возможности, самостоятельность субъектов Федерации, местных сообществ, а в целом — динамизм всей системы федеративных отношений.

Правовые основы разграничения предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами заложены в Конституции РФ (ч. 3 ст. 11), а также в главе «Федеративное устройство» (ст.ст. 71, 72). Статья 73 Конституции Российской Федерации устанавливает, что по всем остальным предметам ведения субъекты Федерации обладают всей полнотой государственной власти. И их перечень в субъектах часто оказывается различным. Но это не является основанием для вторжения в исключительные полномочия Российской Федерации. Во всех этих вопросах важно обеспечить укрепление вертикали власти за счет четкого правового разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Федерации, а также органами местного самоуправления. Отсутствие необходимых законов приводит к самоотстранению различных уровней власти от решения наиболее важных проблем населения страны, нарушает права и свободы граждан, ограничивает возможности местного самоуправления.

Конституция РФ и уставы субъектов Федерации включили статьи о разграничении полномочий между органами власти и органами местного самоуправления, но все это зачастую делается с позиции сохранения властных полномочий на одном уровне и перекладывания ответственности на другой уровень⁴. Именно отсутствие критериев и процедур разграничения полномочий между субъектами Федерации и местным самоуправлением стало в России причиной многих противоречий и конфликтов по всей вертикали государственной власти.

Без четкого правового разграничения полномочий между органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления принцип федерализма не доводится до местных сообществ. В результате в государственной политике неучтенными остаются интересы конкретных общин, населения районов, городов, сельских поселений. Отсюда — неурегулированность ряда культурных, экономических, языковых, местных и этнокультурных

проблем. Не в полной мере в законодательстве используется возможность наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями с передачей им необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств.

Отсутствие четкого механизма разграничения полномочий между всеми уровнями публичной власти в России не позволяет выработать единую модель федеративных отношений, которая доходила бы до каждого сообщества, до конкретных граждан и учитывала наличие в России равноправных, но в то же время и достаточно разнородных субъектов Федерации, и тем более самобытных местных сообществ – местного самоуправления.

Конкретные прикладные проблемы разграничения полномочий между органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления необходимо решать, главным образом, законодательством субъектов Федерации, а в случае необходимости – заключая конкретные соглашения на какой-то период. В противном случае легитимность выполнения органами местного самоуправления ряда государственных полномочий в любое время будет поставлена под сомнение. Безусловно, достаточно много пробелов во взаимоотношениях органов власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления заполнено решениями Конституционного и других судов.

Для современной России не существует альтернативы федерализму и демократии. Именно с ними связаны перспективы обустройства РФ, ее граждан и народов, их благополучие и безопасность. Отделение органов местного самоуправления от государственной власти не означает, что местное самоуправление перестает быть одним из основ российской государственности. Все уровни власти, в том числе и публичной, являются частью системы федеративных отношений. Самостоятельность субъектов Федерации и местного самоуправления в сфере своих полномочий призвана укреплять жизнеспособность и устойчивость Федерации, единство и управляемость государства. Нельзя забывать того, что централизация и децентрализация полномочий в одинаковой степени могут выступать рычагами укрепления государства, если ими разумно пользоваться.

При решении проблем необходимо исходить из конституционного принципа субсидиарности: вопросы отнесены разумно к компетенции того уровня управления, на котором они решаются наиболее эффективно, т.е. не обязательно все решать на федеральном уровне, если вопросы могут быть успешно решены на низовых уровнях управления. Федерализм дает возможность разумно использовать как централизацию, так и децентрализацию властных полномочий и управления в федеративном государстве.

Исходя из этого, в перспективе важно определить четкие правовые процедуры, которые, ориенти-

руясь в большей степени на учет местных, региональных, этнических и других особенностей субъектов Федерации, на потребности и самоуправленческие возможности местных сообществ, усиливали бы влияние центростремительных, объединительных тенденций развития российской государственности, а также при необходимости заложили бы механизмы четкого перераспределения полномочий органов власти по вертикали без ущерба для безопасности и целостности государства, прав и свобод граждан.

Главное – предусмотреть технологические процедуры, обеспечивающие государственно-правовые гарантии устойчивого развития российского федеративного государства на всех уровнях. Безусловно, следует усиливать меры ответственности государственных органов власти, органов местного самоуправления и должностных лиц за действия, направленные на нарушение государственной и территориальной целостности государства.

В связи с этим необходимо определить правовые процедуры, механизмы реализации совместных полномочий (ст. 72 Конституции РФ), стимулируя тем самым федерализацию всех сфер общественных отношений в нашей стране. Помимо разработки законодательства по федерализму на федеральном уровне, особое значение имеет также гармоничное соотношение федерального и регионального законодательств, их взаимодействия. Следует рассматривать федеральное и региональное законодательство в одной целостной системе, т.к. речь идет о едином правовом пространстве Российской Федерации. И здесь важно исходить из учета опять же принципа субсидиарности – взаимодополняемости, взаимозаменяемости уровней власти, совместного принятия решений, делегирования и реализации властных и управленческих полномочий в интересах повышения жизнеспособности государственной власти и системы государственного управления.

Важно сейчас выяснить суть федерализма и обозначить четкое определение сущности понятийно-категориального аппарата федерализма, например, «предмет ведения», «совместные полномочия», «совместные компетенции», «федеральное вмешательство», «субсидиарность» и другие, а также конкретные особенности их проявления в правовой практике государственного строительства и управления в России. Сюда можно отнести и уточнение статусных характеристик, компетенций, предметов ведения и полномочий субъектов федерации и их ответственности в системе федеративных отношений.

С учетом интересов, самобытности развития каждого субъекта Федерации необходим поиск правовых механизмов, которые способны стимулировать общность их базовых интересов, единство и многообразие многонационального народа РФ, тенденции к сохранению целостности России.

При помощи правовых технологий следует рас-

крыть механизмы взаимодействия общего и особенного на практике, чтобы возникло единство многообразия с целью гармоничного взаимодействия и самостоятельного развития субъектов Федерации, их политической, экономической и духовной общности, целостности российского государства. При этом важно обеспечить правовое регулирование конституционно установленных предметов ведения на каждом уровне государственной власти.

Необходимы четкие правовые механизмы разграничения полномочий, в том числе процедуры, правовые нормы распределения и практической реализации совместных полномочий на федеральном и региональном уровне, установления паритетов прав органов власти каждого уровня, исходя из того, что разграничение и распределение полномочий – это рычаги укрепления Федерации, а не ее разрыхление или ослабление.

Уточнение и правовое регулирование полномочий субъектов Федерации в законодательном процессе единого правового пространства РФ призвано привести федеративные отношения к устойчивости. Из чего вытекает потребность поиска и реализации четких правовых мер ответственности, федерального вмешательства и компенсационных механизмов в развитии федеративных отношений, доведение их до уровня местного самоуправления, обеспечивая разграничение полномочий между органами власти субъектов Федерации и органами власти местного самоуправления, вводя при необходимости механизмы делегирования органам самоуправления государственных полномочий⁵.

Особо следует предусмотреть механизмы, направленные на гарантию реализации принципов и механизмов укрепления единого правового пространства РФ, обеспечивающие на практике приоритет Конституции РФ и федеральных законов, приведение регионального законодательства в соответствие с их требованиями. В целях совершенствования российского законодательства в целом тут важны встречные усилия федерального и регионального законодательства, в том числе по учету законов и законодательных инициатив субъектов РФ, работающих в опережающем режиме. Поэтому надо преодолеть состояние пассивного участия субъектов Федерации в федеральном законодательстве⁶.

Принципиально надо предусмотреть процедуру использования института федерального вмешательства в дела субъектов Федерации как неотъемлемого и важного механизма сохранения государственной, территориальной целостности РФ, защиты прав и свобод человека и гражданина на всей территории России, учитывая при этом принцип конституционной защиты интересов субъектов Федерации (ч. 6 ст. 76 Конституции), который не до-

пускает произвольного вмешательства Федерации в сферы ведения субъектов. Речь идет о большой законотворческой работе по созданию правовых основ развития федеративных отношений, по обеспечению, реализации государственно-правового потенциала федерализма, который содержит в себе Конституция РФ. Чтобы объединить субъекты Федерации, учесть особенности местных сообществ, соблюсти права и свободы граждан, федеративное государство должно быть правовым, устойчивым и динамичным.

Принципиальное значение имеют требования Конституции РФ о государственной целостности, единстве системы государственной власти, статусе субъектов Федерации, распространении суверенитета РФ на всю ее территорию при безусловном верховенстве Конституции РФ и федеральных законов; принципы разграничения полномочий по всей вертикали государственного устройства, распределения властных полномочий, закрепления федеральных приоритетов за базовыми отраслями и ресурсами страны.

Исторический вызов, брошенный Российской Федерации, относится к сущностным вопросам исторического обустройства народов и земель в едином государстве. Поэтому первоочередной является проблема укрепления России на принципах федерализма и демократии. Совершенствование федеративных отношений в РФ станет одним из шагов последовательного правового, а не субъективного, административного и тем более конъюнктурного решения вопроса управления Федерацией, от которого зависит перспектива развития целостности и эффективности функционирования российского федеративного государства.

Таким образом, необходимо упорядочить систему государственной власти, сформировать такие правоотношения, которые позволили бы раскрыть в полной мере во всех сферах российского общества и государства государственно-правовой потенциал российского федерализма.

¹ См.: *Абдулатипов Р. Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России / Р. Г. Абдулатипов. – М.: НОРМА, 2004. – С. 45.

² Там же. – С. 25.

³ См.: *Добрынин Н.* Неизбежность системной реконструкции российского федерализма / Н. Добрынин // *Федерализм*. – 2006. – № 2. – С. 102.

⁴ См.: *Кокотов А. Н.* Разграничение и согласование полномочий РФ и субъектов РФ / А. Н. Кокотов // *Российское право : образование, практика, наука*. – 2005. – № 1. – С. 28.

⁵ См.: *Сергеев А. А.* Федерализм и местное самоуправление как институты российского народовластия / А. А. Сергеев. – М.: БЕК, 2005. – С. 67.

⁶ См.: *Чертков А. Н.* Договоры между органами государственной власти РФ и ее субъектов / А. Н. Чертков // *Журнал российского права*. – 2004. – № 8. – С. 39.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

С.О. Екимов, старший преподаватель
Омской академии МВД России, кандидат
юридических наук

Что такое терроризм? Найдется немного слов, столь прочно укоренившихся в словаре современного человека. Большинство людей имеет обобщенное и достаточно смутное представление о том, что являет собой терроризм, многим недостает ясного и по-настоящему правильного толкования данного слова. Подобная неясность поддерживается отчасти современными средствами массовой информации, чьи попытки передать зачастую сложную и запутанную информацию при наименьших затратах эфирного времени и печатного пространства привели к трактовке термина «терроризм» как проявления насилия самого широкого спектра. Зачастую несопоставимые между собой действия называют одним словом – «терроризм», будь то подрыв здания, убийство главы правительства, расстрел мирных жителей военным подразделением, отравление продуктов питания на полках магазинов или преднамеренное заражение лекарственных препаратов, отпускаемых без рецепта в аптеке. Факт остается фактом, но, в сущности, любое открытое проявление насилия, расцененное обществом как антисоциальное, неважно, проведено ли оно антиправительственными группами или самим правительством, преступными группировками или отдельными преступными лицами, учиняющей беспорядки толпой или вооруженными активистами, лицами с психическими отклонениями или вымогателями, называют терроризмом.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 34-ФЗ «О противодействии терроризму»¹ под термином «терроризм» понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Как представляется, данная формулировка понятия терроризм имеет ряд недостатков:

во-первых, исходя из определения, не совсем понятно, на какие решения органов государственной власти, местного самоуправления или между-

народных организаций направлено противоправное воздействие;

во-вторых, какие формы противоправных насильственных действий могут пониматься как террористические;

в-третьих, существенным недостатком является отсутствие указания на цели терроризма.

При введении нового термина, определения понятия необходимы научный такт, строгий учет сложившихся в науке традиций относительно терминологии, соблюдение иных требований, предъявляемых к научной юридической терминологии². Это определено тем, что каждый термин имеет конкретный смысл, содержательную сторону явлений, следовательно, более четкая и дробная терминология не должна усложнять указанную проблему.

Наиболее авторитетный источник – Большой толковый словарь русского языка – дает крайне мало информации по вышеозначенному вопросу. Его трактовка слишком букввальна и исторична, чтобы использовать ее для описания современного феномена. Она приведена ниже.

«Терроризм (от лат. — страх, ужас), политика и тактика террора. 1. Наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения; время такой борьбы. Фашистский террор (жестокая массовая расправа над мирным населением фашистской армией на оккупированной территории). Красный террор (изоляция и уничтожение большевиками своих потенциальных противников в период гражданской войны 1918-1922 гг.; вообще репрессии против различных слоев населения в годы существования Советской власти)/ Белый террор (показательные казни активных участников красного террора, осуществлявшиеся Добровольческой армией в период гражданской войны). 2. обыч. Чрезмерная жестокость в отношении к кому-либо; запугивание»³.

В Новом энциклопедическом словаре под «терроризмом» понимаются насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и др.) с целью устрашения, подавления

политических противников, конкурентов, навязывание линии поведения⁴.

Из подобных определений не ясно, что же такое есть терроризм. Вместо этого читатель почерпнет в первую очередь некие сведения из истории, а также узнает устаревшее значение данного слова, которое в отношении к современному использованию термина «терроризм» представляется бесполезным анахронизмом. Второе определение представляется более полезным. Оно точно передает такое качество терроризма, как устрашение. Однако оно довольно широко и включает в себя любые действия, которые могут устроить и запугать любого человека. Хотя это определение отчасти передает суть явления, все же оно недостаточно для точного понимания современного феномена под названием «терроризм».

Термин «терроризм», в наиболее широко применяемом сегодня смысле, имеет исключительно политическую окраску. Терроризм также неизбежно связан с властью: с погоней за властью, с приобретением власти и с использованием ее для достижения политических изменений. Таким образом, терроризм есть насилие или, что не менее важно, угроза насилием, используемая и нацеленная на достижение или продвижение некоей политической цели. Поскольку этот существенный момент должным образом подчеркнут, можно оценить значимость дополнительного определения понятия «террористический акт» – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие политических решений органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях⁵. Исходя из изложенного, можно дать определение термина «террорист» – лицо, пытающееся продвигать собственные политические взгляды или взгляды определенной группы (общности) лиц методом систематического насильственного запугивания. Это понятие, по мнению автора, четко выражает другой характерный признак терроризма, определяя террористический акт как хорошо спланированное, просчитанное и систематическое действие.

Кроме того, необходимо четко и недвусмысленно сформулировать определение понятия «терроризм» в том случае, если оно используется в законодательстве или другом формальном контексте. Иными словами, когда из обозначения отдельных людей или их поступков в качестве «террористических» можно выткать серьезные последствия правового характера. При создании подобной дефиниции очень важно учитывать несколько различных составляющих (элементов), каждое из ко-

торых может быть отнесено к понятию «терроризм» и при этом частично совпадать с другими.

1. Задачи, которые намереваются решить террористы совершением террористического акта: конкретные (например, освобождение заключенных единомышленников); неопределенные (например, деятельность «унабомбера» – Теодор Качински, бывший профессор математики, который на протяжении 17 лет рассылал письма и посылки с взрывным механизмом, чтобы таким образом положить конец «бедам современного общества и индустриально-технологического мира»). Задачи могут быть классифицированы по характеру: религиозные, политические, экономические (нередко – смешанные).

2. Состав группировки: является ли она правительством; армией; общественным движением (обладающей правительственной поддержкой или без таковой поддержки); религиозной группой; оппозиционной политической группой; группировкой; состоящей из одного человека.

3. Характер целей и жертв террористического акта: жертвы – являются ли они солдатами, дипломатами, сотрудниками правоохранительных органов, оккупантами, гражданами враждебного государства, представителями другой религиозной конфессии или единоверцами, случайными гражданскими лицами; цели – относительно небольшие (автобус, самолет, ресторан и т.п.) или большие (здание, населенный пункт, страна).

4. Характер действий террористов: пытаются ли лица, осуществляющие террористический акт, выжить или являются террористами-смертниками.

5. Ожидаемые результаты (последствия) террористического акта: рассчитывают ли лица, готовящие террористический акт, на то, что в результате его совершения их жертвы согласятся пойти на уступки в отношении конкретных требований; рассчитывают ли они на чрезмерно острую реакцию и отказ от соблюдения гражданских прав; на начало военных действий; на устрашение и запугивание противника; на дестабилизацию экономики или на комбинацию этих элементов.

6. Способ совершения террористического акта. Итак, терроризм является:

а) исключительно политическим в своих целях и мотивах;

б) насильственным или, что не менее важно, угрожающим насилием;

в) предназначенным для оказания длительного психологического влияния, а не только уничтожения конкретной жертвы или объекта;

г) проводимым организацией с распознаваемой целью управления или конспиративной ячейной структурой.

Таким образом, мы можем попытаться кратко определить терроризм как умышленное создание

и использование страха определенной социальной группы путем применения насилия или угрозы насилия ради достижения политических изменений. Терроризм предназначен для оказания длительного психологического влияния, а не только уничтожения конкретной жертвы (жертв) или объекта (объектов) атаки террористов. Задача терроризма – сеять страх изнутри и таким образом запугивать куда большую целевую аудиторию, которой может являться соперничающая этническая или религиозная группа, целая страна, национальное правительство или политическая партия, а также общественное мнение в целом.

В заключение хотелось бы процитировать Брюса Хоффмана: «Терроризм предназначен для установления власти там, где ее нет, или для укрепления власти там, где она недостаточно сильна»⁶. Посредством огласки, создаваемой их насилием, террористы пытаются заполучить рычаг давления, влияние и власть, которых им не хватает для воздействия на

политические изменения на мировом или локальном уровне.

¹ См.: СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146; № 31 (ч. 1). – Ст. 3452.

² К таким требованиям, по мнению С.С. Алексеева, относятся единство, общепризнанность и устойчивость, определяемые в свою очередь строгостью, конкретностью и устойчивостью понятийного аппарата в правовой науке, поскольку многие понятия и категории находят нормативное закрепление в законодательстве. См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. – Свердловск, 1972. – Т. 2. – С. 316-317.

³ Большой толковый словарь русского языка / Сост. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норит, 1998. – С. 1320.

⁴ См.: Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, РИПОЛ Н74 КЛАССИК, 2004. – С. 1206.

⁵ См.: Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии терроризму» (ч. 3 ст. 3).

⁶ Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. – М.: Ультра. Культура, 2003. – С. 48.

КРИТЕРИИ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

И.М. Клейменов, доцент кафедры конституционного и административного права Омского юридического института, кандидат юридических наук

Право народов и наций на самоопределение является одним из высших достижений международного права. Международное признание права каждого народа самостоятельно, без вмешательства извне определять свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие предоставило возможность колониально зависимым народам начать борьбу за свою независимость. Результатом такой освободительной борьбы стало появление новых суверенных государств, признанных мировым сообществом.

В то же время некоторые западные державы стали цинично спекулировать на самоопределении, решая свои геополитические задачи. Используя в международных отношениях политику двойных стандартов, США, например, когда им было выгодно, поддерживали сепаратистские режимы, ссылаясь на самоопределение народов, одновременно отрицая подлинное стремление народов к самоопределению, если это противоречило интересам Америки. Апогеем такой политики стала агрессия США и их сателлитов против суверенной Югославии в защиту косовских албанцев. В результате этой «гуманитарной операции» сербы были изгнаны из Косово, албанские же экстремисты фактически получили незави-

симость. США высказались также против проведения референдума о независимости в Южной Осетии, заявив, что видят будущее народа Осетии исключительно в составе «единой Грузии»¹.

Подобная политика США стала возможной вследствие отсутствия в международном праве каких-либо критериев права на самоопределение, позволяющих отличить реализацию этого права от сепаратизма.

В этой связи, полагаем, право наций на самоопределение нуждается в международно-правовом уточнении. Международное право должно установить критерии, ориентируясь на которые международное сообщество могло бы способствовать реализации права на самоопределение народами, решительно противодействуя необоснованному сепаратизму.

К таким критериям, на наш взгляд, следует отнести:

1. Нравственное право народа на самоопределение. Представляется бесспорным, что угнетенный народ имеет абсолютное нравственное право бороться со своими угнетателями за свои права и свободу. Довольно часто таким народам приходится бороться за выживание. Так, осетины в течение прошлого века дважды пережили геноцид со стороны грузинских властей: в 1920 г. и в 1989-1992 гг. В 1920 г. в Южной

Осетии грузинами были уничтожены от 6 до 8 % осетин, причем Грузия проводила политику так называемой насильственной кавказизации населения: фамилии осетин менялись на грузинские, в качестве графической основы осетинского языка стал использоваться грузинский алфавит. Во время грузино-осетинского конфликта в 1989-1992 гг. «погибли свыше 3 тысяч мирных осетин, около 300 пропало без вести, свыше 100 осетинских сел были сожжены, более 40 тысяч человек стали беженцами в России»². В то же время отсутствуют какие-либо основания говорить о том, что Чеченская республика и чеченцы подвергались дискриминации со стороны федеральной власти либо со стороны русского населения. Достаточно вспомнить, что Джохар Дудаев был советским генералом, Басаев и Масхадов – советскими офицерами, т.е. сами являлись частью этой власти. Политика Российской Федерации, напротив, отличалась необъяснимой лояльностью к дудаевскому режиму. Так, в проекте федерального бюджета на 1993 г. на Чечню закладывалось 10,5 млрд. рублей (для сравнения: на Калининградскую область было заложено всего 140 млн.), и это после того, как Дудаев в одностороннем порядке объявил о выходе Чечни из Российской Федерации. Кроме того, в 1992 г. решением министра обороны Российской Федерации Павла Грачева в Чеченской республике были оставлены 37 тыс. единиц стрелкового оружия, 27 вагонов боеприпасов, 42 танка, 34 БМП³.

2. Обоснованность (справедливость) существующих границ государства, из которых пытается выйти его часть. При реализации права на самоопределение необходимо учитывать, вследствие чего сформировались существующие границы, имела ли самоопределяющаяся нация свою государственность либо она всегда существовала исключительно в пределах существующих границ. Суть подобного критерия легко уяснить на примере Абхазии, которая никогда не была частью Грузии. На протяжении всей своей истории народ Абхазии самостоятельно определял пути своего развития: либо в рамках самостоятельного Абхазского княжества, либо в составе российского государства. К Грузии же Абхазия была присоединена, причем под давлением И.В. Сталина, только в двадцатые годы прошлого века, т.е. именно в тот период, который сами грузинские власти считают периодом оккупации Грузии Советской Россией, отрицая легитимность всех действий и решений того времени. Таким образом, Грузия косвенно сама признает историческую несправедливость присоединения к своей территории и Абхазии и Южной Осетии.

3. Наличие фактических признаков государства: территории, власти, населения. Указанные признаки должны рассматриваться как показатель зрелости самоопределяющихся территорий. В частности, наличие единой и ответственной власти является своего рода гарантией того, что получившая независи-

мость территория не превратится в никем не контролируемый криминальный анклав. К слову, и Абхазия, и Южная Осетия, и Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) имеют свою территорию, всенародно избранные органы государственной власти, осуществляющие управление данной территорией, а также население, которое, отнюдь, не мононационально. Это обстоятельство выгодно отличает их от той же Грузии, где формирование действующих органов государственной власти происходило далеко не демократическим путем. Достаточно вспомнить, что президент М.Саакашвили пришел к власти в результате государственного переворота, а не демократических выборов. В противовес сказанному, в самопровозглашенной Чеченской Республике Ичкерия (ЧРИ) наблюдалась существенная ущербность указанных признаков. Население подверглось этническим чисткам, власть была поделена между так называемыми полевыми командирами, которые контролировали захваченную ими территорию, далеко не всегда координируя свои действия с президентом Масхадовым, а иногда откровенно игнорируя его мнение. При этом если А.Масхадова еще можно назвать избранным президентом, хотя демократический характер этих выборов вызывает большие сомнения (впрочем, срок его президентских полномочий закончился в 2001 г.), то, учитывая, что больше никто никаких выборов в ЧРИ не проводил, всех прочих президентов Чечни (Абдул-Халима Садулаева, Докку Умарова) достаточно трудно называть законной властью.

4. Длительность фактической независимости самоопределяющегося народа. Опыт фактической независимости наилучшим образом демонстрирует состоятельность претензий нации на самоопределение. Общеизвестно, что Абхазия, Южная Осетия и ПМР уже более 10 лет фактически независимы от государств, к которым они юридически принадлежат.

5. Поддержка стремления к самоопределению большинством населения. Очень важно, чтобы право на самоопределение народа зиждилось на воле всего населения данной территории. Позитивной практикой в этом отношении можно назвать проведение референдумов на территориях, стремящихся к независимости. Такие референдумы были проведены, в частности, в ПМР, Южной Осетии. Явка избирателей в Южной Осетии составила 95%, из них за независимость республики (по предварительным данным) высказалось около 99%⁴. За независимость Приднестровья высказалось 97,2% избирателей, при этом в референдуме приняли участие 78,6% жителей региона⁵. Напротив, в сепаратистских регионах мнение населения абсолютно не учитывается. Например, можно ли говорить о воле чеченского народа самоопределиваться, если «в Чечне, еще до военных действий, которые развернулись в 1994 году, шла кровавая война против мирного населения – русского – так называемая при-

нудительная чеченизация. В 1980-е годы в Чечне проживало более 400000 русских, больше всего в Грозном – городе, который был русскими основан еще в XIX веке. В начале 90-х, когда Чечня находилась под Дудаевым, русских целенаправленно истребляли: мужчин убивали, женщин насиловали, стариков выдворяли. К 1994 году усилиями чеченских бандитов от полумиллионного русского населения почти никого уже не осталось – или погибли, или бежали, или пропали без вести»⁶. Очевидно, что у этих четырехсот тысяч никто не собирался спрашивать мнения о «самоопределении» республики. «Добровольный» характер поддержки сепаратистов в Чечне лучше всего иллюстрируется показаниями вынужденных переселенцев, покинувших республику⁷.

6. Соблюдение прав человека в процессе реализации права на самоопределение. Очень сложно полностью избежать нарушения прав и свобод человека при реализации права на самоопределение, так как данное право обычно встречает жесткое противодействие со стороны государств, которым юридически принадлежат данные территории. Тем более, что мировая практика знает случаи признания в качестве легитимной власти самоопределившихся территорий людей, мягко говоря, с не вполне безупречной репутацией. Таким был и Ясир Арафат, и израильский премьер-министр Менахем Бегин, и руководство ХАМАС, вставшее во главе Палестинской автономии. Однако это вовсе не должно означать, что права человека могут попирацца. Самоопределяющийся народ обязан сделать все, чтобы максимально исключить нарушение прав человека. Именно принятие такого критерия и должно способствовать этому. Здесь важно обратить внимание на то, что в некоторых случаях «самоопределяющийся» народ не только не стремится исключить нарушение прав человека, но сознательно допускает их. На некоторых примерах мы можем показать тотальное попрание таких прав. Так, показания вынужденных переселенцев из Чеченской Республики со всей очевидностью показывают политику геноцида, осуществляемого в отношении нечеченского населения (а это не только русские, но и украинцы, и армяне и многие другие), причем геноцида спланированного, осуществляемого властями Чечни, при нарочитом попустительстве правоохранительных органов республики. «В октябре 1993 г. нашу сотрудницу А.С. (1955 г.р., отправителя поездов) изнасиловали около 18 часов прямо на вокзале и избili несколько человек. В это же время изнасиловали диспетчера по имени Света (1964 г.р.). Милиция поговорила с преступниками по-чеченски и отпустила их», – вспоминает М. Олев, вынужденный переселенец из Чеченской Республики⁸. Дополнительным штрихом к вышеизложенному может послужить отношение руководства Чечни к такому явлению, как торговля людьми. Так, Хож-Ахмед Нухаев объясняет это явление сле-

дующим образом: «В Чечне не было рабочих мест, есть было нечего, тяжелое положение... вдруг кто-то чеченцу говорил: «Слушай, хочешь заработать?» Если чеченец говорит: «А где взять заложников? У меня же их нет». Сейчас же шанс заработать уходит. Таким образом брались заложники. Есть спрос... есть рынок!»⁹.

7. Мирный характер самоопределяющегося народа. Чрезвычайно важно, чтобы самоопределявшаяся территория не стала международной угрозой для мирного существования государств мирового сообщества. Абхазия, ПМР, Южная Осетия – это абсолютно мирные территории, не угрожающие территориальной целостности других государств. За достаточно длительный срок их фактической независимости они доказали отсутствие любой агрессии в их политике. Напротив, Чечня, фактически получившая независимость, после подписания 31 августа 1996 г. Хасавюртских соглашений, которые, к слову, предусматривали взаимное прекращение любых войсковых операций и спецопераций, а также построение чеченского законодательства на основе соблюдения прав человека и гражданина, обеспечение гражданского мира, межнационального согласия и безопасности граждан независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и иных различий¹⁰, не изменила свою политику и осталась серьезной угрозой национальной безопасности сопредельных государств. Уже через месяц после подписания соглашений власти Чечни нарушили их, упразднив светское судопроизводство на территории республики и утвердив нормы шариата в качестве основы уголовного законодательства. При этом в Чечне продолжали действовать вооруженные банды, которые по логике вещей должны были быть упразднены после получения независимости. Как впоследствии выяснилось, чеченские сепаратисты вовсе не собирались останавливаться на достигнутом, теперь их целью было отторжение всего Кавказа от России, что стало очевидным после нападения банды Басаева на Дагестан. Остатки чеченских сепаратистов и сейчас провозглашают такие цели. Так, самопровозглашенный президент самопровозглашенной ЧРИ Докку Умаров, отвечая на вопросы турецкого журналиста Адема Озкоше, заявил: «Возрождение Джихада на Кавказе – это условие освобождения Кавказа от московской оккупации»¹¹. Примерно такая же ситуация складывается в Косово. Этот край является сербской территорией только юридически, в действительности Косово – уже давно независимое албанское государство. Тем не менее это обстоятельство вовсе не мешает албанцам продолжать всячески дискриминировать оставшихся в крае сербов. Епископ Рашко-Призренский Артемий еще в 2004 г. заявил, что за время пребывания в Косово мирот-

ворческих сил (т.е. за время независимости Косово от Сербии. – И.К.) албанскими экстремистами было уничтожено 145 православных святынь, похищено или убито свыше 3500 сербов¹². Нельзя в этой связи не отметить, что если бы не сдерживание албанцев миротворцами, то эти цифры были бы гораздо большими. Так, в середине марта 2004 г. в Призрене албанцами были сожжены все православные объекты, в том числе церковь Богородицы Левишской XV века, а также здание духовной семинарии, кафедральный собор св. Георгия, епархиальная резиденция, монастырь Святых Ангелов, братия которого была эвакуирована миротворцами из Германии, и Церковь Христа Спасителя. Подвергся нападению и монастырь Високи Дечани, но итальянские миротворцы защитили обитель¹³.

Кроме того, если, реализуя свое право на самоопределение, нация вынуждена вести вооруженную борьбу, нужно учитывать, соблюдались ли нацией законы и обычаи войны в процессе вооруженной борьбы.

В заключение необходимо сказать, что самоопределение народа вовсе не означает его отделение от государства, самоопределение может быть реализовано и в его рамках. Право на самоопределение – это всегда право выбора народа, как и с кем строить свою жизнь. Поэтому многонациональные государства должны не лишать народы права выбора, насильно удерживая их, а обеспечить достойную жизнь всем народам и каждому гражданину своего государства, тогда выбор народов будет очевиден.

¹ См.: США против референдума в Южной Осетии [Электронный ресурс]: ИБК.ру новости. – Режим доступа: http://www.ibk.ru/news/ssh_protiv_referenduma_v_uzhnoi_osetii-24893

² Кузнецов А. Геноцид как средство борьбы за независимость [Электронный ресурс]: Lenta.ru вторник, 14.11.2006. – Режим доступа: <http://www.lenta.ru/articles/2006/10/30>

³ См.: Хинштейн А. Ельцин. Кремль. История болезни. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2006. – С. 360.

⁴ См.: Южная Осетия выбрала независимость. ЕС и США не признают референдум [Электронный ресурс]: Деловая газета «Взгляд». – 2006. – 13 нояб. Режим доступа: <http://news.gala.net/?cat=&id=231472>

⁵ См.: Официальные результаты референдума в Приднестровье [Электронный ресурс]: Деловая неделя. – 26 сент. 2006, 15-33. – Режим доступа: http://dn.kiev.ua/politic/world/pridn_26.html

⁶ См.: Хлебников П. Разговор с варваром. – М.: Детектив-Пресс, 2004. – С. 48.

⁷ См.: Геноцид русских в Чечне : Сборник [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.genocide-shechnya.front.ru>. Вот некоторые свидетельства, приведенные на указанном сайте: «6 и 7 декабря 1994 года был сильно избит за отказ от участия в ополчении Дудаева в составе украинских боевиков в с.Чечен-Аул» (Дапкулинец Е.). «Уехали 13 января 1995 года потому, что чеченцы требовали, чтобы ногайцы защищали их от российских войск. Забрали скот. Брата за отказ идти в войска избили» (Абиджалиева А.). «Всех заставляли принимать гражданство Чеченской республики, если не примешь, то не получишь талоны на продукты» (Дзюба Е.).

⁸ См.: Геноцид русских в Чечне [Электронный ресурс]: Сборник. – Режим доступа: <http://www.genocide-shechnya.front.ru>

⁹ Хлебников П. Разговор с варваром. – М.: Детектив-Пресс, 2004. – С. 178-179.

¹⁰ См.: Хасавюртские соглашения от 31 августа 1996 г. // Независимая газета. – 1996. – 3 сент.

¹¹ «Мы не сомневаемся в нашей победе...!» Кавказ Центр [Электронный ресурс]: Кавказ Интервью 9 июля 2006 г. / по материалам газеты Vakit (Турция). – Режим доступа: <http://www.kavkazcenter.com>

¹² См.: Геноцид против сербов продолжается: делегация из США пришла в ужас от увиденного в Косово [Электронный ресурс]: Косовская Правда, 2004. – Режим доступа: http://www.kosovo.ws/2004/USA_delegation_aw/htm

¹³ См.: Шестаков А. Сербская православная церковь призывает остановить геноцид в Косово [Электронный ресурс]: Православие.ру/православный сайт, март 2004. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sycon/client/display>

СУБЪЕКТЫ, УПОЛНОМОЧЕННЫЕ РАССМАТРИВАТЬ НАЛОГОВЫЕ СПОРЫ В ДОСУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Е.А. Кустова, преподаватель кафедры финансового права и судебной бухгалтерии Омского юридического института

При исследовании проблем рассмотрения налоговых споров в административном порядке нельзя обойтись без анализа реализации норм Налогового кодекса РФ по решению жалоб налогоплательщиков в практической деятельности налоговых органов.

Деятельность структурных подразделений вышестоящих налоговых органов, ответственных за подготовку проектов решений по жалобам и осуществляющих иные процедурные моменты в рамках рассмотрения жалобы, имеет ряд недостатков. В частности, достаточно большой комплекс про-

блем представляет оценка результатов работы таких подразделений и, соответственно, мотивация их сотрудников при вынесении жалобы.

Деятельность органов исполнительной власти состоит в осуществлении тех или иных мер по реализации политики государства. Управление этим процессом на федеральном уровне невозможно без определения конкретных показателей работы органа власти.

Отметим, что для системы налоговых органов основным показателем является сумма собираемых (в первую очередь доначисляемых и взыскиваемых) налогов. В идеале иерархическая структура налоговых органов должна быть лишена звеньев, у которых отсутствует функциональное назначение. На низовом уровне в выполнении основной задачи налоговых органов фактически задействованы три отдела: отдел камеральных проверок, отдел выездных проверок и юридический.

Первый отвечает за проверку правильности представляемых налоговых деклараций, а также за выявление девиантных налогоплательщиков, в отношении которых необходимо проведение иных мер налогового контроля. Отдел выездных проверок выявляет факты налоговых правонарушений (а также занижение налоговой базы, не влекущее налоговой ответственности) и отражает их в соответствующих процессуальных документах. Функция юридического отдела в первую очередь состоит в отстаивании позиции налоговых органов в судах.

На правовые подразделения как территориальных управлений ФНС, так и центрального аппарата возложен достаточно широкий круг задач по контролю и содействию юридическим отделам нижестоящих налоговых органов в их основной деятельности. Кроме того, их сотрудникам сложно перестраиваться с выполнения одного вида задач на другой — переходить от разработки позиции для представления в налоговом споре, которая подчас подразумевает тенденциозный подход к толкованию законодательства, к непредвзятой оценке доводов жалобы налогоплательщика на предмет соответствия ее закону. Все это приводит к значительному снижению эффективности досудебного обжалования как правового института, что влечет негативные последствия как для налогоплательщика, так и для налогового органа.

В случае, когда налогоплательщик не считает действия налоговых органов правомерными, приводящими к увеличению его налоговых обязательств, то при удовлетворении жалобы налогоплательщика уменьшается показатель работы налогового органа. Таким образом, на уровне вышестоящих налоговых органов структурное обеспечение рассмотрения жалоб налогоплательщика отходит на второй план по сравнению с обеспечением деятельности по взысканию налогов. Данное обстоятельство подтверждается эволюцией организаци-

онно-структурного обеспечения рассмотрения жалоб налогоплательщиков.

Так, в целях реализации положений по защите нарушенных прав налогоплательщиков, установленных в ст. 14 Закона РСФСР от 21 марта 1991 г. № 943-1 «О налоговых органах в РФ»¹, в 1996 г. в структуре аппарата Государственной налоговой службы (далее — ГНС РФ) было создано Управление рассмотрения налоговых споров и претензионно-исковой работы².

Основными задачами Управления были рассмотрение жалоб (апелляций) налогоплательщиков и других лиц, обязанных удерживать с налогоплательщиков и перечислять в бюджеты налоги и сборы, на решения государственных налоговых инспекций по субъектам Российской Федерации и действия (бездействие) их должностных лиц, связанные с налогообложением и применением финансовых и административных санкций за нарушения законодательства о налогах; обеспечение методологического единства применения налоговыми органами финансовых и административных санкций за нарушение законодательства о налогах и сборах; координация, методическое и информационное обеспечение претензионно-исковой работы в системе органов ГНС РФ и оказание налоговым органам необходимой правовой помощи в защите их законных прав и интересов при рассмотрении налоговых споров в общих и арбитражных судах; выявление и анализ причин возникновения налоговых споров и удовлетворения жалоб и исков налогоплательщиков к налоговым органам, принятие в установленном порядке мер к устранению этих причин.

В целях реализации указанных задач Управление рассматривало с участием методологических управлений жалобы (апелляции) налогоплательщиков на решения и действия (бездействие) государственных налоговых инспекций по субъектам Российской Федерации и их должностных лиц по вопросам налогообложения и подготавливало предложения по их разрешению.

После реорганизации в 1998 г. функции Управления были переданы Правовому управлению ГНС РФ, в составе которого создан отдел по рассмотрению жалоб налогоплательщиков.

В территориальных налоговых органах, в связи с отсутствием единого документа по регулированию порядка рассмотрения налоговых споров в системе органов ГНС РФ, рассмотрение жалоб осуществлялось в общем порядке рассмотрения письменных обращений налогоплательщиков.

Поворотным моментом в организации работы с жалобами налогоплательщиков в системе налоговых органов стало принятие первой части Налогового кодекса РФ. В 2000 г. было проведено заседание коллегии Министерства налогов и сборов

России (далее – МНС России) по вопросам урегулирования налоговых споров, возникающих в сфере налоговых правонарушений, в том числе по рассмотрению жалоб налогоплательщиков, судебно-арбитражной практики.

По результатам заседания коллегии управления по субъектам Российской Федерации было поручено усилить взаимодействие с арбитражными судами и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, обеспечить более полное и всестороннее рассмотрение жалоб налогоплательщиков и принятие решений по ним, в том числе с учетом арбитражной практики. Кроме того, был установлен единый методологический подход к рассмотрению жалоб Управлениями по субъектам Российской Федерации: рассмотрение жалоб и подготовку проектов по ним должны осуществлять юридические подразделения с участием методологических подразделений.

На основании этого поручения в системе территориальных налоговых органов началась «перестройка» организации работы по рассмотрению налоговых споров в административном порядке.

В соответствии с Налоговым кодексом РФ и рекомендациями МНС России в территориальных органах были разработаны Регламенты рассмотрения жалоб налогоплательщиков, которые служили в качестве внутренних документов о взаимодействии юридического и методологических подразделений на стадии подготовки проекта решения по жалобе, а также определяли участие налогового органа (должностного лица), чье решение (действия, бездействие) обжалуется, и заявителя при рассмотрении жалобы.

В настоящее время правовая основа рассмотрения жалоб в административном порядке обеспечивается следующими актами:

- Налоговый кодекс РФ;
- Приказ МНС РФ от 17 августа 2001 г. № БГ-3-14/290 «Об утверждении регламента рассмотрения споров в досудебном порядке»³;
- Письмо МНС РФ от 24 августа 2000 г. № ВП-6-18/691@ «Об обжаловании актов налоговых органов»⁴;
- Письмо МНС РФ от 05 апреля 2001 г. № ВП-6-18/274@ «О порядке рассмотрения жалоб налогоплательщиков»⁵;
- Письмо ФНС РФ от 28 февраля 2006 г. № САЭ-6-08/207@ «О подразделениях налогового аудита»⁶;
- Регламенты рассмотрения письменных возражений (объяснений) налогоплательщика по акту налоговой проверки, а также рассмотрения заявлений и жалоб физических и юридических лиц на действия или бездействие, на акты ненормативного характера налоговых органов Российской Федерации во внесудебном порядке.

На сегодняшний момент ФНС России формируются подразделения налогового аудита. На уровне

региональных управлений ФНС России система таких подразделений уже создана, для ее нормального функционирования осталось сформировать отделы во всех налоговых инспекциях межрегионального, межрайонного и территориального уровней.

Общие принципы функционирования указанных подразделений определены в Письме ФНС России от 28.02.2006 г. № САЭ-6-08/208 (далее – Письмо).

Так, на соответствующие подразделения региональных управлений ФНС России возлагаются следующие функции:

- рассмотрение жалоб физических и юридических лиц на акты нижестоящих налоговых органов, действия (бездействие) их должностных лиц в связи с осуществлением налоговыми органами полномочий, установленных нормативными правовыми актами различного уровня;
- подготовка по запросу ФНС России заключений по жалобам;
- рассмотрение возражений (разногласий) налогоплательщиков по актам повторных выездных налоговых проверок, назначенных и проведенных данным управлением ФНС России, по результатам которых подготавливается экспертное заключение об обоснованности (необоснованности) доводов налогоплательщика.

Аналогичными функциями, за исключением функции по рассмотрению жалоб, наделены отделы налогового аудита в межрегиональных, межрайонных и территориальных налоговых инспекциях.

Особое внимание в рассматриваемом ненормативном акте уделено кадровым вопросам, неизбежно возникающим в ходе формирования новых подразделений, а также вопросам функциональной независимости отделов и групп налогового аудита в налоговых органах. Так, число сотрудников отдела налогового аудита определяется, исходя из количества поступивших в 2005 г. в налоговый орган жалоб физических или юридических лиц, а также количества проводимых мероприятий, налогового контроля, и не должно быть менее пяти человек.

Кандидатуры начальников отделов налогового аудита в региональных управлениях ФНС России и в межрегиональных налоговых инспекциях по крупнейшим налогоплательщикам до назначения подлежат обязательному согласованию с начальником Управления налогового аудита ФНС России. Специалисты таких отделов должны в обязательном порядке иметь высшее экономическое или юридическое профессиональное образование и опыт работы в налоговых органах, в том числе по рассмотрению жалоб и (или) по проведению мероприятий налогового контроля и (или) по рассмотрению споров в судах.

В рассматриваемом Письме четко прослеживается тенденция на функциональное отделение традиционной деятельности юридических отделов от

деятельности вновь создаваемых подразделений. Об этом, в частности, свидетельствует содержание п. 3 Письма, в соответствии с которым в инспекциях районного и межрайонного уровня с предельной численностью менее 70 человек предусматривается обязательное создание юридического отдела. В составе отдела в обязательном порядке выделяется группа налогового аудита, функции которой не могут быть возложены на группу юристов.

Кроме того, п. 4 рассматриваемого Письма прямо запрещает возложение на подразделения налогового аудита функций по проведению мероприятий налогового контроля.

Очевидно, что вышеуказанные меры направлены на сокращение налоговых споров, поскольку уже на этапе составления итогового акта налогового контроля — решения о привлечении к налоговой ответственности — к работе подключается процессуальная инстанция, наделенная специальными полномочиями по предотвращению необоснованного привлечения к налоговой ответственности. При рассмотрении жалобы и подготовке заключения по ней участие иных заинтересованных в необъективном рассмотрении отделов исключается.

Пункт 5 Письма указывает, что координация работы подразделения налогового аудита в части рассмотрения жалоб осуществляется руководителями налоговых органов, а в части рассмотрения возражений (разногласий) налогоплательщиков допускается координация их деятельности заместителем руководителя, курирующим проведение мероприятий налогового контроля.

Вышеизложенная концепция организационной реформы (во многом уже реализованной) свидетельствует о стремлении руководства ФНС России создать в структуре налоговых органов подразделения, фактически обязанные оценивать работу иных отделов с точки зрения соответствия НК РФ.

Комментируя положения Регламента, следует отметить, что по-прежнему на уровне ведомственного правового регулирования установлена иная, отличная от установленной федеральным законом, система субъектов обжалования, так как при обжаловании действий или бездействия в форме издания ненормативного акта (что не исключено) получившее жалобу вышестоящее должностное лицо обязано переправить ее в вышестоящий налоговый орган. Оптимальным решением проблемы было бы прямое и однозначное установление в законодательстве о налогах и сборах (в п. 1 ст. 139 НК РФ) права выбора налогоплательщиком инстанции процессуального обжалования как ненормативного акта налогового органа, так и действий (бездействия) должностных лиц последнего.

Формирование подразделений налогового аудита внутри системы налоговых органов нельзя рассматривать в отрыве от других более масштабных

процессов, происходящих в нашей стране. Речь идет о процессе развития системы административной юстиции, являющегося частью реализации общей государственной политики, направленной на снижение числа административных споров с участием налоговых органов в арбитражных судах, число которых, по данным статистики, увеличивается⁷.

При формировании структурных подразделений налогового аудита, по наблюдению начальника Управления налогового аудита ФНС России, возникли недопонимание задач и недооценка перспектив развития этого нового направления некоторыми руководителями региональных управлений и налоговых инспекций⁸. Дискуссия, связанная с новым подразделением, закончена в связи с принятием Федерального закона № 137-ФЗ⁹, по которому с 2010 г. досудебный порядок рассмотрения налоговых споров является обязательным.

При этом, пожалуй, одним из главных аспектов осуществляемой организационной реформы служит то обстоятельство, что на уровне вышестоящих налоговых органов подразделения налогового аудита будут наделены функцией по рассмотрению жалоб налогоплательщиков. К фактическому решению возложенных на них задач такие подразделения еще не приступили, поэтому оценивать их эффективность, особенно в области рассмотрения жалоб, пока сложно.

Положительным моментом является уже тот факт, что рассмотрение жалоб будет отделено от работы правовых подразделений. Такое внутриведомственное разделение труда, несомненно, позитивно отразится как на качестве решений, выносимых по жалобам, так и на количестве обращений с ними в вышестоящие налоговые органы¹⁰.

Однако отметим, что работа по вынесению решений по жалобам должна оцениваться отдельно от иных видов деятельности упомянутых подразделений и по критериям, которые отражали бы обоснованность и объективность принимаемых решений. В частности, в качестве такого критерия можно использовать количество не отмененных вышестоящим налоговым органом решений, впоследствии признанных недействительными арбитражными судами или судами общей юрисдикции. Оцениваться должно соответствие правовой позиции, лежащей в основе решения, законодательству о налогах и сборах, а не влияние решения на показатели работы налогового органа в целом и отдела выездных налоговых проверок в частности.

Реформирование процедуры досудебного рассмотрения жалоб на ненормативные акты, действия (бездействие) их должностных лиц — это в первую очередь реформирование системы субъектов, уполномоченных их рассматривать, установление для них соответствующих критериев и показателей, применение которых будет способствовать

повышению объективности и обоснованности выносимых решений и в большей, нежели сейчас, степени учитывать интересы налогоплательщиков.

¹ См.: *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 15. – Ст. 492.

² См.: *О положении об управлении рассмотрения налоговых споров и претензионно-исковой работы Госналогслужбы РФ* : письмо Госналогслужбы РФ от 4 июня 1997 г. № ВК-6-11/423 // *Нормативные акты по финансам, налогам, страхованию и бухгалтерскому учету*. – 1997. – № 8.

³ См.: *Экономика и жизнь*. – 2001. – № 38.

⁴ См.: *Налоговый вестник*. – 2000. – № 10.

⁵ См.: *Экономика и жизнь*. – 2001. – № 17.

⁶ Документ опубликован не был.

⁷ См., напр.: *Зрелов А. П.* Об эффективности кассационного обжалования налоговых споров // *Налоговая политика и практика*. – 2006. – № 11. – С.36.

⁸ См.: *Елина Н. В.* Качество работы инспекций с налогоплательщиками, безусловно, улучшится // *Налоговая политика и практика*. – 2006. – № 11. – С. 4.

⁹ См.: *О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования* : федер. закон от 27 июля 2006 г. №137-ФЗ // *Российская газета*. – 2006. – 29 июля.

¹⁰ См.: *Елина Н. В.* Указ. соч. – С. 4.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ВЫДВОРЕНИИ

М.В. Назарова, преподаватель кафедры конституционного и административного права Омского юридического института

Вопросы исполнения постановления об административном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации приобретают особую актуальность в современных условиях в связи с увеличением количества иностранных граждан и лиц без гражданства, нелегально находящихся на территории Российской Федерации.

По данным управления Федеральной миграционной службы России по Омской области, только за первый квартал 2006 г. по сравнению с 2005 г. районными судами г. Омска и Омской области вынесено больше на 33 постановления об административном выдворении за пределы Российской Федерации в отношении иностранных граждан, нарушивших режим пребывания и правила осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации.

Постановления об административном выдворении за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства исполняются органами и войсками пограничной службы, а также органами внутренних дел на основании и в порядке, установленном ст.ст. 32.9 и 32.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП). «Возложение правовыми нормами на определенных субъектов обязанности исполнять постановления об административных наказаниях – это правовое регулирование подведомственности при исполнении постановлений»¹.

Остановимся на некоторых проблемах, возникающих при обращении в исполнение постановлений о назначении административного выдворения,

а также на применении административного законодательства в этой части. Д.Н. Бахрах отмечает, что «постановления о наложении административных наказаний практически останутся пустыми бумажками, если не будет организовано их четкое и своевременное исполнение»².

Исследуя деятельность по исполнению постановлений об административном выдворении, уместно заметить, что она состоит как из процессуальных действий, так и из действий материально-технического характера, дополняющих друг друга³.

Регламентирует порядок исполнения органами внутренних дел и федеральной миграционной службы постановлений об административном выдворении приказ МВД России от 24 апреля 2004 г. № 533 (далее – Приказ № 533)⁴. В соответствии с Приказом № 533 орган внутренних дел, ответственный за исполнение постановления об административном выдворении, определяет (при необходимости по согласованию с МИД России) государство выезда выдворяемого лица и принимает меры по организации выезда. На основании постановления Правительства Российской Федерации от 30 июня 2003 г. № 382 «О проставлении отметки о запрещении въезда в Российскую Федерацию некоторых категорий иностранных граждан и лиц без гражданства» в документе, удостоверяющем личность выдворяемого иностранного гражданина, и в выездной части миграционной карты сотрудником органа внутренних дел, ответственным за исполнение постановления об административном выдво-

рении, проставляется штамп установленного образца⁵. Если у выдворяемого иностранного гражданина отсутствуют документы, удостоверяющие личность, орган внутренних дел, ответственный за исполнение постановления об административном выдворении, направляет в дипломатическое представительство или консульское учреждение государства гражданской принадлежности (подданства) или постоянного проживания выдворяемого иностранного гражданина обращение о документировании выдворяемого лица в возможно короткие сроки, четко не устанавливая их пределы.

Суд при вынесении решения не интересуется, с какого времени задержан⁶ выдворяемый и тем более то, что ожидает до реального выдворения лицо, в отношении которого принято решение. А такое лицо в соответствии с ч. 5 ст. 32.10 КоАП из зала суда попадает в специальное помещение, предусмотренное ст. 27.6 КоАП, либо в специальное учреждение, создаваемое в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации, до исполнения решения (ч. 9 ст. 31, ч. 5 ст. 34 Закона об иностранцах), где его могут содержать там до поступления из бюджета денежных средств на выдворение, до комплектования группы выдворяемых одной национальности, чтобы одновременно отправить в специальном вагоне, и т.д.

Таким образом, выдворяемые не только должны содержаться отдельно в специальных отведенных помещениях, но и на уровне субъекта Российской Федерации должен быть урегулирован вопрос о порядке создания специальных помещений для содержания иностранных граждан до исполнения постановления об административном выдворении.

В соответствии с п. 25 Приказа № 533 в случае, когда документирование выдворяемого лица задерживается либо отсутствуют финансовые средства на его отправку, а также при наличии иных обстоятельств, препятствующих исполнению постановления об административном выдворении, начальник подразделения, ответственного за исполнение постановления об административном выдворении, или его заместитель направляет соответствующие материалы судье, вынесшему данное постановление, для рассмотрения вопроса о продлении срока содержания иностранного гражданина в специальных учреждениях. Но предельных сроков в Приказе № 533 не установлено. Видимо, судья должен руководствоваться своим внутренним убеждением, учитывая обстоятельства в каждом конкретном случае.

В связи с тем, что законодательство не устанавливает четких сроков, необходимых для содержания выдворяемых на территории России, сложилась порочная практика незаконного и необоснованного увеличения срока задержания выдворяемого лица. Примером может служить определение судьи Санкт-Петербургского городского суда по делу № 2-444 от 7 февра-

ля 2003 г. по жалобе Эвалака-Куму Брис на неправомерные действия должностных лиц УПВС ГУВД, развившиеся в задержании его на неопределенный срок до выдворения и в выдворении его из Российской Федерации в принудительном порядке. В кассационной жалобе заявитель просит отменить решение суда и прекратить производство по делу в связи с нарушением норм процессуального права. Как следует из материалов дела, 20 июля 2001 г. УПВС ГУВД Санкт-Петербурга и ЛО вынесено постановление о выдворении Эвалака-Куму Брис из Российской Федерации в принудительном порядке (под конвоем). 18 октября 2001 г. он в соответствии с постановлением был задержан и помещен в приемник-распределитель при ГУВД. 19 октября постановлением судьи срок задержания был продлен на 90 суток. В связи с отказом посольства Франции в получении заявителем транзитной визы авиабилет Эвалака-Куму Брис не был приобретен, и 16 июля 2002 г. он должен был быть освобожден из приемника-распределителя, но этого не последовало. Эвалака-Куму Брис был освобожден спустя 10 дней, что является нарушением закона. В результате кассационную жалобу удовлетворили и постановление судьи Дзержинского федерального суда г. Санкт-Петербурга от 20 сентября 2002 г. отменили⁷.

С учетом вышеизложенного ч. 5 ст. 32.10 КоАП может быть изменена и сформулирована следующим образом:

До административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранный гражданин или лицо без гражданства по решению суда должны содержаться в специально отведенных для этого помещениях, предусмотренных статьей 27.6 настоящего Кодекса.

Срок содержания иностранных граждан и лиц без гражданства в таких помещениях не должен превышать один месяц. В исключительных случаях указанный срок по решению суда может быть продлен не более чем на один месяц.

Иначе говоря, орган внутренних дел (чч. 2 ст.ст. 18.10 и 18.11 КоАП), органы, уполномоченные на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции (ст. 18.8 КоАП), или орган пограничной службы (чч. 2 ст.ст. 18.1, 18.4 КоАП) при наличии на то веских оснований вправе обратиться к судье районного суда с ходатайством о санкционировании содержания иностранного гражданина либо лица без гражданства в специальном помещении до непосредственного выдворения за пределы Российской Федерации. Данная форма обеспечения исполнения постановления по делу в полной мере отвечает выводам постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. № 6-П, вынесенного по делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 г. «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура⁸.

Таким образом, решение об административном выдворении автоматически не является решением суда о помещении выдворяемого в спецприемник. На содержание выдворяемого в специальных учреждениях должно быть специальное решение суда с указанием сроков содержания. Содержание в спецприемниках при вынесении решения об административном выдворении не относится к мерам наказания, а преследует цель обеспечения исполнения судебного решения об административном выдворении.

Конституционный Суд Российской Федерации уже рассматривал вопрос о конституционности задержания на неопределенный срок иностранных граждан в подобной ситуации применительно к ст. 31 Закона СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР»⁹. Указанное постановление Конституционного Суда, хотя и было вынесено до принятия нового Закона об иностранцах, но все же имеет силу и сегодня ввиду решения вопроса законности тех или иных актов применительно к Конституции Российской Федерации.

Из статьи 22 Конституции Российской Федерации следует, что задержание на неопределенный срок не может рассматриваться как допустимое ограничение права каждого на свободу и личную неприкосновенность и, по сути, служит умалением данного права. Таким образом, задержание как мера по обеспечению выполнения решения о выдворении не должно трансформироваться в самостоятельный вид наказания. В соответствии со ст. ст. 31 и 34 Закона об иностранцах «административное выдворение иностранного гражданина за пределы Российской Федерации осуществляется за счет средств выдворяемого иностранного гражданина...». Лишь при отсутствии таких средств изыскиваются иные возможности для выдворения. При этом Закон исходит из необходимости скорейшего решения вопроса о выдворении и не предусматривает отказ от средств самого выдворяемого. Но как ни парадоксально, зачастую органы внутренних дел отказываются выдворять иностранца даже после предоставления авиабилета на вылет за пределы России. У них нет гарантии, что выдворяемый уедет, или же он нужен в качестве незаменимого свидетеля по уголовному делу, а то и просто является подозреваемым, но сроки содержания истекли. Он может быть нужен с целью проведения оперативной работы, и выдворение – удобный предлог для содержания под стражей. Здесь самый подходящий вариант – обращение в консульский отдел страны, гражданином которой является правонарушитель, или поручительство адвоката либо иных лиц (на усмотрение исполняющего органа). В любом случае кто-то должен со знанием дела бороться за свободу незаконно содержащегося человека.

Конституционный Суд Российской Федерации со всей определенностью указал: «...положение Закона

СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР» о задержании на срок, необходимый для выдворения, не должно рассматриваться как основание для задержания лица на неопределенный срок даже тогда, когда решение вопроса о выдворении лица без гражданства может затянуться в силу того, что ни одно государство не соглашается принять выдворяемое лицо. В противном случае задержание как необходимая мера по обеспечению выполнения решения о выдворении превращалось бы в самостоятельный вид наказания, не предусмотренный законодательством РФ и противоречащий ... нормам Конституции Российской Федерации».

Более того, в п. 2 резолютивной части этого постановления указано, что «Федеральному Союзу надлежит урегулировать порядок задержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих выдворению из пределов Российской Федерации и уклоняющихся от выезда, в соответствии с Конституцией Российской Федерации с учетом настоящего постановления». Однако, как видим, законодатель при принятии нового Закона пренебрег указанием Конституционного Суда Российской Федерации.

Не вызывает сомнения тот факт, что отсутствие специальных учреждений, создаваемых в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации, влечет за собой усложнение механизма реализации депортации и административного выдворения и, соответственно, снижение эффективности указанных мер. Невозможность обеспечить присутствие иностранного гражданина в суде и невозможность в некоторых случаях установить местонахождение иностранного гражданина, подлежащего депортации или административному выдворению, для исполнения постановления ввиду отсутствия специальных учреждений является причиной принятия незаконных решений соответствующими органами.

В настоящее время на территории Российской Федерации выявляется значительное количество иностранных граждан, нарушающих установленный режим пребывания и подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, но имеющих при себе несовершеннолетних детей. В ряде случаев такие лица используют своих детей, включая малолетних и грудных, для занятия попрошайничеством и содержат их в условиях, угрожающих жизни и здоровью ребенка.

Действующее административное законодательство не предусматривает особого порядка привлечения к ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за нарушение ими установленного режима пребывания в Российской Федерации в зависимости от наличия или отсутствия у них несовершеннолетних детей. В перечне обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении (ст. 24.5 КоАП), наличие у граждан не-

совершеннолетних детей не является основанием для отказа в применении к ним мер административной ответственности за совершение правонарушений.

В связи с этим административное задержание, а равно и назначение наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранным гражданам (в том числе имеющим при себе несовершеннолетних детей), грубо нарушающим установленный режим пребывания в Российской Федерации, должно осуществляться в общем порядке. Соответственно такие граждане по решениям суда должны помещаться на период до административного выдворения за пределы Российской Федерации в специальные учреждения, создаваемые в порядке, установленном законом субъекта России. При этом практика применения административного выдворения к таким иностранным гражданам, грубо нарушающим правила пребывания, практически отсутствует. Поскольку если существуют специальные учреждения, то они, например, не имеют правовых оснований и технической возможности обеспечить совместное содержание иностранных граждан, подлежащих выдворению, и их несовершеннолетних детей¹⁰. Согласно принципу воссоединения семьи в случае выдворения родителей они должны следовать с ними. Необходимо, чтобы регионы приняли свои законы о создании специальных учреждениях, где можно содержать на социальном обеспечении ребенка, не отрывая его от человека, которого суд присудил выселить за пределы Российской Федерации. Условия содержания в них несовершеннолетних детей должны отвечать санитарным и медицинским требованиям, соответствовать установленным нормам для специальных учреждений для несовершеннолетних при одновременном обеспечении режима содержания их родителей, подлежащих по решениям суда административному выдворению за пределы России. В специальных учреждениях должны быть созданы условия

для работы по установлению родственных отношений содержащихся детей, поиску других законных представителей несовершеннолетних, установлению личности ребенка и проведению процедуры передачи его в необходимых случаях в специальное детское учреждение. Эти специальные учреждения возможно открыть при органах соцзащиты. Такие законы в субъектах необходимы, они помогут стабилизировать миграционную ситуацию.

Полагаем, что внесение предложенных изменений в КоАП РФ приведет к более успешной реализации исполнения постановлений об административном выдворении.

¹ Бахрах Д. Н. Административное право : учеб. для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – М.: Норма, 2004. – С. 695.

² Бахрах Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности / Д. Н. Бахрах. – Свердловск, 1989. – С. 313.

³ См.: Парыгин Н. П. Исполнение административных наказаний: учеб. пособие / Н. П. Парыгин, В. В. Головкин. – М., 2006. – С. 18.

⁴ См.: *Бюллетень* нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2004. – № 40.

⁵ См.: *Собрание* законодательства РФ. – 2003. – № 27 (ч. II). – Ст. 2805.

⁶ В данном случае следует иметь в виду, что задержание в качестве меры обеспечения может применяться как на стадии возбуждения дела об административном правонарушении, так и на стадии исполнения постановления об административном правонарушении (ч. 1 ст. 27. 3 КоАП).

⁷ См.: *Архив* Санкт-Петербургского городского суда за 2003 г. – Дело № 2-444.

⁸ См.: *Собрание* законодательства РФ. – 1998. – № 9. – Ст. 1142.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *О специальных учреждениях города Москвы для содержания иностранных граждан, подлежащих депортации или административному выдворению за пределы Российской Федерации* : закон г. Москва от 8 декабря 2004 г. № 84 // Режим доступа: <http://region.consultant.ru/moscow/doc54772.html>, свободный. – Загл. с экрана.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНОГО ЗНАКА

Н.А. Пермякова, преподаватель кафедры гражданского права Омского юридического института

Произошедшая в 90-х гг. XX века трансформация экономических отношений в России, сформировавшая рыночные основы экономики, выдвинула проблему становления новой системы отношений интеллектуальной собственности как отноше-

ний, определяющих права производителей интеллектуального продукта, защиту этих прав и стимулирование интеллектуального труда в рыночных условиях хозяйствования. Во всем мире все большее значение приобретает интеллектуальная собствен-

ность. Удельный вес прав на интеллектуальные продукты во внутреннем и международном товарном обороте постоянно увеличивается. Практически любой товар, любая услуга в качестве одной из своих составляющих имеет интеллектуальную собственность. Интеллектуальная собственность – это незадействованный ресурс экономического роста России. В современном мире, где на первый план выдвигается экономика знаний, проблема защиты интеллектуальной собственности становится одной из самых актуальных. Именно в этом направлении смещается ось конкурентной борьбы и получения конкурентных преимуществ. В то же время Россия попадает в крайне сложную ситуацию, так как для нас это одна из самых уязвимых областей.

Современный рынок с его огромным количеством товаров и услуг, предлагаемых потребителю, диктует все более жесткие правила конкурентной борьбы за право быть лучшим в своей сфере. В таких условиях одним из наиболее действенных инструментов для достижения коммерческого успеха становится товарный знак. Экономическое значение товарного знака невозможно переоценить. Товарный знак выполняет ценную макроэкономическую функцию, с точки зрения установления места происхождения продукции и услуги, и тем самым поощряет ответственность перед потребителем. Чаще всего товарный знак используется для информирования потребителя в целях расширения продажи продукции, но в наши дни использование товарных знаков становится все более сложным и разнообразным.

С принятием Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП)¹ значительно расширился круг административно-юрисдикционной защиты предпринимательских интересов. Действующий КоАП предусмотрел ответственность в области предпринимательской деятельности (глава 14). Опасность такого рода правонарушений очевидна, так как связана с дестабилизацией экономической деятельности в стране.

Одной из новелл КоАП является статья 14.10, предусматривающая административную ответственность за незаконное использование товарного знака. Дела о таких правонарушениях представляют определенную сложность, в судебной практике уже возникли затруднения в толковании и применении данной нормы. Представляется необходимым проведение научного анализа исследуемой нормы, оценка судебной практики по делам о нарушении прав на товарные знаки, выявление путей повышения эффективности административной ответственности за данное правонарушение. Любое использование товарных знаков другими лицами² без согласия владельца в какой-либо форме составляет правонарушение.

Считаем, можно согласиться с мнением

Л.Е. Чапкевич, что анализ технико-юридической конструкции позволяет сформулировать ряд замечаний к тексту ст. 14.10 КоАП³. Так, название статьи по объему противоправных действий не соответствует ее диспозиции: в названии определена административная ответственность за незаконное использование товарных знаков, а диспозиция статьи в качестве противоправных действий включает не только товарные знаки, но и наименование мест происхождения товаров, которые выступают самостоятельным средством индивидуализации товара. Что же все-таки является непосредственным объектом данного правонарушения? На наш взгляд, для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к международному законодательству⁴, которое определяет, что к объектам, индивидуализирующим юридических лиц, относятся не только товарные знаки (знаки обслуживания), но и наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования и коммерческие обозначения. Такой же позиции придерживался законодатель при определении в ст. 138 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ видов объектов интеллектуальной собственности. В связи с этим представляется целесообразным привести наименование статьи в соответствии с ее содержанием, изложив его как «Незаконное использование средств индивидуализации юридических лиц, продукции, выполняемых работ и услуг».

Центральное место в квалификации любого правонарушения занимает выявление его объективных признаков. Анализируемая статья предусматривает ответственность фактически только за одно правонарушение – за незаконное использование чужого товарного знака (знака обслуживания, наименования мест происхождения товаров) или сходных с ними обозначений для однородных товаров. На наш взгляд, такой контекст статьи приводит к расширительному толкованию нормы, в результате этого само по себе использование товарных знаков для однородных товаров не может считаться правонарушением, так как в ст. 1 Закона о товарных знаках, знаках обслуживания и наименований мест происхождения товаров (далее – Закон о товарных знаках)⁶ прямо определяется его главная функция: индивидуализация товаров одних производителей от однородных товаров других производителей. Индивидуализация возможна только в отношении однородных товаров, иначе пропадает весь смысл в использовании товарного знака.

Однородный означает относящийся к тому же роду, разряду, одинаковый⁷. С юридической точки зрения, это означает, что однородны товары, принадлежащие одному классу. Например, товары по классу 18 Единого классификатора товаров и услуг (зонты от дождя и солнца, дорожные сумки и чемоданы) будут считаться по отношению друг к

другу однородными. Особенность международного классификатора состоит в том, что он содержит в себе классы (товаров и услуг), которые корреспондируют и не корреспондируют между собой. Причем, в первом случае товары в классах имеют сходные пути распространения и аудиторию потребителей, во втором случае данные аспекты не пересекаются.

Далее законодатель определяет, что товарные знаки, использованные для маркировки однородных товаров, должны быть аналогичными, что также не совсем достаточно для квалификации состава правонарушения. Сходный согласно словарю русского языка означает похожий, подобный⁸. Для квалификации нарушения права на товарный знак данного критерия явно недостаточно. Это следует из того, что действия по использованию сходных с товарным знаком обозначений можно квалифицировать как правонарушение только в том случае, если соответствующие товарные знаки окажутся *схожими до степени смешения*, тем самым потребитель будет введен в заблуждение относительно приобретаемого им товара. Можно согласиться с мнением Л.Е. Чапкевич, что при работе над текстом ст. 14.10 КоАП РФ законодатель утратил словосочетание «до степени смешения», используемое в Законе о товарных знаках, в результате чего был искажен смысл данной статьи⁹. Закон о товарных знаках в п.2 ст. 4 заложил иной смысл при отнесении товаров, этикеток, упаковок этих товаров, на которых незаконно использованы сходные с товарными знаками *до степени смешения* обозначения, к контрафактным. В соответствии с п. 14.4.2 Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания¹⁰ обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на отдельные отличия. Таким образом, по нашему мнению, необходимо дополнить диспозицию ст. 14.10 КоАП после слов «или сходных с ними обозначений для однородных товаров» словами «*до степени смешения*», а в Законе о товарных знаках уточнить определение товарных знаков, схожих до степени смешения.

Анализ субъективных признаков исследуемого правонарушения представляет интерес, так как они связаны с рядом новелл действующего административного законодательства, с понятием и содержанием вины юридического лица. Так, КоАП в качестве субъектов ответственности за нарушения, предусмотренные ст. 14.10, называет граждан, должностных и юридических лиц. По нашему мнению, законодатель неосознанно расширил круг субъектов, подлежащих административной ответственности вследствие нарушения прав на товарные знаки. Сферой исследуемых правоотношений являют-

ся административные правонарушения в области предпринимательской деятельности. Статья 2 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг *лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке*. В качестве таких лиц могут быть зарегистрированы согласно Закону о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей¹¹, соответственно, только юридические лица и индивидуальные предприниматели. Дополнительным основанием к тому, что граждане не могут быть субъектами ответственности по ст. 14.10 КоАП, может служить абз. 3 ч. 3 ст. 23.1 КоАП, в которой предусмотрены случаи подведомственности дел арбитражным судам, если правонарушение совершено юридическими лицами, а также индивидуальными предпринимателями. В мировой практике имеются случаи привлечения физических лиц к ответственности за нарушение прав на товарные знаки – приобретателей товаров, маркированных контрафактными товарными знаками. Но статья 14.10 КоАП не распространяется на такие случаи, и, следовательно, граждане не могут быть названы в качестве субъектов ответственности, по крайней мере, до тех пор, пока их не признают таковыми. Поэтому считаем, что нарушителями прав на товарный знак могут быть только хозяйствующие субъекты.

Субъективная сторона рассматриваемого правонарушения характеризуется умышленной формой вины. Установление вины нарушителя прав на товарные знаки осуществляется с учетом положений ч. 2 ст. 2.1 КоАП о том, что у юридического лица имелись возможности соблюдения требований, за нарушение которых установлена административная ответственность, предусмотренная ст. 14.10 КоАП, но им не были предприняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Санкция статьи 14.10 КоАП предусматривает два вида наказаний: административный штраф, размер которого дифференцируется относительно субъектов административной ответственности, и конфискацию предметов, содержащих незаконное воспроизведение товарного знака. Вместе с тем, полагаем, что санкция, предусматривающая ответственность для юридических лиц, могла быть усилена, поскольку нарушителю легче выплатить штраф, чем прекратить торговлю контрафактными товарами. Целесообразно предусмотреть ответственность юридических лиц в размере одной тысячи минимальных размеров оплаты труда.

Нами затронута только часть вопросов, связан-

ных с анализом ст. 14.10 КоАП и практикой ее применения. Дальнейшее совершенствование данной нормы должно опираться на обобщение судебной практики, исследование эффективности мер административной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации юридических лиц, выполняемых работ и услуг.

¹ См.: *Российская газета*. – 2001. – 31 дек.

² Под другими лицами согласно действующей редакции Закона о товарных знаках понимаются только хозяйствующие субъекты: коммерческие юридические лица и индивидуальные предприниматели без образования юридического лица (п.3 ст.2).

³ См.: *Чапкевич Л. Е.* Административно-правовая защита от контрафактной продукции / Л. Е. Чапкевич // *Арбитражная практика*. – 2005. – № 11. – С. 33.

⁴ См., напр.: *Парижская конвенция по охране промышленной собственности*. Заключена в Париже 20.03.1883 г. с изм. от 02.10.1979 г. // Публикация №201(R). – Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1990; *Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности*. Заключена в Стокгольме 14.07.1967 г. // Публикация № 201(R). – Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1974.

⁵ См.: *Российская газета*. – 1994. – 8 дек.

⁶ См.: *Российская газета*. – 1992. – 17 окт.

⁷ См.: *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2001. – С. 446.

⁸ Там же. С. 782.

⁹ См.: *Чапкевич Л. Е.* Указ. соч. – С. 34.

¹⁰ См.: *Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарных знаков и знаков обслуживания, утвержденные приказом Роспатента от 05.03.2003 г. №32* // *Российская газета*. – 2003. – 3 апр.

¹¹ См.: *Российская газета*. – 2001. – 10 авг.

ГРАНИЦЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.Г. Полянкин, соискатель кафедры конституционного и административного права Омского юридического институт

В практической деятельности сотрудники подразделений дознания Государственного пожарного надзора постоянно сталкиваются с проблемой разграничения административной и уголовной ответственности за действие (бездействие), повлекшее возникновение пожара, и его последствия в виде причинения материального ущерба, вреда жизни и здоровью граждан. Порой бывает сложно установить, имел место административный проступок или преступление. Для этого правоприменитель – должностное лицо органа Государственного пожарного надзора при рассмотрении каждого конкретного факта пожара в равной мере руководствуется как нормами административного, так и уголовного законодательства.

В юридической литературе вопрос о критериях, ограничивающих административные правонарушения от преступлений, остается до сих пор спорным, так как очень часто в результате посягательства на один и тот же объект различных по своему характеру и интенсивности действий возникают различные правовые отношения. Таким образом, вопрос о разграничении преступлений и административных правонарушений, по сути, – это вопрос о сфере действия, границах и специфических особенностях уголовного права по сравнению с административным.

Понятия преступления и административного правонарушения достаточно точно и всесторонне

рассмотрены в теории права и закреплены в действующем законодательстве. Так, преступлением является виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания (ст. 14 УК России). В то время как административное правонарушение – есть противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом РФ об административных правонарушениях или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность (ст. 2.1 КоАП РФ). Из этого следует, что преступление и административное правонарушение характеризуются противоправностью, которая выражается в запрещении деяний, обладающих преступной или административной общественной опасностью (осмелимся употребить собственный термин), закрепленных, соответственно, нормами уголовного или административного права под угрозой применения к виновным в нарушении запрета уголовного либо административного наказания.

Учитывая, как понятия преступления и административного правонарушения закреплены в законе, можно прийти к выводу, что качественное отличие данных деяний друг от друга можно получить лишь путем анализа конкретных уголовно-правовых и административных норм, определяющих граничащие составы

правонарушений, за которые виновные при определенных условиях могут подвергаться мерам либо уголовного, либо административного наказания.

Из анализа определений преступления и административного правонарушения видно, что основным критерием, отличающим их друг от друга, является степень общественной опасности, основной из характеристик которой служит количественная составляющая – вред. Однако необходимо оговориться, что для преступлений, пресеченных на стадии приготовления или покушения, а также практически для всех правонарушений с формальным составом невозможно провести разграничение по названному признаку, поскольку вред относится к сфере последствий, выступая, таким образом, элементом правонарушения с материальным составом. Под причиненным вредом следует понимать прямой материальный вред, нанесенный правонарушением, хотя само понятие общественной опасности намного шире.

Наряду с материальным признаком всех правонарушений – общественной опасностью, нужно выделить другой критерий, свойственный в равной мере административному правонарушению и преступлению, – противоправность. Суть уголовной и административной противоправности заключается в запрещении деяний, обладающих преступной или административной общественной опасностью, соответственно, нормами уголовного или административного права под угрозой применения к виновным в нарушении запрета уголовного или административного наказания. В Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе РФ об административных правонарушениях закреплено, что деяния, подпадающие под нормы закона, должны быть одновременно общественно опасными и противоправными, т.е. законодатель установил, что для привлечения лица к ответственности необходимо сочетание материального (общественная опасность) и формального (противоправность) признаков правонарушения. Деяние, имеющее в себе лишь один из признаков, не может быть ни административным, ни уголовным правонарушением.

Учитывая изложенное, правоприменитель должен производить действия, направленные на установление наличия или отсутствия противоправности общественно опасных последствий в виде причиненного вреда, причинной связи между деянием и наступлением последствий. Только в комплексе все это позволяет точно и правильно разграничить административное правонарушение и преступление в сфере пожарной безопасности и, как следствие, верно избрать вид и меру юридической ответственности.

Анализируя смежные статьи КоАП РФ и УК России, где объектом посягательства выступает пожарная безопасность, можно сказать, что у всех норм существует одна общая черта – наличие пожара.

В КоАП РФ назван лишь один состав, предусматривающий возникновение пожара и наступление последствий от него: нарушения требований стандартов, норм и правил пожарной безопасности, повлекшие возникновение пожара без причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека либо наступления иных тяжких последствий (ч. 3 ст. 20.4). С одной стороны, данный состав является материальным, так как указывает последствия в виде возникновения пожара без причинения вреда здоровью и иных тяжких последствий, но, с другой стороны, обратившись к практике, мы увидим, что порядка 20% пожаров от их общего числа не причиняют материального вреда (в качестве примера мы можем рассмотреть пожары бесхозного имущества, пожары на списанных объектах недвижимости, пожары имущества, балансовая стоимость которого равна нулю, горение травы, мусора и т.п.) либо вреда здоровью граждан. Выход из данной ситуации видится только в одном – рассмотрение самого факта пожара как признака материального состава.

Данная норма КоАП РФ, как и аналогичные статьи Уголовного кодекса, распространяющиеся на сферу пожарной безопасности, используют следующие понятия, закрепленные в Законе о пожарной безопасности:

- пожарная безопасность – состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров;

- требования пожарной безопасности – специальные условия социального и (или) технического характера, установленные в целях обеспечения пожарной безопасности законодательством Российской Федерации, нормативными документами;

- нарушение требований пожарной безопасности – невыполнение или ненадлежащее выполнение последних;

- пожар – неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства;

- к нормативным документам по пожарной безопасности относятся стандарты, нормы и правила пожарной безопасности, инструкции и иные документы, содержащие требования пожарной безопасности.

Объектом административного правонарушения является общественный порядок и общественная безопасность, вернее, та ее часть, которая состоит из пожарной безопасности. Дополнительно предметом посягательств служат имущественные интересы граждан, организаций различной формы собственности и государства, а также жизнь и здоровье граждан. Причем вопрос принадлежности имущества не имеет принципиального значения для квалификации правонарушения.

Объективная сторона правонарушения может выражаться в нарушении требований стандартов,

норм и правил пожарной безопасности и, как следствие такого действия (бездействия), – в возникновении пожара, не причинившего тяжкого или средней тяжести вреда здоровью людей и других тяжких последствий. Под иными тяжкими последствиями следует понимать нанесение имущественного ущерба одному лицу (нескольким) в крупном размере. Если учесть, что само возникновение пожара – это материальный признак, то правонарушение можно считать оконченным с момента возникновения неконтролируемого горения.

Субъектом правонарушения является физическое вменяемое лицо старше 16 лет, совершившее правонарушение на территории Российской Федерации (в соответствии со ст.ст. 1.3, 2.5, 2.6 КоАП РФ). За данное правонарушение к административной ответственности можно привлечь должностное лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, т.е. наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях. Административное правонарушение должно быть совершено в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций (в соответствии с примечанием ст. 2.4 КоАП РФ). Наряду с этим административной ответственности может быть подвергнуто и юридическое лицо – организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, иметь самостоятельный баланс или смету (согласно Гражданскому кодексу РФ).

Субъективная сторона правонарушения может выражаться виной в форме неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть (ст. 2.3 КоАП РФ).

Анализируя УК России, можно увидеть, что существует три состава преступлений, которые предусматривают уголовную ответственность за возникновение, развитие пожара, а также последствий от него (ст.ст. 168, 219 и 261 УК). Кроме того, существует ряд преступлений, в которых пожар является средством

их совершения (ст.ст. 167, 213, 205, 243, 244 УК). Рассмотрим данные составы и разграничим их с правонарушением, предусмотренным КоАП РФ.

Итак, статья 167 «Умышленное уничтожение или повреждение имущества».

Объектом данного преступления выступают общественный порядок и общественная безопасность, в том числе и имущественные отношения, а поджог является способом совершения преступления. Если объектом преступления служит общественный порядок, нарушение общественной нравственности и т.п., то данное преступление будет квалифицироваться по ст. 213 УК.

Предмет названного преступления – любое чужое имущество, в том числе и недвижимое. Однако следует отметить, что если предметом посягательства выступают памятники истории, культуры, природные комплексы или объекты, взятые под охрану государства, предметы и документы, имеющие историческую ценность, то указанные действия будут квалифицироваться по ст. 243 УК. Если поджог совершен с целью надругательства над телами умерших либо уничтожения, повреждения или осквернения мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, то он должен квалифицироваться по ст. 244 УК. Если в качестве предмета выступают железнодорожный, воздушный, морской или речной транспорт, пути сообщения и транспортные коммуникации, то действует ст. 267 УК.

Объективная сторона характеризуется только действием и причинением последствий в виде значительного материального ущерба. Действие должно выражаться в уничтожении или повреждении чужого имущества. Уничтожение или повреждение собственного имущества не представляет собой состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК, независимо от суммы ущерба (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14). Если действия направлены на возникновение общественно опасных последствий в виде обвалов, затопления, камнепадов, аварий на объектах жизнеобеспечения населенных пунктов, т.е. возникновение реальной опасности в виде гибели людей, значимости имущественного ущерба и иных опасных последствий, то такие действия должны квалифицироваться по ст. 205 УК России «Терроризм». Уничтожение – это действие, приведшее имущество в полную негодность или к физической ликвидации, т.е. оно утратило свою экономическую ценность и не может быть использовано согласно своему хозяйственно-бытовому назначению. Под повреждением понимается утрата имуществом в определенной степени своих свойств и качеств, которые подлежат ремонту и восстановлению. Преступление считается оконченным с момента при-

чинения собственнику значительного ущерба.

Субъектом преступления, предусмотренного ст.ст. 167, 205, 213, 267 УК, является вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста, а ст.ст. 243, 244 УК – вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, умысел может быть как прямым, так и косвенным. Виновный сознает, что противоправно уничтожает или повреждает имущество, которое для него является чужим, предвидит неизбежность либо реальную возможность причинения значительного ущерба собственнику или иному владельцу и при этом желает или сознательно допускает наступление этого последствия либо относится безразлично к его наступлению. Цель преступления (при прямом умысле) и его мотив лишены корыстного содержания и могут быть любыми (хулиганские, месть, ревность и др.), за исключением тех, которые превращают деяние в преступление иного рода, например, диверсию.

Основываясь на сказанном, можно прийти к выводу, что данная группа преступлений имеет объектом посягательства общественный порядок и общественную безопасность в их широкой трактовке, в то время как административное правонарушение объектом имеет общественный порядок и общественную безопасность в более узкой трактовке, выражающейся через пожарную безопасность. Соответственно, и объективная сторона названных деяний разграничивается по сумме материального ущерба – в преступлениях он на порядок выше. Субъектом административного правонарушения может быть лицо старше 16 лет, за часть преступлений предусмотрена ответственность с 14 лет. По субъективной стороне административное правонарушение всегда характеризуется неосторожностью, в то время как указанная группа преступлений характеризуется умыслом, и пожар служит средством достижения каких-либо целей.

Теперь рассмотрим группу преступлений, в которых пожар и ущерб, причиненный им, являются не средством совершения деяния, а окончательным составом преступления. Эти преступления наиболее близко стоят к административным правонарушениям, предусмотренным ч. 3 ст. 20.4 КоАП РФ.

Объектом преступления, названного в ст. 168 УК России, служат общественный порядок и общественная безопасность, в том числе и в сфере пожарной безопасности, выражающейся дополнительно через предмет посягательства – имущественные интересы других лиц.

Объективную сторону характеризует неосторожная форма вины в виде действия (бездействия), в результате которого наступили такие последствия, как уничтожение (повреждение) чужого имущества в крупном размере путем неосторожного обращения с огнем или иным источником повышенной

опасности. Четкого определения понятия «неосторожное обращение с огнем» законодатель не дал, но, анализируя нормативную базу, можно сделать вывод, что под неосторожным обращением с огнем в УК России законодатель понимает нарушение специальных правил безопасности либо общих мер предосторожности (отметим, что понятие «общие меры предосторожности» тоже не заложено законодателем, и в данном случае его нужно рассматривать как расширительное толкование нормы), в то время как в Кодексе об административных правонарушениях данные понятия в принципе отсутствуют и применяется более узкая трактовка – нарушение конкретных требований стандартов, норм и правил пожарной безопасности.

Субъектом данного преступления может быть вменяемое лицо старше 16 лет.

Субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины в виде преступного легкомыслия либо преступной небрежности.

Таким образом, можно сделать вывод, что разграничение уголовной ответственности, предусмотренной ст. 168 УК, и административной по ч. 3 ст. 20.4 КоАП происходит по сумме причиненного материального вреда (административная ответственность предусматривает причинение меньшего вреда) и принадлежности имущества. Использование понятий «неосторожное обращение с огнем» и «общие меры предосторожности» дает более широкую трактовку действий, названных в УК, по сравнению с КоАП РФ. Следовательно, можно отметить, что ряд правонарушений, предусмотренных Уголовным кодексом, при причинении меньшего ущерба не подпадает под действие Кодекса об административных правонарушениях, и лицо, совершившее их, вообще не несет наказания, например, при неосторожности при курении, в результате которого произошел пожар, при использовании в качестве освещения источника открытого огня, что привело к пожару, и т.п. Для более точного и полного применения данных норм их необходимо привести в соответствие и ввести расширенные понятия либо в КоАП РФ, либо в нормативные акты, на которые он ссылается (Правила пожарной безопасности в РФ, СНиПы, ГОСТы и т.п.).

По статье 219 УК России «Нарушение правил пожарной безопасности» объектом преступления является пожарная безопасность, дополнительным объектом выступают здоровье и жизнь человека, имущественное право.

Объективная сторона может выражаться в действии, как непосредственно приведшем к возгоранию (нарушение правил пожарной безопасности при проведении сварочных работ), так и опосредованно (например, в силу захламления пожарных выходов), и наступлении последствий, предусмотренных данной статьей.

Субъект преступлений специальный – лицо, достигшее 16 лет, на котором лежит ответственность по соблюдению правил пожарной безопасности (данное понятие шире понятия должностного лица, данного в КоАП РФ, так как предусматривает ответственность любых лиц, обязанных соблюдать правила пожарной безопасности: ведущих огнеопасные и сварочные работы, домовладельцев и т.п.).

Субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины.

Основываясь на вышеуказанном, приходим к выводу, что разграничение уголовной ответственности, предусмотренной ст. 219 УК, с административной ответственностью, указанной в ч. 3 ст. 20.4 КоАП, в отношении должностных лиц происходит по сумме ущерба, тяжести причиненного вреда здоровью других лиц, а также по специальному субъекту («в виде лица, на котором лежит ответственность по соблюдению правил пожарной безопасности»), предусмотренному УК России, понятие которого намного шире понятия должностного лица, используемого КоАП РФ.

Согласно статье 261 УК «Уничтожение или повреждение лесов» объектом данного преступления является пожарная безопасность по охране лесных массивов, где предметом посягательства служат лес, а также насаждения, не входящие в лесной фонд, иные объекты природы. Лесные массивы – это значительные земельные площади, покрытые дикорастущими деревьями и кустарниками.

Объективная сторона может характеризоваться как в действии – поджог (умышленное действие, направленное на уничтожение или повреждение леса, древесно-кустарниковой растительности с помощью открытого огня), так и в бездействии (невыполнение правил пожарной безопасности при использовании источников повышенной опасности – отсутствие пламегасителей), в результате которых наступают последствия в виде пожара и уничтожения, т.е. полного сгорания леса или иных насаждений либо полного превращения их в сухостой, или повреждения, т.е. частичного сгорания древесно-кустарниковой растительности, ее деградации на определенных участках и т.п.

Субъектом данного преступления выступает вменяемое лицо старше 16 лет.

Субъективная сторона предусматривает двойную форму вины: умышленную (при поджоге) и неосторожную (при нарушении правил пожарной безопасности в лесах).

С учетом изложенного разграничение уголовной ответственности, предусмотренной ст. 261 УК (при неосторожной форме вины), и административной ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 20.4 КоАП РФ, происходит по сумме причиненного ущерба.

Таким образом, разграничение административного проступка и преступления возможно провести по двум основным признакам:

- степень причинения ущерба здоровью;
- сумма причиненного материального ущерба.

Если с разграничением составов по признаку тяжести телесных повреждений и принадлежности имущества законодатель четко определился, то вопросы начисления материального ущерба требуют отдельного рассмотрения. Под материальным вредом от пожара следует понимать стоимостное выражение уничтоженных и поврежденных материальных ценностей, затрат на тушение и ликвидацию последствий пожара, в том числе на восстановление объекта. Материальный ущерб от пожара состоит из прямого (оцененные в денежном выражении материальные ценности, уничтоженные и поврежденные вследствие опасных факторов пожара, огнетушащих веществ, мер, принятых для спасения людей и материальных ценностей) и косвенного (оцененные в денежном выражении затраты на тушение и ликвидацию последствий пожара, включая социально-экономические и экологические, а также восстановление объекта). В законодательстве РФ закреплено, что потерпевшему обеспечивается полное возмещение имущественного вреда. Но какой вред нужно брать за основу при квалификации правонарушения? В настоящее время практика складывается таким образом, что за основу для квалификации берется только прямой ущерб от пожара. Так, за сквозной прогар площадью 0,5 кв. метра паркета в зале площадью 30 кв. метров ущерб будет составлять только стоимость паркета на площади 0,5 кв. метра и работы по его восстановлению, в то время как реальный ущерб составляет стоимость всего паркетного пола. Таким образом, мы видим, что необходимо внесение разъяснений по порядку учета ущерба в существующее законодательство для более точной квалификации и разграничения административной и уголовной ответственности.

Решая вопрос о разграничении административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере пожарной безопасности, следует учитывать, что данные административные правонарушения и преступления материально едины и имеют лишь видовое отличие, предполагая при этом родовое сходство, отличаясь друг от друга степенью и качеством общественной опасности, которая и определяет вид противоправности в зависимости от объективных и субъективных признаков правонарушения в равной мере. Преступление и административный проступок необходимо рассматривать как самостоятельные системы, сочетающие в себе материальный признак – общественную опасность и формальный признак в виде противоправности, состоящие из элементов (объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны), взаимодействующих друг с другом. Только принимая во внимание все нюансы, можно провести правильное разграничение преступления и административного проступка.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЗАВЕЩАТЕЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ О НАЗНАЧЕНИИ НАСЛЕДНИКОВ

О.И. Городовая, научный сотрудник
отдела организации научных исследований
Санкт-Петербургского университета
МВД России

С.В. Чистельников, научный сотрудник
отдела организации научных исследований
Санкт-Петербургского университета
МВД России, кандидат юридических
наук

Законодатель закрепил возможность приобрести статус наследника по завещанию за всеми субъектами гражданско-правовых отношений: физическими и юридическими лицами, Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями. Установленные гражданским законодательством нормы о наследовании, также применяются к отношениям с иностранным элементом (участием иностранных граждан, апатридов и иностранных юридических лиц и государств), если иное не предусмотрено федеральным законом (абз.4 п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Руководствуясь принципом свободы завещания, граждане вправе: завещать свое имущество любым лицам; указать в завещании не только одного или нескольких наследников, но и подназначить наследника, завещать любое имущество, распорядиться всем своим имуществом, какой-либо его частью, указав конкретно, о каких вещах либо правах идет речь, лишить права наследования одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения. При этом нормы, содержащие указания на наличие преимущественных прав, носят диспозитивный характер.

При назначении физических лиц в качестве наследников по завещанию наследодатель вправе указать любых субъектов права, независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства,

отношения к религии, а также других обстоятельств, в пользу одного или нескольких лиц, как входящих, так и не входящих в круг наследников по закону, и не будучи связанным очередностью их призвания.

Наличие решения суда о признании гражданина – наследника по завещанию недееспособным или ограниченно дееспособным не является основанием для отстранения его от наследования, так как основным критерием получения статуса наследника является правоспособность.

К наследованию могут призываться nascитурусы, граждане зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Главным условием в этом случае является живорождение¹. Если зачатый при жизни наследодателя ребенок рождается мертвым после открытия наследства, то факт его зачатия не будет иметь юридического значения, поскольку именно с момента рождения закон связывает возникновение гражданской правоспособности².

Анализируя понятие живорождения, представляется, что в случае, если nascитурус умирает через короткий промежуток времени (например, 10 минут после рождения), он является наследником (если это предусмотрено в содержании завещания) и наследует часть наследственной массы или указанное в завещании имущество, юридическая судьба которого впоследствии будет регламентироваться нормами главы 63 ГК РФ «Наследование по закону».

Депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации разрабатывали инициативный законопроект о внесении поправок в Гражданский кодекс РФ в части, касающейся возникновения и прекращения правоспособности физических лиц. Основная идея планируемых поправок состояла в принципиально ином определении момента, с которого начинается правоспособность гражданина — не с момента рождения, как это закреплено в ГК РФ, а с момента его зачатия. В обоснование приводится ряд доводов: существование фактического, хотя и частичного признания правоспособности зачатых, но не рожденных лиц в действующем законодательстве путем признания за ними права на жизнь и права на наследство³. В качестве косвенного подтверждения правоспособности зачатого ребенка А.В. Чуев рассматривает также право беременной женщины на «определенную финансовую и социальную поддержку: отпуск и пособие».

Законодательное признание зачатых, но еще не рожденных детей правоспособными субъектами гражданского права не является мерой, эффективно охраняющей их права и интересы. Тем не менее, несомненно, что правовое положение зачатых, но еще не рожденных детей нуждается в дальнейшем глубоком анализе с учетом новых достижений во всех сферах медицинской деятельности и опыта законодательной регламентации их статуса за рубежом (например, в Венгрии, если ребенок рождается живым, он считается правоспособным с момента своего зачатия)⁴.

В случае, если назначенный в завещании наследник: умрет до открытия наследства; либо умрет одновременно с завещателем; либо умрет после открытия наследства, не успев его принять; не примет наследство по другим причинам; откажется от принятия наследства; не будет иметь права наследовать или будет отстранен от наследования как недостойный, законодатель закрепил возможность завещателя воспользоваться правом субституции (ст. 1121 ГК РФ).

В завещании могут быть названы как все основания, так и только одно, в силу которого наследство перейдет к подназначенному наследнику. Однако в случае непринятия наследником наследства по причинам, не указанным в завещании, институт субституции не применяется. В связи с этим рекомендуется завещателю перечислить в завещании всевозможные причины непринятия основным наследником (наследниками) наследства.

К наследованию по завещанию могут призываться указанные в нем юридические лица, «существующие на день открытия наследства» (абз. 2 п. 1 ст. 1116 ГК РФ). Существующими российскими юридическими лицами будут являться юридические лица из числа внесенных в Государственный

реестр юридических лиц⁵ на момент открытия наследства.

Спорно мнение О.М. Оглоблиной о том, что «для призвания юридического лица к наследованию по завещанию необходимо, чтобы оно существовало в неизменном виде с момента совершения завещания вплоть до открытия наследства»⁶. Гражданский кодекс РФ не предусматривает прямого указания на существование юридического лица на момент составления завещания. Данное обстоятельство позволяет предположить возможность назначения в качестве наследника по завещанию юридическое лицо, не существующее при его составлении (например, на стадии сбора необходимых документов или принятия решения о его создании), но которое на момент открытия наследства будет являться полноправным субъектом гражданских правоотношений.

Не может быть призвано к наследованию по завещанию ликвидированное юридическое лицо, в том числе вследствие признания его судом несостоятельным (банкротом) или реорганизованное юридическое лицо (за исключением реорганизованного в форме присоединения⁷). В данном случае институт правопреемства не имеет места, не происходит «очеловечивания» юридического лица⁸.

В случае, если на момент открытия наследства юридическое лицо было ликвидировано или реорганизовано, наследование будет осуществляться подназначенными наследниками, если такие предусмотрены завещанием, либо по закону.

Особым субъектом наследственных правоотношений является Российская Федерация. Государство как таковое не способно своими действиями приобретать и осуществлять права, а также создавать и исполнять обязанности. От его имени всегда действуют государственные органы, как являющиеся юридическими лицами, так и не признанные таковыми, в рамках которых действуют должностные лица. Именно их сознание и воля позволяют действовать государству как субъекту права⁹. В соответствии с п. 3 Положения о порядке учета, оценки и реализации конфискованного, бесхозного имущества, имущества, перешедшего по праву наследования государству, и кладов компетентным представителем Российской Федерации в вопросах учета, принятия мер по охране и оценке имущества, перешедшего в установленном порядке по праву наследования к государству, являются налоговые органы¹⁰.

В качестве наследников по завещанию могут быть назначены субъекты Российской Федерации (республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа), муниципальные образования (городское, сельское поселение, несколько поселений, объединенных общей территорией, часть поселения, иная населенная терри-

тория, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет, казна и выборные органы местного самоуправления¹¹), иностранные государства и международные организации. По аналогии с ч.2 п. 1 ст. 1116 ГК РФ они также должны существовать на день открытия наследства.

Признание статуса наследника по завещанию за Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями дублирует положение ст. 124 ГК РФ о признании их субъектами гражданского права наравне с физическими и юридическими лицами.

¹ Живорождением является полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, причем плод после такого отделения дышит или проявляет другие признаки жизни, такие, как сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры, независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента. Каждый продукт такого рождения рассматривается как живорожденный. (Инструкция «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода» к приказу Минздрава Российской Федерации от 4 декабря 1992 года № 318 «О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения»).

² Положение о том, что правоспособность ребенка как самостоятельного субъекта права возникает только с момента его появления на свет и только при условии, что он родится живым, неуклонно соблюдалось на всех этапах развития римского государства. Это положение никем не оспаривалось, и споры между представителями сабинианской и прокулианской юридических школ велись только о моменте, с которого ребенка следует считать живым: с момента, когда он издал первый крик, или с момента, когда он подал любые другие признаки жизни.

³ См.: *Предложение о внесении поправок в ГК Рос-*

сийской Федерации в части, касающейся возникновения и прекращения правоспособности физических лиц (Интервью с депутатом Государственной Думы, заместителем председателя комитета по общественным объединениям и религиозным организациям А. В. Чувевым) // *Нотариус*. – 2004. – № 2. – С. 45-48.

⁴ Положение о признании некоторых субъективных гражданских прав за зачатом, но еще не родившимся ребенком было сформулировано свыше двух с половиной тысячелетий тому назад – в Законах XII Таблиц, в которых за такими детьми (называемыми насцитурусами, т.е. еще не рожденными) признавалось право наследования в имуществе отца, умершего во время беременности матери. Такой подход полностью сохранился в последующие века и получил свое развитие и закрепление в Дигестах Юстиниана: «Кто находится в чреве, охраняется, как если бы он находился среди людей, поскольку дело идет о выгоде самого плода». В интересах детей еще в древности была сформулирована правовая фикция: «Ребенок, родившийся после смерти отца, считается родившимся до его смерти».

⁵ В редакции Федерального закона от 21 марта 2002 г. № 31-ФЗ «О приведении законодательных актов в соответствие с Федеральным законом "О государственной регистрации юридических лиц"» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2002. – № 12. – Ст. 1093.

⁶ *Оглоблина О. М. Завещание*. М.: Изд. М.Ю. Тихомирова, 2005. – С. 7.

⁷ При присоединении одного юридического лица к другому юридическому лицу к последнему переходят права и обязанности присоединенного юридического лица, следовательно, оно продолжает свое существование, оставаясь тем же субъектом права, которое было названо в завещании в качестве наследника.

⁸ См.: *Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях*. – М., 1984. – С. 56-58.

⁹ См.: *Гражданское право: учебник*. Ч. 1. Изд. третье, перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 1998. – С. 182.

¹⁰ См.: *Постановление СМ СССР от 29 июня 1984 г. №683*.

¹¹ См.: *Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»* (ст. 1) // *Собрание законодательств РФ*. – 1995. – № 35. – Ст. 3506.

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Н.В. Захарова, заместитель
заведующего кафедрой гражданского
права Омского юридического института

Понятие «правовое регулирование» вошло в научный оборот, начиная с 60-х гг. нынешнего столетия¹.

С.С. Алексеев считает, что по своей природе правовое регулирование является разновидностью социального регулирования, которое строится так, чтобы иметь целенаправленный, организованный, потенциально результативный характер, и осуществляется при помощи целостной системы средств, реально выражающих материю по-

зитивного права как нормативного институционального образования – регулятора². Следовательно, правовое регулирование, по мнению С.С. Алексеева, осуществляется адресатами права.

В.В. Лазарев, напротив, рассматривает правовое регулирование как часть (аспект) действий права, которая характеризует специально-юридическое (не информативное и ценностно-мотивационное) воздействие права на поведение и деятельность его адресатов, но непосредственно с ними еще не связана³.

Как отмечает В.И. Гойман, правовое регулирование охватывает и государственную деятельность, связанную с выработкой юридических установлений, а также с определением юридических средств обеспечения их действенности, и деятельность непосредственных участников общественных отношений, направленную на поиск и привлечение средств юридического регулирования, для согласования своего поведения с правом. Поэтому оно (правовое регулирование) может быть представлено как государственным регулированием, так и регулированием, осуществляемым непосредственно адресатами права, т.е. саморегуляцией⁴. Полагаем, именно с точки зрения В.И. Гоймана следует согласиться, анализируя специфику правового регулирования земельных правоотношений.

Непосредственным предметом правового регулирования земельных правоотношений выступают отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации (п. 1 ст. 3 Земельного кодекса Российской Федерации; далее – ЗК РФ). Вместе с тем необходимо иметь в виду, что имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними (ст. 3 ЗК РФ) являются, по существу, гражданско-правовыми и регулируются гражданским законодательством. Так, статья 10 ЗК РФ корреспондирует со ст. 129 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), согласно которой «земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах».

Кроме того, важная роль в регулировании земельных отношений отводится специальному законодательству. Например, Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения) регулирует отношения, связанные с владением, пользованием, распоряжением земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения, устанавливает правила и ограничения, применяемые к обороту земельных участков и долей в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения – сделкам, результатом совершения которых служит возникновение или прекращение прав на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения и доли в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, определяет условия предоставления земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, а также изъятия их в государственную или муниципальную собственность (ст. 1 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения).

Земельные правоотношения регулируются также нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и правовыми актами органов местного самоуправления. Например, в Омской области принято около 50 законов, указов и постановлений правительства, цель которых – регулирование отношений по использованию, охране и обороту земель.

Несмотря на обилие нормативных документов, регулирующих земельные отношения, содержание правоотношений по использованию земель в Российской Федерации вызывает массу дискуссий. Так, неоднозначно на сегодняшний день понимание сути отношений по использованию земельных участков. Существует точка зрения, что правоотношения по использованию земли – не что иное, как отношения, связанные с пользованием земельным участком. Но доктринальное толкование норм земельного законодательства позволяет сделать вывод, что термин «использование земель» – не синоним понятия «пользование земельным участком». Последнее как одно из триады права собственности не вызывает сомнений в понимании и толковании. Дефиниция же «использование земель» законодателем не раскрыта. Как верно утверждает В.В. Сорокин, трудно установить и изучить отношения между какими-либо явлениями, если сами они определены нечетко⁵. Зачастую вместо того, чтобы уделить серьезное внимание понятию, например, «пользование земельным участком», авторы стремятся предложить взамен совершенно новые термины. Безусловно, каждый правомочен в рамках своего исследования придерживаться того или иного понимания значения используемых научных терминов. Но совершенно недопустимо такое положение, когда происходит смешение содержания основных понятий, противоречащее исходным методологическим принципам⁶.

Классификацию земельных правоотношений можно строить как по основанию отнесения земель к той или иной категории, так и по другим признакам, в зависимости от того, какую особенность земельных правоотношений мы намерены выделить и исследовать. Свое юридическое значение имеет, например, классификация земельных правоотношений по их субъекту. Участниками этих отношений могут выступать сельскохозяйственные организации, товарищества, акционерные общества, граждане и др. Земельные правоотношения могут различаться по степени взаимной обязанности их участников. Они могут быть *отношениями равноправия* и *отношениями подчиненности* одной стороны другой. Как правило, равноправные земельные отношения возникают между теми или иными гражданами и юридическими лицами – пользователями земельных участков. Так, согласование между соседями о порядке использования смежных земельных

участков осуществляется путем свободной договорности. Стороны этих отношений обязаны в равной мере воздерживаться от нарушения установленного порядка пользования землей. Партнерские отношения складываются между арендатором и арендодателем, в том числе при сдаче земельного участка в аренду, поскольку участники этих отношений обязаны добиваться взаимного согласия, не нарушать законных интересов другой стороны.

При отношениях подчиненности складывается иной характер поведения субъектов права пользования землей. В этих отношениях, как правило, одной из сторон является орган управления, который по закону правомочен давать те или иные указания землепользователю, контролировать его поведение и т.д. Так, должностное лицо землеустроительной службы может потребовать от сельскохозяйственной организации прекращения работ, угрожающих порчей сельскохозяйственных угодий, и собственник, землепользователь, землевладелец обязаны подчиниться этим законным требованиям.

Специфика регулирования тех или иных земельных правоотношений поставлена в зависимости от типа правового регулирования.

Тип правового регулирования на сегодняшний день – это устоявшаяся теоретическая категория, означающая соотношение разрешенного и запрещенного. Именно тип правового регулирования отражает социально-юридическую специфику правового регулирования, порядок воздействия права на земельные правоотношения и его направленность. Обычно выделяют два типа – общедозволительный и разрешительный.

Первая формула – «дозволено все, кроме того, что прямо запрещено законом». На данной формуле построен общедозволительный тип правового регулирования. По этому типу в регламентируемых правовых отношениях устанавливаются строго и четко сформулированные запреты. Как правило, объем этих запретов невелик, а объем дозволений не определен. Он характерен для отношений, регламентируемых, прежде всего, отраслью гражданского права.

Вторая формула правового регулирования звучит иначе: «запрещено все, кроме прямо разрешенного». Сказанное означает, что участник правовых отношений подобного типа может совершать только действия, которые прямо разрешены законом, а все остальные действия запрещены. Этот тип правового регулирования принято называть разрешительным. В законе указывается точный, строго ограниченный объем правомочий: все, что выходит за пределы компетенции властвующего субъекта, категорически запрещено. Он присущ тем отраслям права, которые связаны, например, с государственным управлением (административное право).

Для земельных правоотношений характерен императивно-диспозитивный метод правового ре-

гулирования. Причем, именно императивно-диспозитивный, так как диспозитивность присуща данным отношениям в рамках ограниченного объема полномочий участников земельных отношений.

При анализе сочетания дозволительного и разрешительного типов правового регулирования надо иметь в виду, что общие дозволения могут непосредственно порождать юридические последствия, например, общее дозволение в отношении свободы договоров. Если нет запрета, установленного законом, то каждый участник земельных отношений имеет право заключать любой договор с кем угодно. Но вот общие запреты, как правильно подчеркивает С. С. Алексеев, непосредственно не могут порождать юридических последствий⁷.

Важное значение для решения проблемы регулирования земельных отношений имеет и вопрос о пределах названных типов правового регулирования. Разрешительный тип ни в коем случае не должен сковывать инициативу, предприимчивость субъектов земельных отношений, а предусматривать оптимальное количество инстанций, органов, разрешающих или запрещающих ту или иную деятельность по использованию и охране земель. Дозволительный тип регулирования, в свою очередь, не должен превращаться в злоупотребление дозволениями, правами.

В общем виде недопустимость злоупотребления правом установлена в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина (применимых и к юридическим лицам) не должно нарушать права и свободы других лиц. Иными словами, недопустимость злоупотребления правом является конституционно закрепленным общеправовым принципом в виде общего запрета, который предопределяет порядок реализации всех прав и свобод, а не только гражданских. В связи с этим вряд ли возможно рассматривать его лишь в качестве отраслевого принципа, принципа гражданского права, каким его считают цивилисты. Вся система прав и свобод строится таким образом, чтобы обеспечить законные интересы людей и предотвратить возможные ущемления их прав и свобод в результате злоупотребления ими со стороны отдельных лиц.

Теория злоупотребления правом известна многим странам различного правового семейства. Данный вопрос весьма детально урегулирован в мусульманском праве. Например, собственник земельного участка не имеет права рыть колодец в таком месте, где тот может нанести ущерб собственнику уже существующего соседнего. Мусульманская правовая доктрина, основываясь на хадисе о воздержании от всякого пользования, способного нанести ущерб другому, полностью запрещает собственнику злоупотреблять своим правом собственности или использовать его во вред «умме», бесцельно уничтожать имущество, без повода грубо обращаться

со своими рабами или животными.

Англосаксонская правовая доктрина выделяет следующие виды злоупотребления правом: контракты, направленные на совершение незаконных действий или на причинение вреда, противоречащие добрым нравам и публичному порядку, предусматривающие торговлю с враждебным государством, направленные на ограничение торговли, а также незаконный способ исполнения сделок. Свод английского гражданского права регулирует также злоупотребление правом в сфере отправления правосудия: злонамеренное судебное преследование (Malicious Prosecution) и злоупотребление гражданским процессом (Abuse of Civil Process), суть которых заключается в злонамеренных судебных преследованиях с целью подорвать репутацию другого лица и прочих действиях.

В отечественной юридической литературе ведется длительная дискуссия о понятии и содержании категории «злоупотребление правом». По мнению И. Я. Дюрягина, злоупотребление правом выражается в искажении назначения права, в противопоставлении буквы закона его духу⁸.

С точки зрения В.П. Грибанова, особенность злоупотребления правом состоит в том, что оно возникает на базе осуществления субъективного права, т. е. на базе дозволенного законом поведения. При этом обязанность управомоченного лица состоит в том, чтобы не нарушать пределов осуществления права⁹. В.И. Гойман считает, что злоупотребление правом — это не особый тип правонарушения, а разновидность неправовых действий, связанных со злоупотреблением правовой свободой, основанное на эгоистических побуждениях поведение управомоченного субъекта, противоречащее природе права, закрепленной в его нормах цели либо связанное с привлечением неправовых средств для ее достижения¹⁰.

А.С. Шабуров также считает, что злоупотребление правом нельзя признавать правонарушением¹¹. Однако отрицание противоправности злоупотребления правом не дает оснований и для характеристики его как поведения правомерного, ибо последнее всегда социально полезно. Он предлагает рассматривать злоупотребление правом как самостоятельный вид правового поведения, который, в отличие от правонарушения, влечет за собой нетрадиционные юридические последствия.

А. Курбагов предпринимает попытку взглянуть на проблему злоупотребления правом с точки зрения проявления интересов. Для квалификации каких-либо действий как злоупотребления правом (властью), с его точки зрения, необходима совокупность двух факторов: 1) нарушение законных (охраняемых законом) частных и публичных интересов; 2) реализация права с выходом за его пределы, т. е. не в соответствии с объективным интере-

сом, лежащим в его основе¹². В качестве правового основания напрямую должна применяться норма ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации. С одной стороны, его позиция заслуживает внимания потому, что она учитывает возможность нарушения публичных интересов, а не только частных, а с другой — непонятно, что понимать под объективным интересом и можно ли рассматривать злоупотребление правом как правонарушение, поскольку автор прямо такого вывода не делает, хотя и не соглашается с мнением, что злоупотребление правом может быть правомерным.

Анализируя применение уполномоченными субъектами отдельных норм земельного права, полагаем, что злоупотребление правом имеет место и в тех случаях, когда выход за пределы осуществления субъективного права связан исключительно с его использованием во зло кому-либо или чему-либо.

Например, ранее проведенный кадастровый учет земельных участков фактически аннулируется нормой п. 1 ст. 22 и п. 3 ст. 21 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре» (далее — Закон о земельном кадастре): в случае, если сведения ранее проведенного государственного земельного кадастра «...неудаются в уточнении и (или) отсутствуют сведения о его разрешенном использовании и (или) принадлежности к категории земель правообладателю такого земельного участка или уполномоченному им лицу одновременно с выпиской, предоставляемой ему в соответствии с правилами настоящей статьи, выдается справка о составе документов, которые необходимо подать в орган, осуществляющий деятельность по ведению государственного земельного кадастра, для уточнения указанных сведений», при этом «...в случае, если в представленных в органы, осуществляющие деятельность по ведению государственного земельного кадастра, документах отсутствуют сведения, необходимые для проведения государственного кадастрового учета земельных участков, или если такие сведения противоречивы, проведение государственного кадастрового учета земельных участков приостанавливается, и заявители немедленно в письменной форме извещаются о приостановлении проведения такого учета с обоснованием данных решений...». Подобный порядок использования сведений ранее проведенного кадастрового учета для регистрации прав на недвижимое имущество легализует существующую незаконную практику кадастрового ведомства, фактически запрещая регистрацию права на земельный участок на основании сведений ранее проведенного кадастрового учета земельного участка.

Исчерпывающий перечень документов, необходимых для формирования сведений государственного земельного кадастра, в Законе о земель-

ном кадастре не установлен. Вместо этого кадастровому органу дают полномочия определять состав документов для каждого лица в индивидуальном порядке, выдавая справку о документах, «необходимых для уточнения сведений» (п. 1 ст. 22 Закона о земельном кадастре). Данная норма, как и вышеназванные положения Закона о земельном кадастре, создают мощные предпосылки для злоупотребления правом со стороны уполномоченных органов.

Нормы об исправлении технических ошибок (ст. 21 Закона о земельном кадастре) также создают условия для злоупотребления правом со стороны органов государственной власти. Понятие «техническая ошибка» в Законе о земельном кадастре не определено, а ее исправление осуществляется решением кадастровых чиновников: «Исправление технических ошибок, допущенных при ведении государственного земельного кадастра, осуществляется в случае, если нет оснований полагать, что такое исправление может причинить ущерб либо нарушить законные интересы правообладателей земельных участков или третьих лиц, которые полагались на соответствующие записи в государственном земельном кадастре». Таким образом, именно чиновники соответствующего уполномоченного органа определяют, нарушает ли исправление технической ошибки чьи-либо законные интересы. Они же, по своему усмотрению и без предварительного информирования правообладателя, принимают решение об исправлении ошибки. Если права последнего оказались нарушены, гражданин или уполномоченный орган смогут их восстановить только через суд (п. 3 ст. 21 Закона о земельном кадастре). Создается абсурдная ситуация: ведомство допускает ошибку, а затем обращается в суд, арбитражный суд с иском само на себя.

Статьей 14 Закона о земельном кадастре устанавливаются следующие требования к описанию земельного участка: кадастровые номера; местоположение (адрес); площадь; категория земель и разрешенное использование земельных участков; описание границ земельных участков, их отдельных частей; зарегистрированные в установленном порядке вещные права и ограничения (обременения); экономические характеристики, в том числе размеры платы за землю; качественные характеристики, в том числе показатели состояния плодородия земель для их отдельных категорий; наличие объектов недвижимого имущества, прочно связанных с земельными участками.

Представляется, что перечисленные требования необоснованно расширены и ужесточены, что во многих случаях приведет к ущемлению прав граждан и организаций.

Так, большинство граждан и организаций являются сегодня владельцами и собственниками

участков, точные границы которых изначально не определены. В Указе Президента РФ от 24.12.1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» (далее – Указ) говорилось: «При отсутствии чертежа границ земельного участка соответствующий комитет по земельным ресурсам и землеустройству в месячный срок после государственной регистрации права собственности на землю производит установление и оформление границ земельного участка и выдает собственнику копию чертежа границ участка» (ч. 2 п. 9 Указа). Более того, возможность получения прав на земельный участок без выноса границ на местность была зафиксирована в Законе «О регистрации прав на недвижимость» – в редакции, которая действовала почти шесть лет (с 29.01.1998 г. по 17.09.2003 г.). «В случае если отсутствуют или не закончены работы по кадастровому учету земельного участка (отсутствует кадастровый номер, не установлены границы, не определено местоположение объектов недвижимости и коммуникаций на участке), государственная регистрация прав осуществляется при наличии плана участка, составленного на основании данных, имеющихся на момент государственной регистрации прав в органе кадастрового учета, в том числе натурного описания границ» (абз. 2 ч. 4 ст. 18). Иначе говоря, отсутствие точных границ участков, полученных при приватизации, ставит под сомнение существующие права граждан и организаций.

Учет отдельных качественных характеристик и отдельных частей границ земельных участков превращает процедуру учета в бесконечное дорогостоящее действие, подчиняет землепользователей чиновникам.

Указывать при описании земельного участка вид его разрешенного использования и цель предоставления земельного участка бессмысленно. Разрешенное использование определяется градостроительным законодательством и отражается в правовых актах территориального зонирования. Если согласиться с этой нормой, то при каждом изменении плана придется переучитывать сотни участков. Учет цели предоставления – атавизм советского законодательства. Согласно законодательству Российской Федерации участок может использоваться для любых целей в пределах разрешенного использования.

Кроме того, серьезной, с точки зрения злоупотребления правом, можно считать проблему изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Случаи, когда может осуществляться изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд, определены ст.ст. 49, 55 ЗК РФ. Причем возможные случаи изъятия обозначены законодателем весьма обтекаемо, что по-

звolyет органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления принимать решение об изъятии земельных участков из частной собственности без достаточных на то оснований. В этой связи в настоящее время назрела необходимость внесения изменений в ЗК РФ в части уточнения процедуры изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Предполагается, что во избежание злоупотреблений и ограничений прав и интересов собственников земельных участков необходимо установить исключительные случаи, когда может осуществляться изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд.

Кроме того, повсеместно игнорируются требования Земельного кодекса РФ об обязательном проведении аукционов по продаже земельных участков, либо права на заключение договоров аренды земельных участков для жилищного строительства. Здесь уместным будет упомянуть, что Госдума на пленарном заседании 20 сентября 2006 г. приняла в первом чтении проект закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации». Законопроект, вносящий изменения в 35 законодательных актов, направлен на устранение административных барьеров, а также совершенствование механизмов вовлечения в хозяйственный оборот земельных участков для жилищного строительства. Проект документа предусматривает возможность предоставления земельных участков под жилищное строительство без проведения аукционов, если жилищное строительство осуществляется на основе размещения заказа на выполнение строительных работ для государственных или муниципальных нужд, а также если заключен договор о развитии застроенной территории в целях жилищного строительства. В остальных случаях проведение аукционов станет

обязанностью публичного собственника земельного участка, что должно привести к уменьшению фактов злоупотребления правом со стороны чиновников.

К сожалению, судебная практика не выработала четкого подхода к решению рассмотренных ситуаций, и поэтому проблема оптимизации правового регулирования земельных правоотношений, в том числе злоупотребления правом уполномоченными органами, является одной из актуальных на сегодняшний день.

¹ См.: Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н. Г. Александров. – М., 1961. – С. 188-195; Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений / Л. С. Явич. – М., 1961. – С. 17; Горшенев В. М. Участие общественных организаций в правовом регулировании / В. М. Горшенев. – М., 1963. – С. 21; Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М., 1966. – С. 54.

² См.: Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М., 1998. – С. 417.

³ См.: *Общая теория права и государства* : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1996. – С. 129.

⁴ См.: *Теория права и государства* / под ред. В. В. Лазарева. – М., 1996. – С. 111-112.

⁵ См.: Сорокин В. В. К понятию правовой системы / В. В. Сорокин // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 4-14.

⁶ Там же.

⁷ См.: Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – С. 317.

⁸ См.: Дюрягин И. Я. Гражданин и закон / И. Я. Дюрягин. – М., 1989. – С. 48.

⁹ См.: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М., 2000. – С. 215.

¹⁰ См.: Гойман Г. И. Правоведение / Г. И. Гойман, И. В. Калинин, В. Червонок. – М., 2003. – С. 18.

¹¹ См.: Шабуров А. С. Законность и правопорядок // Теория государства и права: учеб. для вузов. – М., 1997. – С. 25.

¹² См.: Курбатов А. Правовое регулирование расчетов в Российской Федерации / А. Курбатов // Хозяйство и право. – М., 2005. – 80 с.

О ПОНЯТИИ ЦЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

С.И. Кожейкин, преподаватель кафедры гражданского права Омского юридического института

В отличие от многих других элементов системы гражданского права, снабженных специальным терминологическим инструментарием, получившим выражение в зафиксированных в отдельных статьях Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и других федеральных законов нормах-дефини-

циях, применительно к цессии законодатель использовал не совсем удачный прием раскрытия ее сущности и природы. Так, анализируя главы 7 («Ценные бумаги») и 24 («Перемена лиц в обязательстве») ГК РФ, можно обнаружить ничем не объяснимое явление. С одной стороны, непосредственное упо-

минание о цессии содержится в п. 1 ст. 146 ГК РФ¹, в которой говорится, что права, удостоверенные именной ценной бумагой, передаются в порядке, установленном для уступки требования (цессии) (здесь и далее выделено нами. — С.К.). Отсюда было бы логичным предположить, что уступка требования, в свою очередь, будет должным образом определена в одной из последующих глав ГК РФ, и ее легальное определение позволит, хотя бы и опосредованно, вывести общую юридическую формулу цессии в современном российском праве. Однако в п. 1 ст. 382 ГК законодатель раскрыл сущность уступки требования только косвенно, пренебрегая возможностью установить прямое ее понятие: «**право (требование), принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования)**...».

В подобной ситуации у любого исследователя естественным образом возникает желание самостоятельно сформулировать общую юридическую посылку о сущности цессии, собрав воедино разрозненные по ГК РФ мысли законодателя. Результатом такого синтеза должно стать основанное на законе и достаточно абстрактное определение цессии.

Если исходить из буквального содержания пп. 1 ст.ст. 146 и 382 ГК РФ, то можно получить следующее определение: *цессия — это уступка требования, т.е. передача права (требования), осуществляемая по сделке*. Кроме того, опираясь на ст. 153 (понятие сделки) и ст. 154 (договоры и односторонние сделки) ГК, учитывая общее нормативное содержание главы 24 ГК («Перемена лиц в обязательстве»), данное определение можно дополнить и получить следующий предварительный результат: *цессия — это уступка требования, т.е. передача кредитором третьему лицу права (требования), принадлежащего кредитору на основании обязательства, осуществляемая по односторонней сделке или в силу заключенного между кредитором и третьим лицом договора*. Поскольку извлечь из ГК РФ, применив систематическое толкование его статей, какую-либо иную формулировку представляется крайне затруднительным, следовало бы, видимо, принять вышеприведенную трактовку цессии как единственно верную.

Вместе с тем анализ литературы, посвященной вопросам перемены лиц в обязательстве, позволяет заключить, что в теории российского гражданского права отсутствует единство в понимании цессии и отдельных аспектов правопреемства, основанного на сделке. В первую очередь, это получает выражение в различных формулировках понятия цессии, которое, как и любое другое, содержит краткое описание сущности явления.

Не ставя перед собой задачи описать все встретившиеся в литературе конструкции цессии, необходимо указать следующее. Систематизировав позиции ученых по критерию текстуального и смыслового

сходства даваемых ими определений цессии, можно объединить их в три группы. Первая группа включает ученых, утверждающих, что «*Цессия — это соглашение между кредитором по обязательству, с одной стороны, и третьим лицом, с другой стороны, о передаче принадлежащего кредитору права*»². Такие рассуждения встречаются у А.И. Масляева, В.С. Константиновой, Н.Г. Валеевой³ и др. Вторая группа ученых дает иное понятие: «*Цессия (от лат. *cessio* — уступка, передача) представляет собой акт передачи (уступки) права в силу заключенной между прежним кредитором (цедентом) и новым кредитором (цессионарием) сделки либо на основании иных предусмотренных непосредственно законом юридических фактов, приводящих к замене кредитора в обязательстве*»⁴. С подобной трактовкой цессии применительно к современному российскому гражданскому праву согласны М.И. Брагинский, Л.А. Новоселова, А.М. Эрделевский, Е.А. Крашенинников, Л. Чеговадзе⁵ и др. Наконец, совершенно специфичной позиции придерживается В.А. Белов, конструирующий цессию как самостоятельный договор, именуемый автором договором сингулярной сукцессии: «*... это соглашение, в силу которого одна сторона (первоначальный кредитор, цедент) передает другой стороне (цессионарию) право требовать исполнения обязательства третьим лицом (должником, цессионаром), а цессионарий приобретает это право требования от цедента на условиях, не ухудшающих положение должника*»⁶.

Подобное неоднозначное понимание цессии, сформировавшееся в кругу отечественных теоретиков-цивилистов и получившее выражение в столь разнообразных определениях, приведенных выше, как представляется, естественным образом задает направление дальнейшего исследования избранного объекта. В частности, необходимым становится выявление принципиальных различий в определениях цессии, обнаружение причинной обусловленности понятийных расхождений, анализ конечного влияния каждого подхода на правовое оформление уступки права требования на практике, а также выражение собственно аргументированного мнения на этот счет.

Внимательное прочтение обозначенных выше пониманий цессии, их сопоставление друг с другом позволяют выделить два основных момента.

Первая группа ученых акцентирует внимание на том, что цессия представляет собой **соглашение о передаче права требования**. Это соглашение, по мнению авторов, заключается между двумя лицами — тем, которое выступает кредитором на момент совершения уступки права (цедентом), и тем, которое желает заступить на место данного кредитора (цессионарием). О самом *механизме передачи права требования по соглашению* авторы говорят вскользь, отмечая, как правило, что право переходит из имущества цедента в имущество цессионария автоматически и

«для его передачи никаких материальных действий ... не требуется»⁷. Вторая группа ученых, напротив, ставит во главу угла именно механизм передачи права требования, придавая меньшее значение природе соглашения, заключаемого cedentом с цессионарием. Следствием этого является трактовка цессии с позиции ее сущности в российском гражданском праве как **акта передачи права требования**⁸.

Обобщая сказанное, можно сделать промежуточный вывод: представители современной отечественной цивилистической мысли считают цессию либо *соглашением о передаче права*, либо *самой такой передачей*. Именно в этом заключается принципиальное различие рассмотренных вариантов понятия цессии.

Следующим шагом должна стать попытка обнаружения причинной обусловленности описанных понятийных расхождений. Но прежде заметим, что, как представляется, искать первопричину выявленного теоретического «раскола» следует в отрыве от истории сотворения римскими юристами цессии как правовой конструкции⁹. Даже если предположить, что законодатель не включил бы термин «цессия» в п. 1 ст. 146 ГК РФ¹⁰, прикрыв тем самым глубокие римские корни института перемены лиц в обязательстве, проблема понимания механизма уступки права требования в современном отечественном гражданском праве все равно бы возникла. Ведь в ГК РФ термины «цессия» и «уступка права требования» использованы законодателем как синонимы, а следовательно, изначальное отсутствие в кодексе первого из них не оказало бы сколько-нибудь значимого влияния на эту проблему¹¹. Кроме того, неверным было бы прибегать в данном случае к сравнению цессии в российском гражданском праве и гражданском праве зарубежных стран¹². На наш взгляд, предпочтительнее более общее по отношению к российской цессии направление поиска – отечественная теория правопреемства.

Использование метода сравнительного исследования трудов отечественных ученых разных исторических периодов по вопросам правопреемства приводит к предположению, что, возможно, причиной расхождений в трактовке цессии является неутраченный со времен дореволюционного законодательства спор о механизме сингулярного правопреемства¹³. Речь идет о следующем.

В отличие от римского права, придерживавшегося принципа индивидуальности обязательства, слабо поколебленного даже осуществлявшейся на практике продажей права требования, российское гражданское право вот уже несколько десятилетий содержит иную концепцию. Ее смысл можно отразить словами величайшего цивилиста – проф. Г.Ф. Шершеневича: «... с точки зрения римского права, сущность обязательства состоит в личной связи, тогда как с современной точки зрения сущность его заключается в имущественном интересе, соединенном с обяза-

тельным отношением. Соответственно тому римское обязательство отличалось неподвижностью, тогда как современное обязательство, наоборот, представляется в высшей степени подвижным и способным к изменению личного его состава»¹⁴. И если подобная характеристика обязательства никогда не вызывала сомнений, то сам механизм изменения личного состава обязательства, а точнее, «выбытие» права требования из имущества одного лица и «поступление» его в имущество другого лица имел тогда и имеет сейчас неоднозначное к себе отношение.

Главный вопрос в споре о механизме сингулярного правопреемства заключался, заключается и, возможно, будет заключаться в том, *что* происходит при сингулярном правопреемстве с правом: *переход права* от одного лица к другому как результат единого юридического акта – **передачи права**, либо *возникновение права* у одного лица с одновременным *прекращением права* у другого лица, **исключающее какую-либо передачу прав**?

В дореволюционный период сторонником первого подхода был Д.И. Мейер, который считал, что «о перемене участника обязательства можно говорить только тогда, когда обязательство остается то же, но на место прежнего участника (хотя бы и отчасти только) становится другое лицо»¹⁵. К представителям второго подхода относился С.А. Муромцев, отзывавшийся о правопреемстве чрезвычайно категорично: «На самом деле преемство в правах есть абсурд, так как отношение, как таковое, не есть какой-либо конкретный предмет, который может переноситься свободно... Когда... кредитор «передает» другому лицу свое... право требования, тогда на самом деле здесь прекращается в полном составе одно право и взамен его учреждается другое, во всем подобное ему, но с другим субъектом»¹⁶.

В советский период государства и права против правопреемства как перехода права выступал В.П. Грибанов¹⁷. И хотя внимание ученого было акцентировано на правопреемстве в отношении вещных прав, его позицию также необходимо учитывать, поскольку в первую очередь речь шла о сингулярном правопреемстве. Солидарен с В.П. Грибановым В.С. Толстой, который говорил, что «в нашем гражданском (тогда еще советском гражданском. – С.К.) праве нет в буквальном смысле «перехода», «переноса», «перевода» прав и обязанностей от одних субъектов к другим»¹⁸. Иное мнение о правопреемстве имел Б.Б. Черепяхин: «Правопреемство есть переход субъективного права... в порядке производного правоприобретения... При переходе субъективного права от праводателя к правопреемнику происходит замена активного субъекта в изменяемом правоотношении. При переходе гражданско-правовой обязанности от первоначального должника к его преемнику имеет место смена пассивного субъекта в правоотношении. В том и другом случае *основная* юриди-

ческая характеристика переходящего права или переходящей обязанности остается без изменения»¹⁹.

Наконец, из современных цивилистов против концепции перехода права при правопреемстве наиболее активно выступают К.И. Скловский, В.А. Белов. При этом К.И. Скловский считает, что «цессия — лишь проявление, один из частных вариантов возникновения права через наделение. Тогда, — говорит автор, — не остается ничего иного, как принять ту позицию, что право у правопреемника возникает вновь, а не принимается от предшественника»²⁰. Аргументацию В.А. Белова можно свести к следующему его высказыванию: «Правильно ли говорить о том, что право может передаваться? Тоже нет, ибо передача предполагает наличие хотя бы и бесконечно малого по продолжительности момента времени, когда одно лицо (правопредшественник или так называемый ауктор) право уже передало, а другое лицо (правопреемник) еще не приняло»²¹. Сторонником обратного взгляда является, например, Л.А. Новоселова²².

Кратко изложив основные аргументы сторон в споре о механизме сингулярного правопреемства, следует сделать одно очень важное замечание. Сколько бы «схоластичным» не казался поиск ответа на вопрос о возможности *перехода* права из имущества одного лица в имущество другого лица, таковым он никак не является. Напротив, принятие той или иной позиции в описанном споре, как представляется, **прямо и непосредственно обуславливает трактовку цессии применительно к российскому гражданскому праву**. В частности, основываясь на аксиоме о невозможности «движения» права от одного субъекта к другому²³, либо доказывая соответствие таких рассуждений идеальной природе права²⁴, следует признавать цессию соглашением, т.е. выражением воле двух лиц — первоначального кредитора (цедента) и нового кредитора (цессионария). В таком случае нет нужды заботиться о передаче права по данному соглашению, ведь право «перейдет» в имущество цессионария автоматически: «даже если при этом составляется акт приема-передачи, это не имеет никакого значения, кроме доказательственного...»²⁵. Если же строить представление о цессии на фундаменте противоположной концепции правопреемства, видящей суть сингулярного правопреемства, основанного на сделке, именно в переходе права в результате его передачи, то логично описывать цессию как акт передачи права.

Уместно заметить, что представление о цессии как о соглашении о передаче права является чуть ли не единственным в сфере практической деятельности юристов. Сложно отыскать где-либо упоминание о применении при оформлении уступки права требования на территории России акта «приема-передачи» права. Чтобы оформить уступку права требования на практике заключаются договоры цессии, договоры уступки права требования, соглашения об уступке права, соглашения об уступке требования

и т.д. Единственное объяснение подобного явления видится в господстве соответствующего взгляда на цессию в теории российского гражданского права²⁶. Другими словами, современная практика переменных лиц в обязательстве — самый лучший пример конечного влияния подхода к трактовке цессии как соглашения, прямо влекущего «переход» права.

Вместе с тем, по нашему мнению, более верным является иное понимание: «Цессия представляет собой акт передачи прав, основанием которого служат... различные по своей природе договоры»²⁷. В обоснование данной позиции можно привести следующие аргументы.

Во-первых, возвращаясь к спору о механизме сингулярного правопреемства, необходимо признать последовательной, логично выстроенной теорию перехода права, предложенную Б.Б. Черепахиным. Эта теория, имеющая ценность и на современном этапе развития гражданского права, дает истинно юридическое представление о механизме сингулярного правопреемства, раскрывая «динамику» двух взаимосвязанно происходящих при нем правовых явлений: перемены лиц в обязательстве и перехода права требования в имущество лица, вновь зашедшего на место выбывшего из обязательства кредитора. Важно обратить внимание на то, что теория Б.Б. Черепахина лишена явных внутренних противоречий, чего нельзя сказать об обозначенной выше позиции С.А. Муромцева²⁸ и В.А. Белова²⁹. Соответственно, автор настоящей работы полагает, что передача права допустима и, более того, является единственно возможным механизмом сингулярного правопреемства, основанного на сделке. Одного только соглашения, заключаемого между первоначальным кредитором и заступающим на его место новым кредитором, для достижения конечной цели — правопреемства на основании сделки — недостаточно.

Во-вторых, признание невозможности передачи имущественного права с оформлением своеобразного акта приема-передачи не вполне соответствует концепции Гражданского кодекса РФ. В нем есть положения, свидетельствующие об обратном. К таковым относится, в частности, ст. 563 ГК РФ, в которой говорится о передаче предприятия при его купле-продаже. В соответствии с п. 1 ст. 563 ГК РФ передача предприятия продавцом покупателю осуществляется по передаточному акту, в котором указываются данные о составе предприятия и об уведомлении кредиторов о продаже предприятия, а также сведения о выявленных недостатках переданного имущества и перечень имущества, обязанности по передаче которого не исполнены продавцом ввиду его утраты. При этом согласно ст. 132 ГК РФ предприятием как объектом права признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. В состав этого имущественного комплекса (п. 2 ст. 132 ГК), помимо всего прочего,

могут входить права требования. Отсюда вытекает неопровержимый вывод о том, что даже при наличии в составе предприятия единственного права требования, оно при передаче предприятия будет также передано по общему акту передачи всего предприятия как имущественного комплекса. В данном случае передаточный акт выполнит, как минимум, одновременно две функции: 1) зафиксирует факт передачи всего предприятия и 2) отразит передачу особого «бестелесного» имущества – права требования.

Не умаляя значения первой функции передаточного акта, следует особо остановиться на второй. Возникает вопрос: исчерпывается ли совершением акта передачи предприятия уступка права требования, входящего в состав передаваемого предприятия? Систематическое толкование ст.ст. 132, 559, 563, 656 и 659 ГК РФ приводит к утвердительному ответу. Однако необходима следующая оговорка: случаи, когда акт передачи предприятия служит одновременно внешним выражением уступки права требования, входящего в состав этого предприятия как имущественного комплекса, исчерпываются куплей-продажей предприятия. При аренде предприятия, как справедливо замечено в литературе³⁰, права требования должны уступаться по общим правилам об уступке, закрепленным в ст.ст. 382-390 ГК РФ³¹. Но главным является то, что ГК РФ допускает передачу права по акту о передаче, хотя прямое подтверждение тому и содержится, возможно, в единственной статье ГК.

Третий аргумент в пользу отстаиваемой позиции о понимании цессии применительно к российскому гражданскому праву будет звучать, скорее, как дополнительные доказательства наличия существенных изъянов в трактовке цессии как соглашения о передаче права.

Обращает на себя внимание то, что большинство из сторонников самого распространенного и опровергаемого нами подхода к пониманию цессии не дают четкого ответа на элементарный вопрос: что следует понимать под **передачей права требования**, если, с одной стороны, возможность передачи права ими не признается, а с другой – само выражение «передача права» включается в предлагаемые определения цессии? Комментарии по этому поводу содержатся у В.А. Белова. Ссылаясь на именитого ученого В.А. Рясенцева, В.А. Белов видит процесс передачи (перехода) прав в следующем описании: «...лица могут становиться субъектами прав и обязанностей, идентичных по содержанию правам и обязанностям ранее существовавшим, но в отношениях между иными лицами, при условии прекращения этих прав и обязанностей у участников предшествующих отношений и их возникновении у участников новых отношений...»³². Другими словами, В.А. Белов, подобно тому, как в свое время В.П. Грибанов и В.С. Толстой, выступает за концепцию трактовки понятия «передача прав» как последовательных актов прекращения

одних и возникновении других прав. Однако логика рассуждений В.А. Белова рухнет в дальнейшем, когда автор включает в формулу придуманного им договора сингулярной сукцессии выражение «передает другой стороне (цессионарию) право требовать»³³.

Кроме того, во взглядах приверженцев рассматриваемого подхода к трактовке цессии встречается еще одно вызывающее недоумение умозаключение. В частности, В.А. Белов, считая за основной момент «перехода» права при его уступке момент заключения сторонами (цедентом и цессионарием) договора сингулярной сукцессии, рассматривает этот договор как **консенсуальный**³⁴. Вместе с тем в теории гражданского права консенсуальными называют договоры, для заключения которых достаточно достижения сторонами соглашения об этом в необходимой форме³⁵. Последующая передача вещи, уплата денег, иные действия совершаются во исполнение уже заключенной сделки, и совершение этих действий, таким образом, *всегда* может быть оторвано по времени от момента ее заключения. Применив эту общепризнанную в отечественной науке характеристику консенсуального договора к договору сингулярной сукцессии, следовало бы также допустить, как основное правило, возможность несовпадения по времени момента его заключения и момента перехода права требования от цедента к цессионарию. Но тогда нужно было бы либо изобрести специальный юридический факт, приводящий к неавтоматическому переходу права, либо признать возможность передачи права³⁶. Однако В.А. Белов, как уже говорилось, не допускает ни то, ни другое³⁷.

Таким образом, в силу проведенного выше исследования проблемы понимания цессии применительно к современному российскому гражданскому праву мы вынуждены принять позицию тех ученых, которые рассматривают цессию как *акт передачи права требования*. Этому способствуют результаты, полученные в процессе а) поиска причинной обусловленности выявленных расхождений в понимании цессии, б) последующего анализа взглядов на сингулярное правопреемство на основании сделки с позиции отсутствия в них внутренних противоречий и соотношения с концепцией ГК РФ. Вместе с тем применительно к принимаемой трактовке цессии необходимо сделать существенное уточнение. Оно состоит в исключении из понятия цессии указаний о возможности, помимо сделки, иных предусмотренных непосредственно законом юридических фактов быть в основании акта передачи права³⁸. Как справедливо напоминает Л.А. Новоселова, «действующий Гражданский кодекс Российской Федерации использует термин «уступка требования» только в отношении сделок, направленных на передачу обязательственного права. Переход права в силу закона не рассматривается как «уступка», хотя и приводит к аналогичным результатам, т.е. к перемене лица в обязательстве»³⁹.

Завершим рассмотрение вопроса, обозначенного в названии настоящей работы, формулированием окончательного понятия цессии, соответствующего сделанным выводам: *цессия представляет собой осуществляемый на основании сделки акт передачи одним лицом другому лицу права требования, принадлежащего первому лицу в силу обязательства.*

¹ Необходимо отметить, что термин «цессия» встречается также в действующих актах, которые действовали как до, так и после принятия части первой ГК РФ. К предшественникам ГК РФ относятся, например, Положение о простом и переводном векселе. См.: *О введении в действие Положения о простом и переводном векселе*: постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1937 г. №104/1341 // СПС КонсультантПлюс. К более поздним актам – ФЗ от 16 июля 1998 г. №102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)». См.: *Собрание законодательства РФ*. – 1998. – №29. – Ст. 3400.

² *Гражданское право*: учебник: в 3 т. Т. 1 / Н. Д. Егоров [и др.]. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 629.

³ См.: *Гражданское право*. Часть первая: учебник / под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. – М.: Юристъ, 2001. – С. 419; *Гражданское право России*. Часть первая: учебник / под ред. З. И. Цыбуленко. – М.: Юристъ, 2000. – С. 353; *Гражданское право*. Часть первая: учебник для вузов / под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало и В. А. Плетнева. – М.: Норма-Инфра-М, 2001. – С. 335.

⁴ *Гражданское право*: в 2 т. Т. II. Полутом 1: учебник / под ред. Е. А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 37.

⁵ См.: *Брагинский М. И.* Договорное право. Книга первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2001. – С. 465; *Эрделевский А. М.* Постатейный научно-практический комментарий части I ГК РФ // СПС КонсультантПлюс; *Новоселова Л. А.* Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. – М., 2004 // СПС КонсультантПлюс. См. также: *Гражданское право*: учебник / под ред. В. Ф. Яковлева. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – С. 406; *Чеговадзе Л.* Уступка права требования: закон и правоприменительная практика // *Хозяйство и право*. – 2001. – №9. – С. 109.

⁶ *Белов В. А.* Предмет договора сингулярной сукцессии (уступки требования) // *Правоведение*. – 2000. – №2. – С. 151. *Он же.* Сингулярное правопреемство в обязательстве. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. – С. 127-128; *Он же.* *Гражданское право*: Общая часть: учебник. – М., 2002. – С. 455.

⁷ *Скловский К. И.* Механизм перехода права и последствия цессии // *Хозяйство и право*. – 2002. – №2. – С. 66. Следует, однако, отметить, что К. И. Скловский и В. А. Белов значительное внимание уделили и проблеме механизма перехода права требования при правопреемстве.

⁸ Уместно напомнить, что сделанная нами выше попытка самостоятельно сформулировать понятие цессии на основе норм ГК РФ привела к аналогичному результату.

⁹ Дело в том, что попытка совершения обратного, по видимому, к положительному результату не приведет. Объяснение тому заключается в ограниченности источников по римскому праву в описании цессии. В них, как правило, содержится история постепенного развития цессии (cessio) от конструкции, основанной на институте процессуального представительства (когда цессионарий по договору поручения (mandatum agendi) с цедентом заявлял иск к должнику цедента), до прямой уступки. См., напр.: *Новицкий И. Б.* Римское право. – М., 2000. – С. 142-144. Однако ничего не говорится о том, каким образом цессия оформлялась «на бумаге» уже по завершении ее становления. Сложно сделать твердые выводы даже из указаний на то, что все чаще римские юристы конструировали цессию по схеме (nomen

debitoris venditit – цедент продал право требования с должника (D.46 1.36)). См.: *Римское частное право*: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М.: Юрист, 1998. – С. 228.

¹⁰ Примечателен в этом отношении тот факт, что термин «цессия» не включался законодателем ни в Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., ни в Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. Об отсутствии его в гражданском дореволюционном законодательстве свидетельствуют слова известного цивилиста того времени Д. И. Мейера: «Чаще всего... передача права по обязательству происходит по соглашению об этом между верителем и сторонним лицом, приобретающим право, так что основанием перехода права по обязательству служит сделка между этими лицами. На юридическом языке Запада эта сделка называется обыкновенно *цессией права* (cessio; session). Порусски можно назвать ее *сделкой об уступке права* или *простой уступкой права*». (*Русское гражданское право* (в 2 ч). По испр. и доп. 8-му изд., 1902 / Д. И. Мейер. – М.: Статут, 2000. – С. 451).

¹¹ Неудобства от этого терпели бы разве только юристы-практики при применении некоторых правил Положения о простом и переводном векселе и других актов, которые содержат термин «цессия».

¹² Неверность данного пути исследования, как представляется, была бы обусловлена различиями в регулировании цессии в России и за рубежом. Особенно остро это чувствовалось бы при сравнении правил главы 24 ГК РФ с правилами Германского гражданского уложения 1900 года об уступке, поскольку последнее несет в себе более широкую концепцию уступки права, допуская цессию не только обязательственных, но и вещных прав. См., напр.: *Василевская Л. Ю.* Цессия в механизме установления «право на право» // *Законодательство*. – 2004. – №5. – С. 13-21.

¹³ Под сингулярным правопреемством в теории гражданского права традиционно понимается переход от одного лица к другому каких-то определенных прав, принадлежащих первому.

¹⁴ *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – Тула: Автограф, 2001. – С. 374-375.

¹⁵ Цит. по кн.: *Белов В. А.* Сингулярное правопреемство в обязательстве / В. А. Белов. – М., 2001. – С. 16.

¹⁶ *Муромцев С. А.* Избранные труды по римскому и гражданскому праву / С. А. Муромцев. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. – С. 601-602.

¹⁷ См.: *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М.: Статут, 2001. – С. 387-389.

¹⁸ *Толстой В. С.* Исполнение обязательств / В. С. Толстой. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 173.

¹⁹ *Черепяхин Б. Б.* Труды по гражданскому праву / Б. Б. Черепяхин. – М.: Статут, 2001. – С. 311.

²⁰ *Скловский К. И.* Указ. соч. – С. 63.

²¹ *Белов В. А.* Сингулярное правопреемство в обязательстве / В. А. Белов – М., 2001. – С. 17.

²² Позиция автора следует из содержания параграфов 1.2 и 3.2 кн.: *Новоселова Л. А.* Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. – М., 2004 // СПС КонсультантПлюс.

²³ Не лишним будет заметить, что приверженцы концепции «цессия – соглашение о передаче права», в основном, принимают тезис о невозможности передачи права именно как некую аксиому, не приводя каких-либо доказательств, а чаще всего вообще умалчивают о проблеме сингулярного правопреемства.

²⁴ Что сегодня пытаются делать В. А. Белов, К. И. Скловский, о чем уже говорилось выше.

²⁵ *Скловский К. И.* Указ. соч. – С. 66.

²⁶ Анализ литературы по советскому гражданскому праву позволяет заключить, что в период действия ГК РСФСР 1964 г. цессия также рассматривалась как соглашение, влекущее переход права требования в имущество цессионария. См., напр.: *Советское гражданское право*: учебник. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1979. –

С. 451; *Советское гражданское право*. Ч. 1 / под ред. В. Т. Смирнова, Ю. К. Толстого, А. К. Юрченко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – С. 346; *Советское гражданское право*: учебник: в 2 т. Т. 1. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 469. Аналогичным образом уступка права требования была описана проф. И. Б. Новицким на основе ГК РСФСР 1922 года. См. об этом: *Новицкий И. Б.* Общее учение об обязательстве / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. – М.: Госюриздат, 1950. – С. 223-225.

²⁷ Цит. по: *Гражданское право России*: (Общая часть): Курс лекций / под ред. О. Н. Садикова. – М.: Юристъ, 2001. – С. 665.

²⁸ Так, автор вначале говорит, что при «передаче» права на самом деле происходит прекращение одного права и возникновение другого. Причем «за момент прекращения права признается момент прекращения юридических отношений». Из этих рассуждений следует, что при правопреемстве правоотношение между первыми двумя его участниками прекращается. Но дальше автор пишет: «Целесообразно сказать, что на нового субъекта...перешло прежнее отношение». (*Муромцев С. А.* Указ. соч. – С. 600, 602).

²⁹ Противоречие в воззрениях В. А. Белова обнаруживается в самом важном аспекте. Автор, отрицая возможность перехода права как результата его передачи, допускает, однако, оформление «приемо-сдаточного акта». (*Белов В. А.* Сингулярное правопреемство в обязательстве. – С. 138.)

³⁰ См., напр.: *Брагинский М. И.* Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2002. – С. 547.

³¹ Мы находим объяснение данному положению в следующем. Купля-продажа предприятия предполагает, что все имущество, составляющее предприятие, включая права требования, передается покупателю без возврата. В случае же аренды предприятия часть имущества, его составляющего, по истечении срока аренды (или в силу других причин) будет возвращена арендодателю, а часть – нет. Права требования, входящие в состав предприятия, относятся как раз к той части имущества, которая не может быть возвращена арендодателю, поскольку эти права передаются арендатору также без возврата, как и все предприятие при его купле-продаже. Отсюда логична формулировка п. 1 ст. 656 ГК РФ о том, что по договору аренды предприятия в целом как имущественного комплекса арендодатель обязуется передать арендатору во временное владение и пользование зе-

мельные участки и т.д., но уступить ему же и, очевидно навсегда, права требования, относящиеся к предприятию.

³² *Белов В. А.* Указ. соч. – С. 19-20.

³³ Там же. – С. 127-128.

³⁴ См.: *Белов В. А.* Указ. соч. – С. 138. Подобные рассуждения о моменте «перехода» права (только применительно к конкретному случаю купли-продажи права требования) встречаются у К. И. Скловского. См. об этом: *Скловский К. И.* Указ. соч. – С. 66. Как консенсуальную сделку цессию рассматривает также Ю. П. Егоров. См.: *Егоров Ю. П.* Сделки в гражданском праве: учеб. пос. / Ю. П. Егоров. – Новосибирск: Сибвузиздат, 2000. – С. 57.

³⁵ См., напр.: *Гражданское право*: учебник: в 3 т. Т. 1. / Н. Д. Егоров [и др.]; под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 284; *Гражданское право России*: (Общая часть): Курс лекций. – М.: Юристъ, 2001. – С. 726.

³⁶ Слово «неавтоматическому» использовано автором настоящей работы неслучайно. Дело в том, что у В. А. Белова, К. И. Скловского, Ю. П. Ершова «консенсуальные» договоры, на основании которых происходит «переход» права требования от cedenta к цессионарию, ведут именно к автоматическому переходу такого права, т.е. право переходит с момента заключения консенсуального договора.

³⁷ Вчитываясь в понятие договора сингулярной цессии, предлагаемое В. А. Беловым, можно обнаружить, что в нем заложена конструкция не консенсуального, а реального договора. Так, автор использует характерные формулы «передает», «приобретает» вместо «обязуется передать», «обязуется принять».

³⁸ Соответствующее указание содержится в понятии цессии, предложенном Е. А. Сухановым и приведенным в качестве примера в настоящей работе. См.: *Гражданское право*: в 2 т. Т. II. Полутом 1: учебник / под ред. Е. А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 37. Также оно встречается, например, у М. И. Брагинского. См.: *Брагинский М. И.* Договорное право. Книга первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2001. – С. 465.

³⁹ *Новоселова Л. А.* Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг // СПС КонсультантПлюс.

«ПРОДУКТЫ БУДУЩЕГО» И ОХРАНА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Е.Л. Невзгодина, заведующий кафедрой гражданского права Омского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист России

Поскольку население планеты непрерывно растет (к 2050 г. прогнозируется общее количество одновременно живущих людей 11 миллиардов), соответственно, увеличивается и спрос на продукты питания. Ученые, озабоченные источниками его обеспечения, ищут альтернативные природным способы решения проблемы. Один из вариантов – производство так называемых продуктов будущего, т.е. продуктов, содержащих генетически модифицированные ингредиенты.

Что собой представляют трансгенные продукты? Генетически модифицированные организмы – это растения, животные или микроорганизмы, в ДНК которых введен инородный ген из любого другого организма с целью придания им определенных новых, желаемых свойств.

Потребителем трансгенных продуктов, т.е. содержащих генетически модифицированные компоненты, в России на сегодняшний день является каж-

дый человек – с момента рождения (и даже уже за 9 месяцев до рождения – опосредованно, через организм матери) и в течение всей жизни. Но что представляют собой такие продукты и каковы последствия их потребления, как показывают опросы населения, практически никому, кроме узких специалистов, неизвестно.

Первый трансгенный продукт был получен в 1983 г. в немецком Кельне, но наибольших успехов генная инженерия достигла в США. В 1994 г. американские ученые выпустили на рынок партию томатов, которые не боялись морозов, могли длительно храниться и сохранять при этом товарный вид. Но для этого в ДНК помидора ввели ген камбалы. Затем такое же насилие было произведено и над рядом других продуктов. В частности, картофель «наградил» геном бактерии, чей яд смертелен для колорадского жука, рису дали ген человека, отвечающий за состав женского молока, чтобы рис стал более питательным, и т.п. Не обошлось без трансгенов и для выведения коров с повышенной жирностью молока, добрались и до лосося, сделав его с помощью тех же трансгенов способным жить и в соленой, и в пресной воде. Для получения знаменитых спагетти необходимо большое содержание белка в пшенице, и ученые добились этого, заменив природный 14-хромосомный ряд пшеницы 42-хромосомным.

Сегодня в мире известно более 80 генетически измененных растений и около десятка микроорганизмов. Основные производители трансгена – США, Канада, Германия, Аргентина, Бразилия, Австралия, Китай. Россия в этот список не входит, но радоваться нечему. Во-первых, и в России уже набирает ход «генохозяйственное производство»: на экспериментальных полях возвращают генетически модифицированные свеклу, картофель, кукурузу. Во-вторых, европейское сообщество, озабоченное здоровьем своих подданных и бойкотирующее трансгены, нашло прекрасный выход – «сливать» как в гигантскую яму трансгенную «мать» в направлении именно нашего отечества. С начала 90-х годов прошлого века Россия прочно вошла в списки крупнейших стран-импортеров трансгенного сырья.

В настоящее время, по данным Института питания РАМН, в России разрешены для использования 13 видов пищевой продукции растительного происхождения и 5 видов генетически модифицированных микроорганизмов. Среди них – шесть сортов кукурузы, два – картофеля, три сорта вездесущей сои, по одному сорту риса и свеклы. В кондитерской промышленности из генетически модифицированных микроорганизмов можно готовить паточный крахмал, этиловый спирт. Не запрещено в России использование трансгенов и в детском питании. Чипсы, кетчупы, газированная вода, как правило, содержат генетически модифицированные сою, кукурузу и картофель. Легально используется со-

ответствующее сырье и в бытовой химии, и парфюмерной промышленности.

Как уверяют эксперты, 70% импортной продукции и около 30% отечественной – генетически модифицировано¹.

В России уже с 1 июля 1999 г. на федеральном уровне введена обязательная гигиеническая экспертиза с последующей государственной регистрацией пищевых продуктов и продовольственного сырья, а также компонентов (фрагментов) для их производства, полученных из генетически модифицированных источников, осуществляемая Главным центром «Биоинженерия» РАН, а также учреждением-соисполнителем Медико-генетическим научным центром РАМН. Только при условии выдачи соответствующего регистрационного удостоверения Департаментом госсанэпиднадзора, подписанного на основании положительного экспертного заключения Главным государственным санитарным врачом России (о чем делается запись в соответствующий Федеральный реестр) допускается (с получением также в необходимых случаях лицензии) импорт, поставка внутри России, изготовление и продажа пищевой продукции, полученной из генетически модифицированных источников². Продукция, полученная с применением методов генно-инженерной деятельности, должна соответствовать требованиям экологической безопасности, санитарных норм, фармакопейных статей, обязательным требованиям государственных стандартов Российской Федерации. Продукция и услуги, полученная и предоставленные с применением генно-инженерно-модифицированных организмов, подлежащие в соответствии с федеральным законодательством обязательной сертификации, должны иметь сертификат качества и знак соответствия, выданные или признанные уполномоченным на то органом³.

В Омске контрольные исследования продуктов на наличие ГМИ (генетически модифицированных ингредиентов) проводятся с 2004 г. на базе Центра гигиены и эпидемиологии Омской области. За 2005 г. Роспотребнадзором в Омске исследованы 92 пробы, из них 32,6%, т.е. треть, содержали гены-мутанты, тогда как лишь год назад этот показатель был равен 25,4%⁴. Основу этого списка составили мясные продукты и полуфабрикаты, содержащие импортные соевые компоненты. Так что омские колбасы, причем - чем дешевле, тем в большей степени, но и не самые недешевые тушки, например, «Цыпленка сочного» содержат модифицированный соевый изолят. То же касается омского майонеза (и можно с большой долей вероятности предположить, что не только омского). При этом все производители имеют декларации о наличии ГМИ, т.е. производят эту продукцию вполне легально⁵.

Дело в том, что есть нормативы предельного процентного содержания того или иного ГМИ в том

или ином продукте. Но омская лаборатория (и не только омская) не располагает оборудованием, позволяющим четко отследить этот процент в продукте. Зная это, омские производители ссылаются на соблюдение ими при производстве продукта допустимого минимума, без превышения которого не требуется информация путем маркировки. Проверить, соблюден ли этот предел и учесть производителей невозможно, а это автоматически освобождает производителей от маркировки такого товара указанием на наличие в нем ГМИ. Компетентные специалисты отмечают, что если уже есть в продукте модифицированная добавка, то ее, как минимум, 10%⁶, а это – за предел. Но: «не пойманный – не вор». Соответственно, на рынке трансгенных продуктов неизбежно существует «теневая» экономика: ряд российских компаний поставляют на рынок немаркированные модификанты.

Потребители в большей части этим не озабочены, ибо «блажен не ведающий», а просвещенным, потому озабоченным покупателям приходится догадываться о количестве мутантов в продукте по цене: если колбаса стоит дешево, например, 80 рублей, то и мяса в ней будет рублей на восемь. Остальное, как показывает практика, – различные добавки. Львиную долю среди них составляет генетически модифицированная соя. Она вообще занимает первое место по объему производства и потребления трансгенов в России. (Кстати, прекрасной лабораторией-дегустатором здесь может стать собственная кошка).

Складывается парадоксальная ситуация. По одному судебному спору экспертизой было установлено, что купленный истцом в розничной торговле японский магнитофон вышел из строя по причине попадания внутрь таракана: что-то замкнуло, и механизм как бы взорвался изнутри. В техническом паспорте, информирующем покупателя о правилах эксплуатации, конечно же, не было ни слова о возможной трагической гибели живых существ-комикадзе с одновременным подрывом бытовой техники при попадании их внутрь. И поскольку ни покупатель, ни несчастное животное не были осведомлены продавцом о возможной трагедии, московский суд удовлетворил требование покупателя о возмещении ему стоимости магнитофона и компенсации морального вреда, посчитав, что ни покупатель, ни его страдалец-домочадец, не владеющие соответствующей информацией, не виноваты в порче магнитофона.

Парадокс в том, что при потреблении трансгенных продуктов вредоносные последствия могут быть куда более трагическими, но такая информация до покупателей либо вообще не доводится, либо доводится в искаженном виде, либо таким микроскопическим шрифтом, что прочесть может разве только один из сотен покупателей.

А чем неуютны трансгенные продукты? Да хотя бы тем, что с момента начала их потребления

прошло сравнительно немного времени, и ученые пока не знают результатов, в том числе отдаленных. Согласно исследованиям ни по химическому составу, ни по техническим параметрам модифицированный картофель или, скажем, кукуруза от естественных своих аналогов не отличаются. Они также легко разрушаются в желудочно-кишечном тракте, не оказывая видимого воздействия. Налицо и иные, ярко выраженные положительные качества трансгенных продуктов: они дольше хранятся и сохраняют товарный вид, способны к длительным перевозкам, растения быстрее созревают, производство их обходится гораздо дешевле. Таким образом, опасность модификантов для человека пока не имеет неопровержимых доказательств, но и в пользу их безвредности для организма человека неопровержимых аргументов тоже нет.

И лабораторные исследования на животных, которых кормили трансгенами, не очень-то обнадеживают. У одних теряется способность к размножению, у других еще хуже – появляется на свет мутированное потомство. Как правило, у последующих поколений таких животных развиваются всевозможные патологии. Уже по этой причине хотя бы тем, кому еще предстоит иметь детей, следует озаботиться.

По опубликованным данным специалистов Института питания и Института высшей нервной деятельности РАМН, особенно опасны генномодифицированные микроорганизмы (они разрешены в рисе, свекле, картофеле, сое, кукурузе). Они могут передавать свою генную информацию. Попадая в организм человека, они способны обмениваться ДНК с микроорганизмами кишечника, после чего те приобретают другие свойства. Кроме того, после поглощения трансгенов микрофлорой кишечника гомогенизированные вставки в состоянии проникать в кровь и клетки внутренних органов человека, приводя к патологическим изменениям. Следствие – опять же уродство, бесплодие, онкологические заболевания. Изуродованный ген может «уснуть» в организме человека, а затем бесконечно мутировать в следующих его поколениях. Ведь по теории наследственности генные искажения имеют тенденцию усиливаться, и как проявятся в последующих поколениях причудливая игра генов, можно только догадываться. И не факт, что из дверей роддомов в кружевных одеяльцах рано или поздно не станут выносить сестричек и братиков овечки Долли.

Во всяком случае, ученые и эксперты в области питания на «круглом столе», организованном Управлением делами президента РФ, пришли к выводу, что одной из основных причин демографического кризиса в России (рекордной смертности, снижения рождаемости, рождения до 30% детей с генетическими нарушениями) является массовое употребление продуктов, содержащих генно-модифицированные организмы (ГМО)⁷. Приводя соответствующие данные, президент Общенациональной ассоциации генети-

ческой безопасности А. Баранов и «Гринпис» уже сейчас отмечает несколько тревожных признаков: употребление модифицированных продуктов провоцируют нечувствительность микроорганизмов к некоторым антибиотикам; божьи коровки, питавшиеся тлей с генетически модифицированного картофеля, не могут иметь потомство; трансгенный продукт, полученный пересадкой гена бразильского ореха в ДНК сои, вызвал у многих людей аллергические реакции на чужеродный белок.

Что же делать? Справедливости ради следует отметить, что по закону столь широких прав, как у российских потребителей, нет нигде в мире. Профессор Райх, автор такого рода законов объединенной Европы, не раз отмечал необычайную жесткость российского потребительского законодательства.

Поскольку установить прямую зависимость вредоносных результатов жизни и здоровью людей от употребления трансгенных продуктов практически невозможно (тем более, что такие результаты могут быть весьма отдалены во времени), то и имеющиеся весьма жесткие нормы закона, предусматривающие ответственность продавцов, производителей за причинение вреда жизни и здоровью потребителей⁸, в данном случае практически неприменимы. Но положение далеко не безвыходное.

Поскольку Россия по вполне очевидным причинам еще долго будет оставаться одним из основных потребителей трансгенных продуктов, очевидна и проблема защиты прав потребителей по отношению к подобным продуктам. Такая защита должна осуществляться по ряду направлений, причем это не потребует изобретения каких-то новых средств правовой защиты.

Во-первых, необходимо добиться четкого соблюдения производителями поправок к закону Российской Федерации «О защите прав потребителей», которые вступили в силу с 1 января 2005 г. и обязывают производителя маркировать продукты питания, содержащие генетически модифицированные компоненты⁹, что уже давно является нормой в странах Европы. Согласно Директиве Европейского Парламента и Совета (ЕС) от 22 сентября 2003 г. № 1829/2003 о генетически модифицированной пище и кормах, обязательной для применения в России¹⁰, этикетированию подлежит вся пищевая продукция при содержании компонентов ГМИ более 0,9%. Как показало время, прошедшее после внесения соответствующего изменения в закон, эта норма в России практически не соблюдается. Обязательную маркировку товаров с добавлением ГМО игнорируют 90% производителей¹¹.

Во-вторых, эта информация должна быть достаточно наглядной, яркой, бросающейся в глаза потребителю на стадии приобретения, а не стыдливо прячущейся в складках упаковки от мороженого мельчайшим шрифтом.

В-третьих, в нормативном порядке необходимо предусмотреть огромные, сопоставимые с вероятным вредом для здоровья потребителя штрафы для производителей и продавцов за несоблюдение этих требований. Ведь в настоящее время за отсутствие специальной маркировки на генетически модифицированных товарах должностные лица могут заплатить штраф всего лишь в пределах 3-5 тыс. рублей, а юридические лица – 30-50 тыс. рублей, что явно несопоставимо с той прибылью, которую производители и продавцы получают от продажи такой продукции.

В-четвертых, с целью поощрения производителей продукции, не содержащей трансгенов, и продвижения ее на рынок было бы целесообразно разработать систему добровольной сертификации «Биологически безопасно» с выдачей специальных сертификатов тем производителям, в продуктах которых нет генетически модифицированных организмов, с предоставлением им права помещать соответствующую маркировку на своих товарах.

И, наконец, **в-пятых**, на всех предприятиях розничной торговли на видном месте, рядом с Правилами розничной купли-продажи должна висеть утвержденная в нормативном порядке (например, в виде приложения к названным Правилам) информация о сути ГМИ и имеющихся результатах возможных вредных последствий потребления трансгенных продуктов.

Пока Федеральный закон «О защите прав потребителей» в его действующей редакции более или менее нормально работает только в Москве – благодаря Лужкову, который принял постановление о том, чтобы все трансгенные продукты в розничной продаже обозначались яркими и большими значками на упаковке, специфическими, отличными от других ценниками, чтобы продавцы выдвинули отдельные полки под такие продовольственные товары с яркой информацией (в виде плакатов, например, над полками) о том, что это продукты с генетически модифицированными компонентами, и наглядной информацией о сущности таких продуктов и возможных вредных последствиях их потребления. За невыполнение этих требований продавцами, а также для недобросовестных московских производителей, скрывающих информацию о содержании в продуктах ГМИ, Ю.М. Лужков пообещал штрафы в сотни тысяч рублей. Он же запретил использование таких продуктов в детских садах и школах. Далее – дело уже за контролем.

Очевидно, что те же весьма действенные и вполне достаточные меры могут быть приняты на уровне каждого региона, в том числе применительно к Омской области.

И, наконец, поскольку законодательство устанавливает максимум процентного содержания (5%) генетически модифицированных компонентов в продуктах, следует оснастить все контролирующие

лаборатории соответствующим оборудованием, позволяющим установить не только сам факт наличия трансгенных компонентов, но и их количество, а не ссылаться на отсутствие такого оборудования. В мире такое оборудование давно создано, и нужно закупить его за любые деньги для каждого региона. Разрешать ввозить и выпускать на потребительский рынок трансгенные товары и генетически модифицированное сырье для их изготовления при тотальной недобросовестности производителей и продавцов преступно по отношению к народу, его здоровью, к будущим поколениям, и сегодня в России только государство может здесь стать надлежащим и надежным гарантом.

¹ См.: Домчева Е. Ужин для Франкенштейна // Российская газета. – 2006. – 20 окт.

² См.: Положение о проведении гигиенической экспертизы и регистрации пищевой продукции, полученной из генетически модифицированных источников : утверждено постановлением Главного санитарного врача Российской Федерации от 6 апреля 1999 г. № 7 // СПС Консультант-Плюс.

³ См.: О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : закон Российской Федерации от 5 июня 1996 г. № 86-ФЗ (ст. 11). В ред. Федерального закона от 12 июля 2000 г. № 96-ФЗ // СПС Консультант-Плюс. В силу ст. 5 этого закона продукция, содержащая результаты генно-инженерной деятельности, подлежит сертификации, причем с указанием полной информации о методах получения и свойствах данного продукта.

⁴ См.: Меженная С. «Продукты будущего» уже на наших столах // Омск вечерний. – 2006. – 18 окт.

⁵ См.: Мурзина Е. Каждый третий мясной продукт от ведущих производителей может содержать в себе биологический ген-мутант // Новое омское слово. – 2006. – 19 июля.

⁶ См.: Дюман С. Ни слова о генетике // Российская газета. – 2006. – 14 июля.

⁷ По данным президента Общенациональной ассоциации генетической безопасности А. Баранова. См.: Домчева Е. Ужин для Франкенштейна // Российская газета. – 2006. – 20 окт.

⁸ Имеются в виду параграф 3 главы 59 Гражданского кодекса РФ (ст.ст. 1095 – 1098); ст.ст. 12 – 15 и др. Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (с последующими изменениями).

⁹ Согласно п. 2 статьи 10 указанного Закона информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке «должна содержать ... сведения об основных потребительских свойствах товаров (работ, услуг), в отношении продуктов питания – сведения о составе (в том числе наименование использованных в процессе изготовления продуктов питания компонентов, полученных с применением генно-инженерно-модифицированных организмов) ...».

¹⁰ См.: Письмо Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 24 января 2006 г. № 0100/446-06-32 // СПС Консультант-Плюс.

Согласно разъяснению, имеющемуся в названном документе, в соответствии с заключением ГУ НИИ питания РАМН содержание в пищевых продуктах 0,9% и менее компонентов, полученных с применением ГМИ, является случайной или технически неустранимой примесью, и пищевые продукты, содержащие указанное количество компонентов ГМИ, не относятся к категории пищевых продуктов, содержащих компоненты, полученные с применением ГМИ, и не подлежат этикетированию.

¹¹ См.: Домчева Е. Ужин для Франкенштейна // Российская газета. – 2006. – 20 окт.

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

Е.Ф. Рашидов, преподаватель кафедры гражданского права Омского юридического института

Вопрос о процессуальном положении судебного представителя является предметом дискуссий, которые продолжаются в гражданской процессуальной теории уже много лет. В основном, спор идет о том, относится ли судебный представитель к лицам, участвующим в деле или к содействующим правосудию. Данный вопрос неоднозначно решался и в законодательстве бывших союзных республик. Например, в ГПК Латвийской ССР (ст. 30), Литовской ССР (ст. 30), Молдавской ССР (ст. 30) судебные представители были отнесены к участвующим в деле лицам. ГПК РСФСР (ст. 29), Азербайджанской ССР (ст. 29), Туркменской ССР (ст. 95) не относили судебного представителя к таковым лицам.

Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) не относит представителей к числу лиц, участвующих в деле. Данный вывод следует из анализа ст. 34 ГПК РФ, которая устанавливает перечень лиц, участвующих в деле.

Для сравнения необходимо отметить, что в ст. 54 АПК РФ представитель отнесен к «иным участникам арбитражного процесса». В Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации и Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» нет разделения участников процесса на лиц, участвующих в деле, и на лиц, содействующих осуществлению правосудия. Соответственно, невоз-

можно сделать вывод о том, относят ли эти законы представителя к той или иной группе лиц¹.

Лица, участвующие в деле, имеют ряд отличительных признаков, таких, как право на совершение процессуальных действий от своего имени; право на совершение волеизъявлений (процессуальных действий, направленных на возникновение, развитие и окончание процесса в той или иной стадии); наличие самостоятельного юридического интереса в решении суда (личного или общественного) и распространение на них в установленных законом пределах законной силы судебного решения (определения о прекращении производства по делу). Следовательно, представитель в гражданском процессе должен обладать всеми названными признаками. Для этого следует более детально рассмотреть вопрос о заинтересованности представителя в процессе.

С точки зрения русского языка, заинтересованностью является наличие интереса. Интерес же определяется как особое внимание к чему-либо, желание вникнуть в суть, узнать, понять, нужда, потребность, выгода, корысть.

Однако не любой интерес имеет юридическое значение. Таким качеством обладает только юридический интерес, т.е. «интерес, который удовлетворяется правовыми средствами»².

В гражданской процессуальной теории понятие юридического интереса разрабатывалось многими учеными. Так, Р.Е. Гукасян определял его как интерес к процессу, потребность в возникновении процесса и участии в нем. Юридическая заинтересованность, по мнению М.А. Гурвича, заключается в выгодном процессуальном результате, который создаст решение для заинтересованной стороны. М.А. Вукот, говоря о заинтересованности сторон, правильно уточнила, что юридическая заинтересованность выражается в ожидании правового положительного результата, который может наступить для сторон³.

Проанализировав указанные точки зрения, можно сказать о том, что под юридическим интересом понимается материальный интерес.

Решение данного вопроса в таком виде представляется ошибочным, поскольку, как справедливо отмечал А.А. Мельников, утверждение, что представители не имеют собственного юридического интереса в деле, было бы правильным, если бы под этим понимали только материально-правовой интерес. Но тогда такого интереса нет ни у кого из участвующих в деле лиц, кроме сторон и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора. Однако юридический интерес в деле — это общее понятие, интегрирующее в себе как материально-правовой, так и процессуальный интерес⁴.

Действующее гражданское процессуальное законодательство к лицам, участвующим в деле, от-

носит таких субъектов, как прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, которые имеют процессуальный интерес, а не только материально-правовой.

По поводу следующего указанного признака — «право на совершение процессуальных действий от своего имени» — необходимо отметить, что представитель, действительно, совершает процессуальные действия от имени представляемого. Но данный факт не дает оснований утверждать, что представитель не имеет права на совершение волеизъявлений, т.е. процессуальных действий, направленных на возникновение, развитие и окончание процесса в той или иной стадии (право заявлять отказ от иска, заключать мировое соглашение, признавать иск, обжаловать судебные акты — в пределах предоставленных им полномочий).

В юридической литературе неоднократно высказывалась позиция, согласно которой полномочия представителя не носят самостоятельного характера, поскольку являются производными от прав и обязанностей представляемого.

Вместе с тем на существование самостоятельных процессуальных прав и обязанностей представителя в гражданском процессе в свое время указывали некоторые ученые-процессуалисты. Так, по мнению И.М. Ильинской и Л.Ф. Леснической, судебный представитель в процессе осуществления своей представительской деятельности имеет также самостоятельные процессуальные права и несет процессуальные обязанности, которые в ряде случаев не зависят от воли представляемого. Например, адвокат вопреки желанию доверителя вправе отказаться от составления ходатайства об опротестовании в порядке надзора решения, вступившего в законную силу, если для этого нет никаких оснований⁵.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что представитель все же имеет ряд процессуальных прав и обязанностей, носящих самостоятельный характер.

Последним из названных выше признаков является распространение на лиц, участвующих в деле, в установленных законом пределах законной силы судебного решения.

Правовые последствия принятого и вступившего в законную силу судебного решения распространяются на представляемого, а не представителя. Следовательно, судебный представитель не обладает данным признаком. Справедливости ради отметим, что такие субъекты гражданского процесса, как прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, также не обладают данным признаком. Тем не менее они относятся к лицам, участвующим в деле.

Таким образом, мы видим, что представитель

в гражданском процессе обладает такими же признаками, что и лица, участвующие в деле, следовательно, он должен быть включен в перечень, обозначенный ст. 34 ГПК РФ.

1 См.: *Войтович Л.* Права и обязанности представителя в гражданском судопроизводстве / Л. Войтович // Арбитраж-

ный и гражданский процесс. — 2006. — № 3. — С. 16.

2 *Рой Е. Б.* Дискуссионные вопросы процессуального положения судебного представителя / Е. Б. Рой // Арбитражный и гражданский процесс. — 2003. — № 3. — С. 24.

3 Там же. С. 25.

4 См.: *Курс советского гражданского процессуального права* : в 2 т. / отв. ред. А. А. Мельников [и др.]. — М.: Наука, 1981. — Т. 1. — С. 299.

5 См.: *Рой Е. Б.* Указ. соч. — С. 26.

ВИДЫ И СПОСОБЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н.Н. Снежанская, доцент кафедры управления и права Омского гуманитарного института, кандидат юридических наук

В процессе реализации права нередко возникает необходимость в толковании правовых норм, т.е. уяснения их для себя и разъяснения другим заинтересованным лицам. Потребность в правильном раскрытии смысла и содержания юридических правил, конструкций особенно сильно возрастает в период после принятия и вступления в силу нового нормативного акта, которым вносятся существенные изменения в регулирование определенной группы общественных отношений. Не исключением стал и Трудовой кодекс РФ, содержащий в своей первоначальной редакции немало положений, вызывающих затруднения при их применении на практике. Неслучайно, что не прошло и пяти лет, как произошла кардинальная переработка текста кодекса, осуществленная законом от 30 июня 2006 г.¹

В процессе познания значения норм трудового законодательства участвуют самые разные субъекты. Соответственно, выделяют официальное и неофициальное толкование. Первое дается специально уполномоченными государственными органами, должностными лицами и обязательно для иных субъектов правоприменительной деятельности, равных по статусу или нижестоящих в структуре государственной власти. Принято считать, что в этом случае новые правовые нормы не создаются, компетентные государственные органы лишь разъясняют смысл уже действующих². Однако такой подход имеет идеалистический характер и не отражает полностью существующие в действительности реалии.

Аутентичное (или авторское) толкование основано на праве органа, издавшего нормативный правовой акт, впоследствии произвести его интерпретацию, приобретающую равную с трактуемым юридическую силу. Такое толкование встречается, однако, достаточно редко. Если орган, принявший какие-

либо акты, приходит к выводу о недостатках в формулировках закрепленных в них правил, то для него предпочтительнее внести в текст необходимые изменения или дополнения, чем давать официальные разъяснения. С одной стороны, так целесообразнее с точки зрения компактности в изложении нормативного материала (правоприменителю удобнее пользоваться одним правовым актом вместо нескольких), с другой — позволяет законодателю сохранить свое реноме. Кроме того, зачастую таким образом может быть не только уточнено и конкретизировано содержание правовой нормы, но также значительно расширен или сужен ее объем, с учетом уже имеющейся практики применения более детально прописаны условия реализации (ср., например, статьи о совместительстве Трудового кодекса РФ в первоначальной редакции (2001 г.) и с внесенными законом от 30 июня 2006 г. изменениями и дополнениями).

В отличие от авторского, субъекты легального толкования обладают гораздо меньшей свободой в использовании расширительного (распространительного) и ограничительного приемов при выяснении действительного содержания нормы права. Предпочтение должно отдаваться, в первую очередь, буквальному пониманию словесного выражения юридических правил. При этом надо учитывать, что конкретизацией правовых норм в Российской Федерации, в основном, занимаются не законодатели, а правоприменители³, в силу чего необходимо с большой ответственностью подходить к процессу толкования.

При толковании норм, словесное выражение которых полностью совпадает с их содержанием, особых затруднений не возникает. Например, полный брак по вине работника оплате не подлежит (ч. 2 ст. 156 ТК РФ). Критерии отнесения изделий к полному или частичному браку установлены в правилах приемки

производимой продукции, вина работника выражается в нарушении процесса изготовления деталей, отступлении от требований технологии и т.п.

Из сказанного, однако, вовсе не следует, что уяснение содержания прямо выраженных дозволений, запретов и ограничений не представляет сложностей. Найти их в тексте нормативного правового акта, действительно, просто. Они закрепляются с помощью слов «имеет право» (ст.ст. 21, 22, ч. 2 ст. 43 ТК), «может» или, напротив, «не может» (ст. 9, ч. 2 ст. 31, ст. 41), «должны» или «не должны» (ст. 5), «допускается» (чч. 1, 4 ст. 63) и «не допускается» (ч. 5 ст. 96, чч. 2 и 3 ст. 125), «запрещается» (ст.ст. 4, 64, 268), «не ограничивается» (ст. 132), «включается» либо «не включается» (ч. 3 ст. 82, ч. 2 ст. 301), «устанавливается» и «не устанавливается» (ч. 1 ст. 135, ч. 4 ст. 70 ТК) и др.⁴ Однако использование слов «обязан», «запрещается», «ограничивается» еще не является надежной гарантией того, что правовое предписание будет понято однозначно. Нередко с помощью этих слов формулируются нормы права, самые трудные для определения истинного их содержания⁵.

Большую сложность для точного истолкования их смысла и, соответственно, правильного применения представляют все же не прямые, а косвенные нормативные запреты и ограничения. Некоторые ученые полагают, что такие предписания могут закрепляться в законодательстве в форме указания на незаконность действий или недействительность последствий каких-либо действий администрации, установления юридической ответственности за совершение (или отказ от него) тех или иных поступков⁶. Эта точка зрения не совсем точна. Санкции сами по себе не создают запрет, они предусматривают ответственность за его нарушение и в силу этого очень тесно с ним связаны. Пример, приводимый В.Н. Скобелкиным (ч. 1 ст. 143 УК), — это не косвенный, а прямой запрет нарушения правил техники безопасности⁷.

Иначе решается вопрос о характере запрета, подкрепляемого санкцией, типа: «ответственность в соответствии с действующим законодательством». Критически оценивает использование указанного способа законодателем Н.П. Колдаева, так как «это свидетельствует о том, что данное общественное отношение уже обеспечено механизмом реализации. Зачем же тогда создавать новую правовую норму?»⁸ В известной степени ее замечания справедливы.

Однако это не означает, что нужно полностью отказаться от использования указанного приема. Большое значение он имеет не только в сфере трудовых отношений, так как позволяет существенно экономить на изложении нормативного материала. В трудовом же праве одна дисциплинарная санкция (в значении: альтернативный выбор одной меры взыскания из нескольких возможных), расщепляемая на множество конкретных разновидностей, создает особый правовой режим отрасли, обеспечи-

вая надлежащее функционирование огромного числа самых разнообразных отношений в сфере наемного труда. Она выполняет роль своеобразного источника энергии, наряду с материальными стимулами, приводящего в действие огромный механизм. В тех местах, где энергии недостаточно, требуется дополнительное снабжение в виде четких по форме и содержанию запретов нежелательного поведения. В некоторых случаях необходимы и более кардинальные источники энергии в виде санкций уголовного и административного права.

Установление правил поведения в форме указания на ответственность придает содержащимся в них предписаниям большую ясность и определенность, помогает правоприменителю правильно исполнять требования закона и более точно определять границы запретов и дозволений. Тем не менее использовать в нормотворчестве этот прием юридической техники надо очень аккуратно, поскольку не всегда в законодательстве есть необходимые санкции, обеспечивающие реализацию юридической нормы, либо применение имеющихся оказывается недостаточно эффективным.

Косвенные запреты и ограничения в законодательстве формулируются по-разному: с использованием слов «только», «лишь», «в случаях» и др. Труднее найти запрет или ограничение в правилах, по форме словесного выражения закрепляющих дозволение. В части 2 пункта 2 ст. 111 ГК и тождественной ей ч. 3 ст. 22 Закона РФ «О производственных кооперативах»⁹ говорится, что член исполнительного органа может быть исключен из кооператива по решению общего собрания в связи с его членством в аналогичном кооперативе. По форме изложения эта статья носит позитивный характер. Между тем в ней устанавливается не только дозволение для общего собрания членов кооператива исключить из своего состава определенных субъектов по определенному основанию, но и запрет для председателя кооператива (его заместителей и т.п.) входить в другие, аналогичные кооперативные организации.

Закрепление в нормативном акте прямого запрета или прямо выраженного ограничения делает юридическую обязанность более определенной по содержанию. Однако вывод о целесообразности ее формулирования исключительно в форме запрещающих предписаний был бы ошибочным. Хотя такое изложение правового материала довольно экономно (см., например, КЗоТ 1918 г.), но, с точки зрения психологического восприятия простым человеком, его не всегда можно признать приемлемым. В случае несоблюдения запрета, когда возникают правоотношения по привлечению виновного лица к юридической ответственности и нужно установить в его действиях состав правонарушения, в частности, такой его необходимый элемент, как противоправность, — действительно, качество применения той или иной пра-

вой нормы повышается, если микроправило для обязанного лица закреплено в виде прямого запрета.

Основные цели правового регулирования – все-таки не наказание за правонарушения, а предотвращение их, а также упорядочение общественных отношений. И здесь более предпочтительно выражение норм права преимущественно в позитивной форме. Одним из доказательств в пользу такого вывода может служить анализ локальных нормативных актов¹⁰. Их создатели при разработке текстов договоров и соглашений, сознательно или неосознанно, стараются избегать прямо выраженных запретов. Особого внимания заслуживают случаи изменения формы изложения юридических норм, заимствованных из федерального законодательства о труде: с негативной на позитивную, запрет из пассивной обязанности преобразовывался в активную.

В литературе отмечается, что излишек запрещающих предписаний в текстах нормативных актов снижает эффективность реализации правовых норм. Использовать запреты и ограничения следует, как правило, для указания на наиболее общественно опасные поступки, недопустимость совершения которых очевидна и не вызывает большого внутреннего неприятия у человека, а также на такое поведение, неправомерность осуществления которого может быть недостаточно ясной.

Важное место среди источников трудового права занимают решения Конституционного Суда РФ и руководящие постановления пленумов Верховного Суда РФ, дающие легальное толкование норм о труде. Например, в решении Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1992 г. было признано противоречащим Конституции обыкновение судебной практики, сложившееся в результате применения п. 1¹ ст. 33 КЗоТ. Суд правильно указал, что возрастной критерий при прекращении работы, не обусловленный родом и особенностями выполняемой работы, носит дискриминационный характер, что недопустимо¹¹.

Законодатель оперативно учел мнение Конституционного Суда¹², общее правило, затрудняющее возможность реализации права на труд пожилым гражданам, было отменено. Однако вопрос о допустимости введения возрастных ограничений в отдельных случаях остается актуальным, а определение сфер трудовой деятельности, в которых возможно установление возрастных границ, – проблематичным.

В законодательстве существуют ограничения, связанные с занятием определенных должностей государственной службы, причем относящиеся не только к гражданским служащим в государственных органах (ч. 5-7 ст. 25, п. 4 ч. 2 ст. 39 закона от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе РФ»¹³), но также и к другим категориям. Пунктом 3 ст. 20 Закона РФ «О высшем и послевузовском образовании» был установлен предельный возраст – 65 лет – для замещения должности заведующего кафедрой в го-

сударственном или муниципальном учреждении. 27 декабря 1999 г. Конституционный Суд РФ признал данное ограничение незаконным¹⁴. В обоснование такого решения он, в частности, указал на то, что должность заведующего кафедрой в государственных вузах не отнесена законодателем к государственным должностям государственной службы, специфика которой допускает установление определенных ограничений, в том числе по возрасту, компенсируя подобное ущемление прав дополнительными гарантиями и льготами. Между тем этого в отношении лиц, занимающих должности заведующего кафедрой, не предусмотрено.

Однако и для государственных служащих проблема определения предельного возраста пребывания на службе остается злободневной. Установление возрастных ограничений для занятия высших государственных должностей государственной службы, безусловно, необходимо. Для всех остальных должностей можно предложить следующее: предусмотреть общее правило об ограничении возраста нахождения на государственной службе. После его достижения госслужащему предоставляется право продолжить службу, но при условии положительного заключения медико-социальной экспертной комиссии. МСЭК выносит свое решение после тщательного исследования возможности проходящего обследования чиновника качественно и в полном объеме выполнять обязанности конкретной государственной должности. Комиссия также определяет срок следующего обязательного медицинского освидетельствования, который не может превышать трех (двух) лет.

Важную роль в жизни современного общества играет также неофициальное толкование, осуществляемое не уполномоченными специально на подобную деятельность от имени государства субъектами и, соответственно, не обладающее юридической значимостью для правоприменительных органов.

Одним из видов неофициального толкования выступают разъяснения юридических предписаний специалистами: прокурорами, следователями, адвокатами, юрисконсультами и т.д. (профессиональное). Особое место следует отвести такой разновидности компетентного толкования, как доктринальное. Оно имеет большое значение и для практических работников, и для законодателя, так как предлагает наиболее целесообразный и обоснованный вариант решения сложной проблемы¹⁵. Неслучайно при многих судах (областных, краевых и др.), в нормотворческих органах создаются научно-консультативные советы из специалистов в определенных сферах юридических знаний.

Обыденное толкование дают люди, не имеющие специальных юридических познаний. Такой вид умозаключений страдает рядом недостатков и не только потому, что, к сожалению, пока еще общий уровень юридических знаний, правосознания, правовой культуры у россиян крайне низок, но и потому, что обыч-

ный человек использует всего лишь один-два способа толкования (как правило, буквальное, грамматическое, реже — логическое). Конечно, далеко не всегда этого бывает достаточно, чтобы установить истинное содержание нормы и возможные пути ее реализации.

Например, многие работники воспринимают буквально ч. 2 ст. 180 ТК РФ. Они, в частности, искренне полагают, что если работодатель уволил их до истечения срока предупреждения о предстоящем увольнении по сокращению численности (штата) раньше хотя бы на один день, то они автоматически при обращении в суд будут восстановлены в прежней должности.

Однако судебной практикой был выработан иной подход к применению данной нормы. Нарушение срока предупреждения работников об увольнении по сокращению численности или штата не признавалось в качестве достаточного основания для безусловного восстановления на работе. В этих случаях суд должен был изменить дату увольнения работника с таким расчетом, чтобы трудовые отношения прекращались по истечении установленного законом срока предупреждения. При этом период, на который продлевался трудовой договор в связи с переносом даты увольнения, подлежал оплате в размере среднего заработка. Такое официальное нормативное толкование подлежащих применению в данной ситуации норм трудового права было дано Пленумом Верховного Суда РФ в утратившем ныне силу постановлении № 16 от 22 декабря 1992 г. «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров» (п. 23)¹⁶.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» аналогичное разъяснение отсутствует (см. п. 24 «а», 60). Считаем, что намеренное исключение такого правового положения ошибочно, поскольку выносить судебное решение о восстановлении работника на прежнем месте работы в случае проведения работодателем экономически обоснованных мероприятий по сокращению персонала вряд ли целесообразно. Работника все равно уволят, и для обеих сторон трудового соглашения повторение процедуры прекращения трудовых отношений будет чрезвычайно болезненным. Поэтому в целях защиты интересов работника, с одной стороны, и наказания работодателя за допущенную небрежность — с другой, следует либо использовать указанное правило, либо усилить его карательную, штрафную функцию, установив обязанность работодателя оплатить работнику период с момента расторжения трудового договора до вынесения судом соответствующего решения, но не менее установленного законом двухмесячного срока предупреждения о предстоящем увольнении по п. 2 ст. 81 ТК РФ.

Таким образом, ограничиваться при уяснении

содержания норм трудового права лишь одним приемом толкования недопустимо. Кажущаяся простота формулировок статей законодательства о труде при первичном с ними ознакомлении при последующих попытках использовать их в конкретных жизненных ситуациях способна вызвать немало затруднений, поэтому правоприменителю необходимо использовать все выработанные юридической наукой и практикой средства и способы толкования для правильного раскрытия смысла норм, регулирующих отношения в сфере несамостоятельного труда.

¹ См.: *О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов)* : федер. закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. — 2006. — № 27. — Ст. 2978.

² См., напр.: *А.В. Осипов*. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М. : Юристъ, 2004. — С. 480.

³ См.: *Арзамасов Ю. Г.* Ведомственное нормотворчество как тип юридической деятельности // *Гос-во и право*. — 2006. — № 9. — С. 15.

⁴ О некоторых формах выражения прямых запретов см.: *Скобелкин В. Н.* Обеспечение трудовых прав в СССР. — М. : Юрид. лит., 1987. — С. 44-45.

⁵ См., напр.: *По делу о проверке конституционности статьи 12 Закона СССР от 9 октября 1989 г. «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)»* (в ред. от 20 мая 1991 г.) в части, запрещающей проведение забастовок работниками гражданской авиации, в связи с жалобой Профсоюза летного состава Российской Федерации : постан. Конституционного Суда РФ от 17 мая 1995 г. № 5-П // *Собрание законодательства РФ*. — 1995. — № 21. — Ст. 1976 ; *Воздушный кодекс (ст. 52)* // *Собрание законодательства РФ*. — 1999. — № 28. — Ст. 3483.

⁶ См.: *Скобелкин В. Н.* Трудовые правоотношения / В. Н. Скобелкин. — М. : Вердикт-1ММ, 1999. — С. 260-261.

⁷ В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации содержатся элементы не одной, а двух и даже трех норм. Первая (её условно можно назвать регулятивной) устанавливает запрет грубого нарушения охраны труда и техники безопасности для работников. Администрация имеет право требовать от них соблюдения указанного предписания. Вторая (охранительная) — в случае выхода за границы дозволенного поведения право привлечь к уголовной ответственности появляется у соответствующих государственных органов, а работник обязан подчиниться этому (запрет уклоняться от уголовного преследования). Наконец, третья регулирует отношения между государственным органом и государством по поводу обязанности привлечь виновное лицо к уголовной ответственности и права требовать этого в целях достижения социальной справедливости (ст. 43 УК). К такому выводу позволяет прийти, в частности, формулировка ч. 1 ст. 289 УК, в которой сказано, что назначается участие должностного лица в управлении организацией, осуществляющей предпринимательскую деятельность, лично или через доверенное лицо вопреки *запрету, установленному законом*. То есть новый запрет здесь не формулируется, а закон, который имеет в виду законодатель в данном случае, — это не уголовный, а закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (пп. 1,3 ст. 17). В статье УК конкретизируются, уточняются гипотеза (если эти деяния связаны с предоставлением такой организации льгот, преимуществ или с покровительством в иной форме), а также санкция охранительной нормы (лише-

ние права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет и т.д.).

⁸ См.: Морозова Л. А. Современное состояние российского законодательства и его систематизация. – «Круглый стол» журнала «Государство и право» // Гос-во и право. – 1999. – № 3. – С. 25.

⁹ См.: О производственных кооперативах : федер. закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 20. – Ст. 2321.

¹⁰ Видимо, неслучайно, классифицируя локальные нормы права, Р.И. Кондратьев счел возможным выделить лишь два вида: обязывающие и управомочивающие. См.: Кондратьев Р. И. Локальные нормы трудового права и материальное стимулирование / Р. И. Кондратьев. – Львов : Виша школа, 1973. – С. 17-18.

¹¹ См.: Постановление Конституционного Суда РСФСР от 4 февраля 1992 г. «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1¹ статьи 33 КЗоТ РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 13. – Ст. 669.

¹² См.: О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР : закон РФ от 12 марта 1992 г. № 2502-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 14. – Ст. 712.

¹³ См.: Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

¹⁴ См.: По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В.П. Малкова и Ю.А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани : постан. Конституционного Суда РФ от 27 декабря 1999 г. № 19-П // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 3. – Ст. 354.

¹⁵ В качестве примера можно привести определение И.С. Войтинским правовой природы прекращения исполнения трудовых обязанностей рабочими в связи с участием в забастовке (стачке). См.: Войтинский И. С. Стачка и рабочей договор по русскому праву / И. С. Войтинский. – С.-Петербург, 1911. – С. 7-39.).

¹⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1993. – № 3.

ЦЕЛИ СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ОПАСНОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Л.А. Червань, ассистент кафедры социального права, аспирант кафедры гражданского права Омского государственного университета

Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ)¹ предусматривает возможность возложения законом на указанных в нем лиц обязанность страховать жизнь, здоровье или имущество других определенных в законе лиц на случай причинения вреда их жизни, здоровью или имуществу, а также риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц или нарушения договоров с другими лицами (ст. 935 ГК РФ). В приведенной статье речь идет об обязательном страховании. На сегодняшний день в РФ действует не один десяток видов обязательного страхования, среди них – обязательное страхование вкладов физических лиц в банках РФ², обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств³, обязательное страхование пассажиров⁴, обязательное страхование гражданской ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта⁵ и др. Учитывая всеобъемлющий характер обязательного страхования, очевидно, что большинство юридических и фи-

зических лиц независимо от своей на то воли оказываются вовлеченными в сферу обязательного страхования. В связи с этим необходимо установить те последствия, которые влечет за собой введение обязательного вида страхования. Отметим, что участвовать они могут в качестве выгодоприобретателя либо страхователя. Для выгодоприобретателя обязательное страхование не является обременительным, поскольку, будучи третьим лицом, в пользу которого заключен договор (ст. 430 ГК РФ), на выгодоприобретателя не возлагаются какие-либо обязанности, а лишь предоставляются определенные права, которыми он может воспользоваться или не воспользоваться. Но по-иному обстоит дело со страхователем. Для него обязательное страхование влечет следующие основные обязанности-ограничения: во-первых, обязанность нести материальные расходы в виде уплаченной страховой премии, во-вторых, ограничиваются правомочия по свободному использованию принадлежащего страхователю имущества или осуществлению какой-либо деятельности, поскольку при отсутствии заключен-

ного договора обязательного страхования страхователь не вправе пользоваться тем или иным имуществом, например, транспортным средством, иными объектами, относящимися к опасным производственным объектам, или осуществлять соответствующую деятельность. Поскольку устанавливаемая законом об обязательном страховании всеобщая обязанность по страхованию тех или иных рисков является ограничением права владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, права свободно использовать свое имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также нарушением конституционного принципа недопустимости издания законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина, встает вопрос о возможности существования обязательного страхования в рамках частного права.

Конституция РФ⁶ гарантирует свободу экономической деятельности, право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 8, ч. 1 ст. 34, чч. 1 и 2 ст. 35). Эти конституционные предписания нашли свое отражение в положениях ГК РФ о свободе договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, свободном установлении своих прав и обязанностей на основе договора (пп. 1 и 2 ст. 1, п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 9 ГК РФ). В то же время права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены, но только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Следовательно, отступление от конституционных принципов возможно, лишь если ограничения, установленные федеральным законодателем, продиктованы конституционно значимыми целями. Таким образом, конституционная правомерность существования обязательного страхования поставлена в зависимость от того, насколько соответствуют цели обязательного страхования целям, указанным в Конституции РФ.

Согласно Толковому словарю русского языка⁷ цель – это предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить. Применительно к страхованию целью является защита имущественных интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении страховых случаев (п. 1 ст. 3 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»⁸).

Пункт 4 ст. 3 Закона РФ «Об организации стра-

хового дела в Российской Федерации» определяет порядок введения обязательных видов страхования и положения, которые должны быть прописаны в федеральном законе о конкретном виде обязательного страхования. К таким положениям отнесены:

- а) субъекты страхования;
- б) объекты, подлежащие страхованию;
- в) перечень страховых случаев;
- г) минимальный размер страховой суммы или порядок ее определения;
- д) размер, структура или порядок определения страхового тарифа;
- е) срок и порядок уплаты страховой премии (страховых взносов);
- ж) срок действия договора страхования;
- з) порядок определения размера страховой выплаты;
- и) контроль за осуществлением страхования;
- к) последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств субъектами страхования;
- л) иные положения.

Как видно, цели страхования в данной норме не упоминаются. Учитывая, что обоснованность введения обязательного страхования обусловлена в первую очередь соответствием поставленной перед обязательным страхованием цели целям, обозначенным в п. 3 ст. 55 Конституции РФ, считаем, что цели обязательного страхования не только должны явствовать из концепции обязательного страхования, но и прямо закрепляться в законе о конкретном виде обязательного страхования. Необходимо это, во-первых, чтобы на этапе решения вопроса о возможности и необходимости введения обязательного вида страхования можно было проверить поставленные перед обязательным страхованием цели на соответствие их целям, указанным в п. 3 ст. 55 Конституции РФ, и, во-вторых, чтобы в процессе реализации обязательного страхования установить эффективность обязательного страхования, т.е. определить, происходит ли в действительности достижение поставленных целей. Поэтому считаем, что необходимо внести изменения в норму п. 4 ст. 3 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации», дополнив перечень условий, которые должны быть отражены в законе о конкретном виде страхования, соответствующим подпунктом, указывающим, что закон должен также определять цели конкретного вида обязательного страхования.

Следует отметить, что в большинстве законов об отдельных видах обязательного страхования законодатель формулирует цели того или иного вида страхования. Так, целями обязательного страхования вкладов физических лиц в банках РФ являются защита прав и законных интересов вкладчиков банков Российской Федерации, укрепление доверия к

банковской системе Российской Федерации и стимулирование привлечения сбережений населения в банковскую систему Российской Федерации (п. 1 ст. 1 ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»), обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств установлено в целях защиты прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств иными лицами (преамбула ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»). Однако в силу того, что не предусмотрено обязательного фиксирования цели обязательного страхования, его цель не всегда находит свое отражение в нормативном правовом акте. Так дело обстоит со страхованием гражданской ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта.

Статья 15 ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» не обозначает цели введения данного страхования, не указаны они и в Правилах страхования (стандартных) гражданской ответственности организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты, за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу третьих лиц и окружающей природной среде в результате аварии на опасном производственном объекте (далее – Правила страхования)⁹.

Анализ нормативно-правовой базы страхования гражданской ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта и концепции данного страхования позволяет сформулировать главную цель такого страхования – защита прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или

имуществу и окружающей среде. Это главная цель страхования гражданской ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта. Общая цель страхования – защита имущественных интересов организаций, эксплуатирующих опасный производственный объект, здесь также присутствует, однако происходит смещение акцентов защиты со страхователя на потерпевших.

Учитывая обозначенное выше значение цели обязательного страхования, необходимо законодательно закрепить данную цель страхования гражданской ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта, после чего можно будет производить оценку эффективности и конституционной обоснованности существования названного вида страхования в качестве обязательного.

¹ См.: *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

² См.: *Собрание законодательства РФ*. – 2003. – № 52 (Ч. 1). – Ст. 5029.

³ См.: *Собрание законодательства РФ*. – 2002. – № 18. – Ст. 1720.

⁴ См.: *Об обязательном личном страховании пассажиров*: Указ Президента РФ от 7 июля 1992 г. № 750 // *Российская газета*. – 1992. – 14 июля.

⁵ См.: *О промышленной безопасности опасных производственных объектов*: закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 1997. – № 30. – Ст. 3588.

⁶ См.: *Российская газета*. – 1993. – 25 янв.

⁷ См.: *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 873.

⁸ См.: *Российская газета*. – 1993. – 12 янв.

⁹ Утв. Всероссийским союзом страховщиков 23 февраля 1998 г.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И КРИМИНАЛИСТИКА

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МОТИВА И ЦЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

М.В. Бавсун, старший преподаватель
кафедры уголовного права Омской академии
МВД России, кандидат юридических наук

С.В. Векленко, начальник кафедры уго-
ловного права Омской академии МВД Рос-
сии, доктор юридических наук, профессор

Вопрос о мотивах и целях поведения лица, виновного в совершении преступления, всегда был дискуссионным как в отечественном, так и в зарубежном уголовном праве. Между тем его рассмотрение представляет собой большую практическую значимость. От правильного определения мотива и цели преступного поведения зачастую зависят процессы квалификации и назначения наказания. Несмотря на статус факкультативных характеристик субъективной стороны преступления, мотивы и цели в ряде составов Особенной части УК России выступают в качестве конструктивных, составообразующих признаков, при отсутствии которых совершенное деяние «выпадает» из сферы уголовно-правового регулирования. В этой связи особый интерес вызывает исследование мотивов и целей, содержащихся непосредственно в уголовном законе, упоминание которых значимо для разграничения конкурирующих составов, определения степени вины, направленности умысла, установления истинных намерений его действий. Решение каждого из перечисленных выше вопросов становится возможным лишь в случаях уяснения понятия и содержания рассматриваемых признаков не только в их уголовно-правовом представлении как необязательных характеристик субъективной стороны преступления, но и в каче-

стве самостоятельных психологических категорий.

Под мотивом преступного посягательства в уголовном праве традиционно понимаются «внутренние побуждения лица, которые вызывают у него решимость совершить общественно опасное действие (бездействие) и руководят им при осуществлении этого действия (бездействия)»¹. «Мотив преступления – это обусловленное определенными потребностями побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и проявляется в нем»². На сегодняшний день понятие мотива разрабатывается лишь в рамках теории уголовного права, в уголовном законе такого понятия не существует. При этом господствующей в современной уголовно-правовой доктрине является позиция, согласно которой наличие рассматриваемого признака субъективной стороны преступления возможно лишь в умышленных преступлениях³, причем умысел может быть только прямым. Мотив обычно свидетельствует о ярко выраженной антисоциальной направленности лица, совершающего преступление, о наличии у него конкретной модели преступного результата и стремления к его достижению. Следовательно, наличие мотива в конструкции конкретных составов преступлений свидетельствует об обязательном присутствии в субъективном отношении лица к совершаемым им действи-

ям не только элементов осознания и предвидения последствий своих действий, но и желания достижения вполне конкретного преступного результата.

В свою очередь, мотив преступного поведения тесно связан с другим факультативным признаком субъективной стороны преступления – целью. Цель преступления – это идеальный образ желаемого будущего результата, к которому стремится преступник, совершая общественно опасное деяние. Она также широко рассматривается не только в праве и психологии, но и в философии. При определении цели следует исходить из того, что «цель не возникает без мотива, но, с другой стороны, мотив, как и весь волевой процесс, получает свое содержание благодаря цели, вследствие той конкретной деятельности, в которой эта цель находит свое воплощение»⁴. Под самой же целью в уголовно-правовой теории понимается не что иное, как «сознательно представляемый результат, к достижению которого направлена воля субъекта преступления»⁵.

В узком смысле понятие цели связывают с человеческой деятельностью, существенными элементами которой являются целеполагание, целеустремленность, подчиненность действия идеально представляемому конечному результату этой деятельности⁶. И.Т. Фролов по этому поводу пишет следующее: «...когда мы говорим о цели, то имеем в виду, прежде всего, тот факт, что сам процесс постановки цели есть не что иное, как акт сознания. Цель как идеальное предвосхищение результата какого-либо реального процесса предполагает деятельность человеческого мышления, которое позволяет людям предвидеть результат своей работы»⁷.

В психологии цель также является структурным элементом целенаправленной деятельности человека, которая рассматривается через призму мотивации его поведения, его потребностей и желаний. Специфика мотивационной деятельности человека состоит в том, что она фиксирует такое состояние действительности, которое желательно, но которого еще нет в действительности⁸.

Таким образом, в психологии под целью понимается дискурсивно-осознанно-осмысленная модель, образ предполагаемого, предугадываемого результата, на достижение которого спроецированы поведенческие действия субъекта, его деятельность: активность, проекция его чувственно-мотивационных моделей⁹. Цель обозначается как категория, обычно имеющая два значения. Во-первых, цель имеет объективный характер, она – явление, которого необходимо достичь; а во-вторых, цель субъективна, так как несет субъективные представления лица о предполагаемом им результате, цель, которую оно хотело бы получить в результате своих действий или своей деятельности¹⁰.

Волевые действия в социально значимых (в том числе и уголовно-правовых) ситуациях характеризуются стоящими за ними смысловыми образованиями ценностно-ориентационного характера, и для характеристики воли лица, действия которого носят противо-

правный характер, необходим ответ на главный вопрос – какие цели она «обслуживает»¹¹. В юридической психологии выделяется несколько этапов волевого процесса. К первому этапу относится возникновение побуждения, стремления к достижению определенной цели, которой обычно является совершение преступления. Потом появляются сознание ряда возможностей достижения этой цели и сразу за этим – мотивы, подкрепляющие или опровергающие эти возможности¹². Далее начинаются борьба мотивов и выбор наиболее верного решения, которое соответствовало бы условиям сложившейся обстановки и поставленным целям. Д.А. Керимов помимо мотивов человеческого поведения выделяет также его интересы, которые выступают в качестве «посредника», некоего промежуточного элемента при перерастании мотива в определенную цель. При этом автор концепции указывает: «Если мотивы и интересы лишь побуждают к деятельности, то цель «конструирует» конкретную деятельность, определяя ее характеристику и динамику»¹³. Цель служит не только тем конкретным результатом, который хотел бы получить человек в результате своей деятельности, она также позволяет определить ряд действий, осуществление которых необходимо для ее достижения. Тем не менее о каких бы категориях не шла речь в современной науке при исследовании цели (будь то интерес, потребность и др.), налицо ее взаимодействие с мотивацией поведения человека, в том числе и с мотивацией, имеющей преступный характер.

В философии цель определяется как соответствие явления или процесса какому-то (относительно завершенному) состоянию, материальная или идеальная модель которого представляется в качестве конечного результата¹⁴. Т.А. Казакевич связывает цель со способностью человека предвидеть будущее и конкретные результаты своей деятельности. Помимо этого, цель выражает не только то, что произойдет в будущем, но и указывает, к чему нужно стремиться, что нужно делать, какие средства употребить, чтобы осуществить это желаемое будущее¹⁵. Наиболее точно определяет цель В.П. Тугаринов. Он подчеркивает, что «цель выступает в сознании человека как идеальный, мысленный образ создаваемой ценности»¹⁶. «В лице цели, – писал Гегель, – мы имеем содержание, которое уже известно заранее. Деятельность по реализации цели не слепа, а зряча, потому, что то, что получается в качестве результата, соответствует тому, что было известно и волимо раньше»¹⁷.

В философской литературе высказывается мнение, согласно которому цель всегда выступает в качестве мотива действия¹⁸. Некоторые проявления данной позиции встречаются и в юридической литературе¹⁹. Например, Н.И. Загородников полагает, что «при убийстве часто вырисовывается сходство мотива и цели, так как они формируются под воздействием одних и тех же эмоций»²⁰. Другая группа ученых-юристов выступает против отождествления мотива и цели²¹.

Третьи исследуют мотивы вообще в отрыве от цели, определяя их как психологическое отношение лица к окружающей его объективной действительности²². Определенный интерес в этом отношении представляют данные эмпирического исследования, полученные С.В. Скияровым, в ходе которого было установлено, что анализируемая проблема характерна не только для теории уголовного права, но и для современной правоприменительной деятельности. Так, 21% опрошенных ученых судей под мотивом преступления понимают интерес, 23% — мотив, 14% — чувства, 5% — стимул и т.д. В этой связи, безусловно, следует согласиться с позицией исследователя, согласно которой такой разброс мнений объясняется, прежде всего, отсутствием единого подхода к пониманию мотивов поведения непосредственно в уголовно-правовой теории²³.

Цель и мотив, действительно, весьма сходны между собой, имеют много общего и порой трудно различимы. В то же время неточности при их разграничении недопустимы. Прежде всего, недопустимо, их отождествление между собой, что нередко происходит в юридической литературе, посвященной данной проблематике. Мотив и цель — самостоятельные категории, которые находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Мотивы и цели преступления всегда конкретны и, как правило, формулируются в диспозициях норм Особенной части УК. Например, цель наживы, цель сокрытия другого преступления, цель провокации войны или международных осложнений и т.д.; побуждения корыстные, личной заинтересованности, хулиганские, кровной мести и т.д. Между тем уже сам факт существования в современной уголовно-правовой доктрине большого многообразия самостоятельных, отличных друг от друга классификаций мотивов и целей свидетельствует о необходимости их отграничения друг от друга²⁴. Наличие таких классификаций и их продолжающееся теоретическое обоснование в первую очередь подчеркивают различную правовую природу мотивов и целей преступления, что все больше приобретает не только теоретическое, но и практическое значение.

Мотив как осознанное побуждение для определенного действия, «собственно, и формируется по мере того, как человек учитывает, оценивает, взвешивает обстоятельства, в которых он находится, и осознает цель, которая перед ним встает...»²⁵. «Направляющая функция мотива заключается в постановке человеком цели действия (бездействия) и определении пути ее достижения»²⁶. Цель, таким образом, детерминирует волевое действие, но в свою очередь сама детерминируется побуждениями и мотивами. Сами же мотивы, побуждения в волевом поступке «не действуют непосредственно в виде совершенно слепого импульса, а опосредствованно через осознанную цель»²⁷. Мотив не исчерпывает всего психического содержания волеизъявления. Он непосредственно связан с целью, которая, в конечном счете, и детерминирует протекание волевого процесса. Действие человека постольку мо-

тивированно, поскольку оно целенаправленно²⁸. Мотив и цель, — как заметил еще Н.С. Таганцев, — это коррелятивные понятия²⁹. О мотиве может идти речь только тогда, когда имеется цель и конкретное действие, в котором эта цель получила свое реальное выражение. Мотив всегда обусловлен конкретным содержанием учиненного действия. Мотивы одного преступления, например, разбойного нападения, всегда отличны от мотива другого преступления, например, изнасилования. Таким образом, в действительности оказывается, что различны не только действия, но и те мотивы, которые побуждают человека к совершению этих действий.

Между мотивом и целью, мотивом и действием имеется неразрывная связь. Как только появляется мотив, сразу возникает соответствующая ему цель. Мотив является как бы той почвой, на которой возникает цель. В то же время конкретное содержание мотив получает благодаря представлению лица о цели действия. Мотив вне конкретного поведения не существует. Он имеет смысл в связи с определенным действием, от которого, в конечном счете, и получает свою характеристику³⁰. Мотив есть признак поведения, и определяется он тогда, когда принимается решение действовать, когда четко установлена и сформулирована определенная цель, модель желаемого результата.

Таким образом, содержание и оценка мотива непосредственно зависят от содержания и оценки цели. В то же время, как отмечалось ранее, несмотря на тесную взаимосвязь, мотив и цель являются самостоятельными понятиями, по-разному характеризующими волевой процесс. Различие между мотивом и целью обуславливается тем, что они по-разному выражают все стороны волевого процесса. Мотив отвечает на вопрос, почему человек поступает именно таким образом, а не иным, цель же определяет направленность действий, ближайший результат, к которому человек стремится. Цель указывает на то, что человек сделал, мотив — почему он это сделал. Мотив характеризует общую тенденцию, склонность человека, выявляет наиболее существенные черты его характера. Цель же показывает отношения к данному конкретному случаю и к наступившим последствиям. Она определяет, с каким результатом будет связано действие. В отличие от мотива цель в преступлении характеризует тот непосредственный результат, который стремится достичь виновный, совершая общественно опасное деяние³¹. В ряде случаев, чтобы достигнуть результата, лицо совершает не одно, а несколько действий, порой разрозненных между собой как по времени, так и месту их совершения. Другими словами, наряду с общей целью могут быть промежуточные цели, осуществляемые разными действиями, соответственно с различной мотивацией, лежащей в их основе. Отсутствие четкого разграничения между мотивом и целью преступления может способствовать затруднению решения вопроса о субъективной стороне преступления.

Отождествление таких категорий, как мотив и цель

преступления, неоправданно, прежде всего, с методологической точки зрения. Мы не можем не признавать того факта, что учение о мотиве и цели берет свое начало в психологии и философии, а право, в том числе и уголовное, лишь заимствует уже имеющиеся знания, дополняя их спецификой своей отрасли. В этой связи уравнивание двух категорий, не являющихся единым целым в тех областях науки, где они получили свою базовую разработку и рассматриваются как различные понятия, представляется неприемлемым.

Вместе с тем решение вопроса об отграничении рассматриваемых факультативных признаков лишь на теоретическом уровне является недостаточным. Его правоприменительный аспект сегодня остается до конца не урегулированным, что провоцирует возникновение спорных моментов при квалификации отдельных групп преступлений. В частности, речь необходимо вести о большинстве посягательств на собственность, ряда преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, а также о других общественно опасных деяниях, при конструировании которых законодателем, так или иначе, используются факультативные признаки субъективной стороны. Отсутствие официальной позиции по вопросам содержания мотива и цели преступления, а также относительно критериев, определяющих их самостоятельный статус, свидетельствует лишь о частичной регламентации субъективной стороны преступления в уголовном законодательстве. Факультативные признаки в такой ситуации, несмотря на их способность оказывать весьма существенное влияние на процесс квалификации, зачастую подвергаются оценке и толкованию на правоприменительном уровне, что, безусловно, не может способствовать стабильности следственной и судебной практики. Имея возможность получить из содержания соответствующих норм УК России необходимые признаки, относящиеся к формам и видам вины, правоприменителю приходится самостоятельно искать ответы на вопросы, связанные с понятиями мотива и цели, а также их отграничением друг от друга, исходя из конкретных обстоятельств дела и накопленного ранее практического опыта. В то же время, чем обусловлена такая избирательность законодателя, не совсем понятно. Если при этом учесть тот факт, что в рамках Особой части УК дается понятие другого факультативного признака субъективной стороны преступления – аффекта (ст. 107 УК РФ), то ситуация выглядит весьма парадоксальной. Прослеживается некоторая непоследовательность, бессистемность при формировании законодательного материала применительно к исследуемой проблематике.

Выборочный подход к законодательному определению признаков состава преступления, бесспорно, должен иметь место. Бесспорно также и то, что в уголовном законе не могут содержаться все категории с толкованием их основных признаков, которые оказыва-

ют какое-либо влияние на процесс квалификации. Однако подобное толкование может происходить на уровне постановления Пленума Верховного Суда. В содержании данного нормативного документа вполне возможно выражение официальной позиции не только по поводу определения мотива и цели, а также критериев их разграничения между собой, но и по поводу других вопросов спорного характера, рассмотрение которых пока осуществляется исключительно на теоретическом уровне при их большом практическом значении. Следует отметить, что решение имеющихся проблем подобного рода именно таким образом ранее уже осуществлялось Верховным Судом. Примером тому может послужить постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03. 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям», в котором дается общее определение продолжаемого и длящегося преступления, ранее рассматривавшихся лишь в теории уголовного права³².

По нашему мнению, выражение четкой позиции по вопросу определения мотива и цели преступления в таком нормативном документе, как постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, позволит решить большинство проблем правоприменительного характера, возникающих на сегодняшний день в связи с отсутствием соответствующих разъяснений на официальном уровне. В свою очередь, это обеспечит стабильность следственной и судебной практики в части применения норм уголовного закона, в качестве конструктивных признаков которых используются исследуемые признаки субъективной стороны.

¹ Дагель П. С., Михеев Р.И. Теоретические основы установления вины. – Владивосток, 1975. – С. 79.

² Рагоз А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб., 2003. – С. 139.

³ В теории уголовного права высказывается мнение о том, что мотивы преступного поведения также необходимо рассматривать применительно к преступлениям, совершаемым по неосторожности. См., напр.: *Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1.* – М., 1997. – С. 437. Однако, как представляется, в данном случае происходит «смешение уголовно-правового и криминологического подходов к этим явлениям». Безусловно, мотивационная и целеполагающая деятельность человека присутствует при совершении им того или иного преступления по неосторожности. В то же время какого-либо влияния на процесс квалификации конкретные мотивы и цели оказывать не будут. Их установление необходимо для выяснения причин совершения преступлений определенной группы, например, на производстве, при использовании источников повышенной опасности и др., но все это выходит за рамки уголовного права и, в частности, за рамки процесса квалификации. Сами по себе мотивы и цели в случае совершения неосторожных преступлений не являются преступными. В уголовно-правовом смысле, в таких случаях нас интересуют лишь те последствия, которые наступили в результате выполнения деяния по этим мотивам, для достижения какой-либо цели. Более подробно об этом см.: Рагоз А. И. Указ. соч. – С. 137-139.

⁴ Волков Б. С. Мотивы преступлений. – Казань, 1982. – С. 7.

⁵ Гиляев Ф. Г. Социально-психологические и уго-

ловно-правовые аспекты вины. — Уфа, 1979. — С. 60.

⁶ См.: Фролов И. Т. Проблема целесообразности в свете современной науки. — М., 1971. — С. 15.

⁷ Фролов И. Т. О причинности и целесообразности в живой природе. — М., 1961. — С. 39.

⁸ См.: Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирования личности. — М., 1976. — С. 15.

⁹ См.: Юрчук В. В. Современный словарь по психологии. — Минск, 1998. — С. 735.

¹⁰ См.: Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. — М., 1984. — С. 164.

¹¹ См.: Гальперин П. Я. Введение в психологию. — М., 1976. — С. 96.

¹² См.: Васильев В. Л. Юридическая психология. — СПб., 1997. — С. 70.

¹³ Керимов Д. А. Психология и право // Гос-во и право. — 1992. — № 12. — С. 10-21.

¹⁴ См.: Философский энциклопедический словарь. — М., 1989. — С. 730.

¹⁵ См.: Казакевич Т. А. Целесообразность и цель в общественном развитии // Вестн. Ленингр. ун-та. — 1963. — № 23. — С. 52-63.

¹⁶ Тугарин В. П. Теория ценностей. — Л., 1968. — С. 19.

¹⁷ Гегель Ф. Сочинения. — М., 1929. — Т. 1. — С. 248.

¹⁸ См.: Спиркин А. Происхождение сознания. — М., 1960. — С. 447-448.

¹⁹ См.: Орлов В. Н., Экимов А.И. Цель и норма советского права // Правоведение. — 1968. — № 5. — С. 26.

²⁰ Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. — М., 1961. — С. 122.

²¹ См.: Волков Б. С. Указ. соч. — С. 83-84.

²² См.: Лукашева Е. А. Мотивы и поведение человека в правовой сфере // Сов. гос-во и право. — 1972. — № 8. — С. 24.

²³ См.: Скляр С. В. Вина и мотивы преступного поведения. — СПб., 2004. — С. 62.

²⁴ Проблема классификации мотивов и целей преступле-

ния, начиная с начала XX столетия, во все последующие периоды развития отечественной теории уголовного права поднималась в юридической литературе. Например, в дореволюционной русской литературе М.П. Чубинский делил мотивы на две группы: во-первых, на возвышенные или вообще достойные внимания, а во-вторых, на низменные и достойные порицания. См.: Чубинский М. П. Мотив преступной деятельности, его значение в уголовном праве. — Ярославль, 1909. — С. 113. Л. И. Петражицкий, считая истинными мотивами человеческого поведения его эмоции, подразделял последние в целом на «императивные (побуждения нравственного долга) и императивно-атрибутивные (веление права). См.: Петражицкий Л. И. О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях. — СПб., 1904. В последующем данная тематика послужила предметом для самостоятельных исследований в работах целой плеяды ученых. См., напр.: Харазавили Б. В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. — Тбилиси, 1963; Дагель П. С. Классификация мотивов преступлений и ее криминологическое значение // Некоторые вопросы социологии права. — Иркутск, 1967; Петелин Б. Я. Установление мотива и цели преступления. — М., 1979; Скляр С. В. Указ. соч.; и др.

²⁵ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — М., 1946. — С. 546.

²⁶ Скляр С.В. Указ. соч. — С. 62.

²⁷ Там же. — С. 508.

²⁸ См.: Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. — Казань, 1965. — С. 75.

²⁹ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право : лекции : (Часть Общая). — СПб., 1902. — Т. 1. — С. 593.

³⁰ Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. — С. 77.

³¹ Там же.

³² См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. — М., 1995. — С. 5.

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ И ПРАВО НА ЗАЩИТУ

О.А. Волторнист, преподаватель кафедры уголовного права и процесса Омского юридического института

Презумпция невиновности является «основой, обобщенным выражением тех правовых гарантий, которыми охраняется право обвиняемого на защиту»¹. «Презумпция невиновности» и «право на защиту» — взаимосвязанные и взаимозависимые категории, при этом реализация рассматриваемого принципа немыслима без обеспечения лицу права на защиту, и наоборот. Следовательно, можно предположить, что презумпция невиновности как объективное правовое положение начинает действовать с момента надления конкретного лица правом на защиту.

Следует особо отметить, что по данному вопросу высказался Конституционный Суд РФ, который в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П ука-

зал, что право на защиту возникает у лица с момента начала в отношении него уголовного преследования². Причем под уголовным преследованием было предложено понимать любые меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность лица. Факт уголовного преследования и направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него³. Другими словами, как верно отмечает Ю.В. Деришев, указанная позиция Конституцион-

ного Суда РФ «расширяет» рамки определения «уголовного преследования», приведенного законодателем в п. 55 ст. 5 УПК РФ, допуская в его содержание практически любые ограничения прав лица, еще не получившего правовой статус подозреваемого или обвиняемого, но причастность которого к преступлению устанавливается⁴. Таким образом, начальный момент реализации презумпции невиновности должен быть связан с началом осуществления в отношении лица уголовного преследования. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос об определении момента, с которого фактически начинается уголовное преследование, поскольку именно тогда лицо приобретает право на защиту.

В науке уголовного процесса данный вопрос решается по-разному, но подавляющее большинство ученых-процессуалистов связывает начало действий, направленных на уголовное преследование лица, со стадией предварительного расследования (т.е. с актом о возбуждении уголовного дела). Вместе с тем следует согласиться с выводом авторов вводного комментария к УПК РФ В.Т. Томиным, М.П. Поляковым и А.С. Александровым о том, что уголовное преследование возникает до возбуждения уголовного дела, а оперативно-розыскная деятельность по установлению основания для принятия этого решения должна рассматриваться как уголовное преследование. Об этом, по мнению авторов, красноречиво свидетельствует семантика термина «момент фактического задержания», а также анализ ч. 2 ст. 6 УПК РФ, допускающей отказ от уголовного преследования, формой которого может быть отказ в возбуждении уголовного дела⁵. Данной точки зрения придерживается и Ю.В. Дерисhev, отмечающий, что назначение следственной проверки сообщений о преступлении для большинства правоприменителей во многом определяется поиском судебно-следственной перспективы, «...и, следовательно, нельзя отрицать, что на этом этапе присутствует фактическое и юридическое уголовное преследование «заподозренных» лиц⁶. Отсюда если уголовное преследование может возникать еще до возбуждения уголовного дела, то на лиц, в отношении которых производится предварительная проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, в полной мере распространяется презумпция невиновности, а значит, уже на данном этапе они приобретают право на защиту.

Принимая во внимание правовую позицию Конституционного Суда РФ, а также высказываемое в юридической литературе предложение рассматривать категорию «уголовное преследование» в конституционно-правовом смысле⁷, представляется нецелесообразным ограничиваться при формулировании нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 14 УПК РФ, указанием на подозреваемого или обвиняемого.

Подобным образом урегулирован вопрос о субъектном составе презумпции невиновности в УПК Республики Казахстан. Согласно ч. 1 ст. 19 УПК Республики Казахстан *каждый* считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Однако, несмотря на безусловную прогрессивность такой формулировки, нельзя не отметить некоторую неточность в данной законодательной дефиниции. По справедливому замечанию И. Л. Петрухина: «Формулировка презумпции невиновности имеет в виду не всякого гражданина, а лицо, в отношении которого ведется уголовное дело»⁸. Поэтому представляется более предпочтительным использование грамматических оборотов, характеризующих данное лицо как лицо, невиновность которого ставится под сомнение.

Таким образом, проведенное исследование вопросов субъектного состава презумпции невиновности с использованием сравнительно-правового метода позволило выявить несовершенство законодательной конструкции нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 14 УПК РФ.

Предлагаем изложить ч. 1 ст. 14 УПК РФ в следующей редакции:

«1. Лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Актуальным в этой связи является и вопрос о прекращении действия презумпции невиновности, т.е. о том, в какой момент данная презумпция может считаться опровергнутой. В юридической литературе встречается мнение, что поскольку требование достоверного установления виновности обвиняемого распространяется не только на приговор, но и на обвинительное заключение, то презумпция невиновности прекращает свое действие, или, по выражению Н.Н. Полянского, «умолкает», как только орган расследования убеждается в том, что он собрал достаточно доказательств виновности обвиняемого⁹. По мнению В.Д. Арсеньева, «достоверное установление виновности осуществляется уже в момент привлечения лица в качестве обвиняемого, и, как следствие этого, презумпция невиновности для него уже не действует»¹⁰. Указанные суждения позволили некоторым авторам прийти к выводу о том, что презумпция невиновности – это не объективное правовое положение, а лишь метод исследования или логический прием, последовательно применяемый сначала следователем, а потом судом¹¹. Однако с подобными выводами согласиться нельзя. Действительно, орган

предварительного расследования при составлении итогового документа должен быть внутренне убежден в виновности обвиняемого. Но такая убежденность не прекращает действие презумпции невиновности, поскольку в противном случае, как верно отмечает И.Л. Петрухин, законодатель не стал бы вводить судебные стадии процесса. «Предъявляя к предварительному следствию самые высокие требования, — пишет автор, — законодатель все же исходит из того, что для достоверного установления всех обстоятельств уголовного дела и признания обвиняемого виновным необходимо судебное разбирательство, заканчивающееся вынесением приговора»¹².

Презумпция невиновности требует, чтобы выводы следователя (дознателя) относительно виновности обвиняемого, изложенные в обвинительном заключении (обвинительном акте), *были подвергнуты критической проверке и оценке в судебном разбирательстве*, хотя мнение органов предварительного расследования не является обязательным для суда. В этом и состоит объективный характер презумпции невиновности, когда субъективная убежденность следователя (дознателя), основанная на совокупности собранных по делу доказательств, не прекращает действие рассматриваемого принципа, а лишь создает предпосылки для проведения судебного разбирательства, в ходе которого продолжится познавательный процесс, направленный на установление объективной истины. Внутреннее убеждение соответствующего должностного лица, сформированное на основе собранных по делу доказательств, делает возможным принятие обоснованных и мотивированных процессуальных решений (о привлечении в качестве обвиняемого, о составлении обвинительного заключения (обвинительного акта), о вынесении приговора).

Смысл презумпции невиновности в контексте соотношения досудебного и судебного производства не в том, что лицо, привлеченное к уголовной ответственности, является невиновным, а в том, что *выводу о виновности должно предшествовать расследование и судебное рассмотрение уголовного дела со всеми присущими им гарантиями, и этот установленный законом порядок не может быть изменен по усмотрению следователя, прокурора и суда, хотя бы они собрали неоспоримые, с их точки, доказательства виновности обвиняемого*¹³. Показательной в этой связи является позиция Европейского суда по правам человека, смысл которой сводится к тому, что предварительное расследование по объему гарантий прав личности отличается от судебной процедуры, установленной ст. 6 Конвенции о защите прав человека¹⁴, поэтому лицо может быть признано виновным только в судебном порядке со всеми вытекающими уголовно-правовыми последствиями.

Истина по уголовному делу *de facto* может быть установлена еще в стадии предварительного расследования, но *de jure* вывод о виновности (невиновности) лица формулируется исключительно в приговоре суда. После вступления приговора в законную силу презумпция невиновности уступает место презумпции истинности приговора.

Исследуя действие презумпции невиновности в досудебном производстве, нельзя обойти стороной вопрос о прекращении уголовного дела на стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям. Дискуссия по данному поводу в юридической литературе несколько приутихла после постановления Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П, которым норма, предписывающая возможность прекращать уголовное дело органами предварительного расследования, была признана не противоречащей Конституции РФ. При этом Конституционный Суд РФ пояснил, что «решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, в каком это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации»¹⁵.

Более того, как отмечает М.К. Нуркаева, практика Европейского суда по правам человека предусматривает возможность прекращения дела обвинением на предварительном расследовании по малозначительным преступлениям в случае, если лицо отказывается от своего права на судебную защиту, либо по иным основаниям, когда органы расследования не считают возможным передачу дела в суд, однако сам факт прекращения дела не должен влечь для лица каких-либо последствий, косвенно указывающих на его вину¹⁶. В этом отношении весьма показательным делом «Минелли против Швейцарии», по которому Европейский суд по правам человека впервые признал нарушение п. 2 ст. 6 Конвенции прав человека и основных свобод тем, что при прекращении дела в связи с истечением срока давности судом на обвиняемого была возложена основная часть издержек и часть расходов частных обвинителей. Европейский суд справедливо оценил возложенные расходы как наказание и, признав нарушение права считаться невиновным, пояснил: «Пункт 2 ст. 6 (Конвенции прав человека и основных свобод. — авт.) охватывает весь процесс уголовного судопроизводства, независимо от исхода обвинения, а не только рассмотрение по существу обвинения»¹⁷.

Таким образом, следует признать, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования *не противоречит презумпции невиновности, поскольку не связывается с возможностью наступления уголовно-правовых последствий, а*

влечет за собой лишь уголовно-процессуальные последствия.

Важнейшей частью презумпции невиновности является правило о распределении бремени доказывания. Согласно ч. 2 ст. 14 УПК РФ бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. А.С. Александров называет это *общим* бременем доказывания, которое ложится на орган уголовного преследования, когда он возбуждает уголовное дело, и служит процессуальным средством обоснования права на уголовный иск¹⁸. Вместе с тем ч. 4 ст. 235 УПК РФ предусматривает *специальное* бремя доказывания, которое лежит на стороне, «делающей утверждение в свою пользу»¹⁹. Однако, согласно данной норме при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований УПК РФ, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре. Это законодательное положение представляется абсолютно справедливым в первую очередь в силу того, что обвинитель обязан обосновывать обвинение только допустимыми доказательствами.

Действие презумпции невиновности на судебных стадиях, в частности, на стадии подготовки к судебному заседанию, стало объектом внимания Конституционного Суда РФ. Так, часть 6 ст. 234 УПК РФ в первоначальной редакции закрепляла правило, по которому ходатайство стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого подлежало удовлетворению только в том случае, если оно заявлялось в ходе предварительного расследования и было отклонено органом уголовного преследования. Конституционный Суд в постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П признал данную норму не соответствующей Конституции РФ, разъяснив, что, понуждая обвиняемого ходатайствовать о вызове свидетеля для подтверждения алиби в период предварительного расследования, она (норма. — авт.) фактически вводит процессуальную санкцию за использование конституционного права не доказывать свою невиновность²⁰. Более того, экспертируемая норма при обозначенных условиях ограничивала обвиняемого в возможности отстаивать в ходе судебного разбирательства свою позицию по уголовному делу, чем прямо нарушала право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, в том числе в суде. Значит, первоначальная редакция ч. 6 ст. 234 УПК РФ *нарушала, во-первых, конституционное право лица на защиту, а во-вторых, служила ощутимым препятствием на пути реализации положений презумпции невиновности как в досудебном, так и в судебном производстве.*

Таким образом, можно сформулировать следующие основные выводы, связанные с пределами действия презумпции невиновности:

1) презумпция невиновности как объективное правовое положение начинает действовать с момента начала осуществления в отношении лица мер, предпринимаемых в целях его изобличения или свидетельствующих о наличии подозрений против него, в том числе до возбуждения уголовного дела;

2) презумпция невиновности как объективное правовое положение должна быть сформулирована так, чтобы ее законодательная дефиниция подчеркивала распространение данного принципа на каждое лицо, в отношении которого фактически осуществляется уголовное преследование;

3) презумпция невиновности, будучи объективным правовым положением, не опровергается дознавателем, следователем, прокурором при составлении и утверждении обвинительного заключения (обвинительного акта). Смысл презумпции невиновности в контексте соотношения досудебного и судебного производства состоит в том, что выводу о виновности должно предшествовать расследование и судебное рассмотрение уголовного дела со всеми присущими им гарантиями, и этот установленный законом порядок не может быть изменен по усмотрению следователя, прокурора и суда, хотя бы они собрали неоспоримые, с их точки, доказательства виновности обвиняемого. Презумпция невиновности требует судебного контроля над обвинительными выводами следователя;

4) органы уголовного преследования применяют меры принуждения и оформляют процессуальные решения не потому, что виновность лица установлена, но исключительно в целях обеспечения нормального хода дальнейшего расследования и судебного разбирательства.

¹ Дрягин М. А. Значение и содержание презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве / М. А. Дрягин // Уголовное досудебное производство: проблемы теории и практики : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (6 октября 2004 г.). — Омск: Омский юрид. ин-т, 2004. — С. 141.

² См.: По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постанов. Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 27. — Ст. 2882.

³ Там же.

⁴ См.: Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России : монография / Ю. В. Деришев. — Омск: Омская академия МВД России, 2004. — С. 36.

⁵ См.: Томин В. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Вводный / В. Т. Томин, М. П. Поляков, А. С. Александров. — М., 2002. — С. 38.

⁶ Деришев Ю. В. Указ. соч. — С. 41.

⁷ Указанной позиции относительно сущности уголовного преследования придерживаются, например, Д. М. Сафронов (см.: *Обстоятельства, исключющие уголовное преследование*: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2003. – С. 20), Н. П. Ефремова (см.: *Отказ в уголовном преследовании // Досудебное производство: (Актуальные вопросы теории и практики)* : материалы науч.-практ. конф. – Омск, 2002. – С. 53).

⁸ Петрухин И. Л. Презумпции в доказывании // *Теория доказательств в советском уголовном процессе* : (Часть обшая). – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 439.

⁹ См.: Полянский Н. Н. *Вопросы теории советского уголовного процесса* / Н. Н. Полянский. – М., 1956. – С. 187.

¹⁰ Арсеньев В. Д. К вопросу о презумпции невиновности в свете новой Конституции СССР / В. Д. Арсеньев // *Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью*. – Томск, 1979. – С. 55.

¹¹ Обоснование подобной точки зрения содержится, например, в следующих работах: Якуб М. Л. *Демократические основы советского уголовно-процессуального права* / М. Л. Якуб. – М., 1960. – С. 114; Трусов А. И. *Основы теории судебных доказательств* / А. И. Трусов. – М., 1960. – С. 154; Полянский Н. Н. *Указ. соч.* / Н. Н. Полянский. – М., 1956. – С. 187.

¹² Петрухин И. Л. *Указ. соч.* – С. 443.

¹³ См.: Петрухин И. Л. *Указ. соч.* – С. 446.

¹⁴ См.: *Европейский суд по правам человека*. Избранные решения : в 2 т. – М., 2000. – Т. 2. – С. 545.

¹⁵ *По делу о проверке конституционности ст. 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гр-на О.В. Сушкова* : постанов. Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П // *Вестник Конституционного Суда Российской Федерации*. – 1996. – № 5.

¹⁶ См.: Нуркаева М. К. Презумпция невиновности по УПК РФ в свете международных стандартов уголовного судопроизводства / М. К. Нуркаева // *Актуальные вопросы уголовного процесса современной России* : межвуз. сб. науч. тр. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – С. 57.

¹⁷ Гомьен Д. *Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика* / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. – М., 1998. – С. 236.

¹⁸ См.: Александров А. С. *Принципы уголовного судопроизводства* / А. С. Александров // *Правоведение*. – 2003. – № 5. – С. 172.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *По делу о проверке конституционности отдельных положений ст.ст. 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постанов. Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П* // *Вестник Конституционного Суда РФ*. – 2004. – № 4.

О ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЭВТАНАЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.Л. Зеленская, преподаватель кафедры гражданского права Омского юридического института

Термин «эвтаназия» происходит от греческого «eu» – хороший и «thanatos» – смерть. Известны различные определения эвтаназии как законодательные, так и научные. Как правило, под эвтаназией понимают преднамеренную деятельность медицинского работника, которая направлена на прекращение страданий неизлечимо больного пациента (своевременно и объективно осведомленного о результате этой деятельности) на основании осознанной и устойчивой просьбы последнего либо его законных представителей, если сам пациент не в состоянии выразить свою волю.

Существуют диаметрально противоположные позиции сторонников¹ и противников² эвтаназии. Но все они признают комплексный характер этого явления, выделяя юридический, биолого-медицинский, религиозный, морально-этический и иные аспекты.

Особого внимания заслуживает именно правовой аспект, учитывая существующее мнение, что сейчас эвтаназию поддерживает до 80% населения разных стран³.

На наш взгляд, следует говорить о возможнос-

ти легализации эвтаназии в России только по достижении четкой определенности в отношении следующих проблемных вопросов: имеет ли право больной человек распорядиться своей жизнью, если болезнь неизлечима и причиняет страдания; как практически будут сочетаться традиционная врачебная этика и готовность конкретного медицинского работника применить эвтаназию; как избежать злоупотреблений, особенно в отношении несовершеннолетних и недееспособных лиц, со стороны медицинских работников, законных представителей, иных органов, которые будут принимать соответствующее решение?

Рассмотрим современную правовую регламентацию вопросов, касающихся применения эвтаназии. Можно привести ряд международных правовых актов, которые декларируют запрет на преднамеренное лишение жизни, следовательно, имеют отношение к проблеме эвтаназии: Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 3)⁴, Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ст. 2)⁵, Между-

народный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (ст. 6)⁶ и др.

Большое внимание проблеме эвтаназии уделяется в этических актах Всемирной медицинской ассоциации (далее – ВМА). В 1983 г. была принята Венецианская декларация «о терминальном состоянии», которая допускала, что «врач может облегчить страдания неизлечимо больного путем воздержания от лечения с согласия пациента или его родственников, если пациент не в состоянии выразить свою волю. Воздержание от лечения не освобождает врача от обязанности помогать умирающему человеку и давать необходимые медикаменты для облегчения заключительной фазы его болезни»⁷. Мадридская декларация 1987 г. определила: «Эвтаназия, то есть акт преднамеренного прерывания жизни пациента, даже сделанная по просьбе самого пациента или по просьбе его близких родственников, является неэтичной. Это не освобождает врача от принятия во внимание желания пациента, чтобы естественные процессы умирания шли своим ходом в завершающей стадии заболевания»⁸. Таким образом, ВМА допускает возможность применения пассивной эвтаназии, которая предполагает отказ от проведения или прекращение медицинских манипуляций по спасению жизни безнадежного пациента.

Обратимся к действующему российскому законодательству. Статья 20 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право на жизнь». Многие сторонники эвтаназии считают, что из этого логически следует и юридическое закрепление «права на смерть», т.е. человек вправе самостоятельно решить, как распорядиться собственной жизнью, в том числе принять решение о сроке и способе ухода из нее. М.Н. Малеина пишет: «Право на жизнь имеет несколько аспектов, в том числе на сохранение жизни (индивидуальности) и право на распоряжение жизнью»⁹. Но вспомним, традиционно в России осуждалась и церковью и государством такая форма распоряжения собственной жизнью, как самоубийство. Более того, до революции самоубийство рассматривалось как уголовное преступление¹⁰.

Право на жизнь, с точки зрения гражданского права, относится к личным неимущественным правам, реализация которых неотделима от личности их обладателя (ст. 150 ГК РФ¹¹). Акт распоряжения собственной жизнью представляет самостоятельное действие либо бездействие индивидуума. Эвтаназия же, как известно, предполагает обязательное участие медицинского работника и, следовательно, не может рассматриваться как правомочие распоряжения пациента своей жизнью.

Статья 45 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (далее – Основы)¹² от 22 июля 1993 г. дает определение и устанавливает прямой запрет на осуществление эвтаназии: «Медицинскому персоналу запрещается осу-

ществление эвтаназии – удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни». Таким образом, основой эвтаназии обязательно является добрая воля пациента. В соответствии с положениями ст. 22 ГК РФ полный или частичный отказ гражданина от правоспособности или дееспособности и другие сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, ничтожны, за исключением случаев, когда такие сделки допускаются законом. Следовательно, в соответствии со ст. 45 Основ эвтаназия к таким случаям не относится.

Кроме того, лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность (ч. 2 ст. 45 Основ), а не гражданско-правовую.

Среди сторонников эвтаназии бытует мнение, что здесь налицо право на «достойную смерть». Достоинство – это совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе, внутренняя самооценка. «Таким образом, право на достойную смерть означает право на смерть, соответствующее внутренним качествам пациента и его самооценке. Однако каким образом определить критерий такого соответствия? За рубежом в качестве подобного критерия рассматривают отсутствие у безнадежно больных пациентов «лишних страданий», что обуславливает не только создание для умирающего «комфортной» благоустроенной обстановки, но и обеспечение ему выбора средств «безболезненной» смерти. Очевиден прагматизм такого критерия, исключающий учет субъективных интересов личности в процессе умирания»¹³.

Безнадежно больной может испытывать давление со стороны медицинского персонала или членов семьи, может быть поставлен в ущемляющие достоинство условия. После принятия в Голландии закона о легализации эвтаназии представители духовенства были крайне встревожены. «Смысл закона таков: ценность и достоинство человеческого существа теперь связывается не с фактом жизни, а с тем, что называют «качеством жизни»»¹⁴.

Общеизвестно, что качество жизни в современной России далеко от идеала даже для здоровых людей. Истинная цель медицины состоит в оказании помощи нуждающимся и облегчении страданий умирающих, невзирая на экономическую целесообразность. Особенно остро стоит проблема поддержания жизни больных с врожденными дефектами, которые несовместимы с полноценной жизнью. По мнению Е. Слейтер, «дети с врожденными дефектами – ошибка природы. Кто пострадает, если такой ребенок умрет сразу после рождения? Сам ребенок? Нет. Родители? Тоже нет. Общество? Смерть ничего не стоит, а жизнь стоит не только де-

нег, но и расходовании ценных медицинских, социальных и образовательных затрат»¹⁵. Законное «право на достойную смерть» может привести к реальной угрозе для малоимущих пациентов, у которых недостаточно средств для получения полноценной pallиативной помощи, заключающейся не только в качественном обезболивании и уходе, но и в социальной и психологической поддержке.

К сожалению, среди некоторых медиков и общественных деятелей бытует противоположное мнение. Например, «губернатор штата Колорадо Р. Лэмм, предлагая способ борьбы с растущей бедностью, сказал: «Долг престарелых США заключается в том, чтобы умереть. Не следует расходовать средства на закупку реанимационной аппаратуры, т. к. они превратились из чудес науки в кандалы, задерживая естественный процесс смерти». Член-корреспондент Академии медицинских наук, ведущий детский хирург профессор С. Я. Долецкий в «Комсомольской правде» (1992, 27 марта) пишет, что человек отличается от животного разумом и моралью. Если нет того и другого у больного или новорожденного с полностью атрофированным мозгом, то это не люди, а существа, к которым следует применить активную эвтаназию»¹⁶.

Определимся с моделью применения эвтаназии, элементы которой предлагают большинство ее сторонников. Вот основные составляющие: 1) пассивная добровольная эвтаназия допустима в отношении дееспособного вменяемого неизлечимо больного пациента, который испытывает сильные страдания, неустранимые известными способами (некоторые считают возможным предоставить право на эвтаназию пациентам, заболевание которых, хотя и не смертельно, но со временем приведет к «деградации личности»); 2) неизлечимость болезни устанавливает консилиум врачей; 3) эвтаназии предшествует просьба пациента (которая должна быть устойчивой и осознанной, письменно оформлена и нотариально заверена), высказанная после получения информации о характере заболевания и последствиях применения эвтаназии. В некоторых штатах США применяют эвтаназию к невменяемым людям, которые ранее, находясь в состоянии вменяемости, составили «прижизненное завещание» или подписали «отказ от реанимации»; 4) санкционирует эвтаназию тот же консилиум (с указанием способа эвтаназии в медицинской документации), прокуратура или суд. Только несоблюдение этих правил позволяет, по мнению сторонников эвтаназии, рассматривать этот акт как уголовно наказуемое деяние.

Большие опасения вызывает положение, которое касается определения категории безнадежных больных, так как именно этот критерий определяет все последующие действия. Во-первых, известно немало случаев ошибочных диагнозов. Во-вторых, нельзя не учитывать стремительное развитие медицинских

технологий, например, успехи в сердечно-сосудистой хирургии, особенно в лечении врожденных пороков сердца; в неврологии и нейрохирургии; в педиатрии, особенно в неонатологии и т.д. В-третьих, появляется возможность для злоупотреблений со стороны недобросовестных медицинских работников. Известно, что в странах, легализовавших эвтаназию, возникла проблема «хорошо задокументированных загадочных смертей»¹⁷. В-четвертых, остается нерешенным вопрос о субъекте, который будет непосредственно осуществлять эвтаназию в случае ее легализации. Среди сторонников эвтаназии, пожалуй, только М.Н. Малейна предлагает: «Следует продумать вопрос, кто осуществляет меры по эвтаназии. Заслуживает внимания предложение, что такие меры будут принимать не сами врачи, а другие лица»¹⁸. Для большинства же сторонников эвтаназии личность непосредственного «исполнителя» не вызывает сомнений. А следовало бы поинтересоваться мнением врачей, воспитанных на принципах Гиппократа и давших Клятву врача в соответствии со ст. 60 Основ «...проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к эвтаназии».

Известны следующие статистические данные: на вопрос «Смогли бы Вы собственноручно прекратить жизнь страдающего и безнадежного больного?» 18,5% врачей ответили «да», 54,1% – «нет» и 27,4% – затруднились с ответом. Таким образом, соотношение лично готовых к осуществлению эвтаназии к числу неспособных осуществить ее составило среди врачей 1:2,9. В то же время четко прослеживается динамика с возрастом: подобное соотношение в возрасте до 29 лет составило 1:2; в группе врачей 30-39 лет – 1:4,2; 40-49 – 1:4,3; 50 лет и старше – 1:4,4»¹⁹. Таким образом, единства взглядов на проблему эвтаназии среди медицинской общественности нет. Легализация эвтаназии в настоящее время идет вразрез с профессиональным долгом врача, его моральными принципами. На наш взгляд, подобный факт нельзя не учитывать. К тому же ни одна религия не одобряет «убийство из сострадания». В этой связи интересно мнение Заслуженного врача РФ, профессора Ф.В. Кондратьева: «Просьбы умирающего больного с безнадежным, казалось бы, прогнозом на излечение освободить его от мучений путем умерщвления для православного врача не могут быть предметом этических размышлений уже хотя бы потому, что они абсолютно не совместимы с христианской этикой, ответственностью врача перед Богом за свой долг – быть врачом-атомом, а не убийцей. Что касается отношения врача-атеиста к эвтаназии, то это вопрос его совести и правопослушности. В случае принятия закона, разрешающего эвтаназию, врач-христианин, принципиально осуждая эвтаназию, препятствуя, елико возможно, ее реализации врачом-атеистом, но, видя «благие» намерения последнего, должен предпринять усерд-

ные попытки уговорить больного отказаться от своей греховной просьбы и облегчить его страдания всеми другими доступными способами»²⁰.

Вызывает сомнение правомерность утверждения о возможности уже сейчас легально использовать пассивную эвтаназию в России на основании ст. 33 Основ, которая предусматривает право гражданина или его законного представителя на отказ от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения. Во-первых, ст. 45 Основ устанавливает запрет на эвтаназию, и недопустимо пытаться противоположно трактовать разные статьи одного и того же закона, аналогия здесь не применима. Во-вторых, ст. 33 Основ адресована к неопределенному кругу пациентов, а не только к неизлечимо больным. Отказываясь от медицинского вмешательства, пациент не преследует цель прекратить собственную жизнь, не высказывает соответствующей просьбы лечащему врачу. В-третьих, ст. 33 Основ ущемляет права несовершеннолетних в возрасте до 15 лет и недееспособных пациентов: «...согласно ст. 28 ГК РФ родители (законные представители) несовершеннолетних совершают юридически значимые действия от имени и в интересах несовершеннолетних в возрасте до 14 лет. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет совершают такие действия с согласия своих родителей (законных представителей) (ст. 26 ГК РФ). Таким образом, положение ст. 33 Основ в части предоставления родителям (законным представителям) исключительного права на отказ от медицинской помощи несовершеннолетним в возрасте от 14 до 15 лет противоречит ст. 26 ГК РФ, по смыслу которой несовершеннолетние, достигшие 14-летнего возраста, участвуют в решении вопроса об отказе от медицинского вмешательства»²¹. Некоторые сторонники эвтаназии²² предлагают дополнить модель легализации следующими положениями: решение об эвтаназии несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет может быть отложено до достижения больным 18-летнего возраста; решение об эвтаназии несовершеннолетнего в возрасте до 14 лет и его родителей юридической силы не имеет.

Итак, эвтаназия законодательно запрещена в Российской Федерации. Нужно ли в современных условиях преодолевать этот запрет? На наш взгляд, в обществе доминируют этические, правовые и религиозные позиции, не допускающие применение даже пассивной эвтаназии. Более того, высказываются мнения по дополнению действующего Уголовного кодекса специальной статьей, устанавливающей ответственность именно за применение эвтаназии. Отметим, что серьезно и повсеместно взгляды и юристов и медицинских работников на эту проблему не изучались.

О легализации активной эвтаназии не может быть и речи. Если принять закон о легализации пас-

сивной эвтаназии, возможно возникновение ситуации, когда врач, наделенный соответствующими полномочиями, проинформирует пациента о характере болезни, а затем и членов его семьи таким образом, что непременно получит согласие на эвтаназию. При этом нет необходимости убеждать пациента продолжить лечение, настраивать его на борьбу за жизнь. Как в таких случаях доказать, что медицинский работник пренебрег своей этико-деонтологической ответственностью, от которой закон не может его освободить ни при каких обстоятельствах? Возникнет угроза потери доверия к медицинским работникам со стороны пациентов и членов их семей.

Одним из основных критериев возможности применения эвтаназии предполагается добровольное волеизъявление пациента. Но в состоянии болезни пациент часто находится в депрессивном состоянии, в том числе в связи с давлением на него родственников и (или) лечащего врача, которые побуждают его подписать «прижизненное завещание», часто руководствуясь далеко не милосердными мотивами. «Право на смерть» в существующих социальных и экономических условиях России может обернуться угрозой для жизни пациентов, на лечение которых выделяется недостаточно средств. Приведем еще одно высказывание Ф.В. Кондратьева: «Вместо того чтобы предлагать больному различные варианты легкой смерти, врач должен хорошо представить себе то колоссальное поле возможностей, существующих для помощи и утешения больного. Каждый больной хорошо знает, что он в мире – песчинка, но вместе с тем его страдания кажутся ему Вселенной. Вокруг каждого больного необходимо создать особый микроклимат любви, ласки, участия, сочувствия, задумываться над любым шансом оказать больному помощь. Я лечил своего покойного учителя от злокачественной саркомы с метастазами. Мы ежедневно вводили ему морфий под видом глюкозы с витамином С. Он провел 6 месяцев в полном неведении зла, читал больным лекции, книги, пока не скончался. Все упреки в том, что я сделал его морфинистом, кажутся мне смехотворными»²³.

Альтернативой эвтаназии должны стать хосписы (о лат. «hospes» – гость). Именно в хосписах разработаны принципы паллиативной медицины: смерть – это естественный процесс, если пациента нельзя вылечить, это не значит, что для него ничего нельзя сделать; не ускорять и не замедлять смерть; обеспечивать облегчение симптомов, приносящих страдания; обеспечивать пациенту активную жизнь до самого конца; психологическая поддержка членов семьи умирающего и др.

Вопрос о легализации эвтаназии является актуальным и, несомненно, требует дальнейшего детального изучения. На наш взгляд, приоритетной

должна быть позиция, направленная на развитие такой сферы здравоохранения, как оказание паллиативной помощи нуждающимся пациентам, развитие сети хосписов европейского типа.

¹ См., напр.: Бакунин С. Н. Право на жизнь и возможность применения эвтаназии (фрагменты историко-правового исследования) / С. Н. Бакунин // История государства и права. – 2006. – № 1. – С. 21-23; Малейна М. Н. О праве на жизнь / М. Н. Малейна // Сов. гос-во и право. – 1992. – № 2. – С. 50-59; Дмитриев Ю. А. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии / Ю. А. Дмитриев, Е. В. Шевелева // Гос-во и право. – 2000. – № 11. – С. 52-59; и др.

² См., напр.: Щепин О. П. Медицина и общество / О. П. Щепин, Г. И. Царегородцев, В. Г. Ерохин. – М.: Медицина, 1983. – 412 с.; Капинус О. С. Легкая смерть или спасение души? Теология и проблемы эвтаназии / О. С. Капинус // Закон. – 2005. – № 6. – С. 106-113; Романова М. А. Социально-правовые аспекты эвтаназии / М. А. Романова // Социальное и пенсионное право. – 2006. – № 1. – С. 2-4; и др.

³ См.: Акопов В. И. Медицинское право / В. И. Акопов. – М., 2004. – С. 181.

⁴ См.: Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1998. – 10 дек.

⁵ См.: Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

⁶ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17 (1831).

⁷ Медицина и права человека. – М.: Медицина, 1992. – С. 105.

⁸ Там же.

⁹ Малейна М. Н. Указ. соч. – С. 50.

¹⁰ Глава 2 Раздела 10 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. устанавливала уголовную ответственность за самоубийство. См.: Российское законодательство X-XX вв. – М., 1988. – Т.4. – С. 383.

¹¹ См.: Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

¹² См.: Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1318.

¹³ Чернега К. А. Правовые проблемы эвтаназии в России / К. А. Чернега // Гражданин и право. – 2003. – № 1.

¹⁴ Эвтаназия и человеческое достоинство. Сборник документов, принятых на конференции католических епископов Голландии 20 апреля 2002 г. Нидерланды, Зенит / в переводе А. Трунова. – 2002. – С. 45.

¹⁵ Щепин О. П. Медицина и общество / О. П. Щепин. – М., 1983. – С. 294.

¹⁶ Азизов Д. Взгляд на эвтаназию в свете основ социальной концепции Русской православной церкви / Д. Азизов // Медицинское право. – 2003. – № 4. – С. 15.

¹⁷ Врачи не должны убивать. Биоэтика: принципы, правила, проблемы / У. Гейлин [и др.]. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 283 с.

¹⁸ Малейна М. Н. Указ. соч. С. 59.

¹⁹ См.: Карп Л. Л. Проблема эвтаназии: «за» и «против» / Л. Л. Карп, Т. Б. Потапчук // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 137.

²⁰ Симонов А. По материалам: Эвтаназия: умереть нельзя жить / А. Симонов // Юридический мир. – 2005. – №3. – С. 37.

²¹ Чернега К. А. Указ. соч. – С. 87.

²² См., напр.: Дубинин О. А. Правовые проблемы эвтаназии в России / О. А. Дубинин // Социальное и пенсионное право. – 2006. – № 2. – С. 6.

²³ Симонов А. Указ. соч. – С. 38.

О ПОНЯТИИ «ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА»

Н.А. Иванов, старший преподаватель кафедры правовой информатики Омского юридического института, кандидат юридических наук

Потребность в исследовании информации, зафиксированной на компьютерных машинных носителях, обусловленная возрастающим объемом запросов сотрудников правоохранительных органов при расследовании различных видов преступлений, привела к созданию в середине 80-х гг. прошлого столетия специализированных экспертных лабораторий, организованных в ФБР и других государственных учреждениях США. В России судебно-экспертные учреждения к исследованию средств компьютерной техники и информации на машинных носителях на постоянной основе приступили только в конце 90-х гг.

Поскольку первоначально речь шла только об информации, созданной с помощью аппаратных и программных средств компьютерной техники, то

она получила название «компьютерных доказательств» (computer evidence). В 1995 г. по инициативе правительственных правоохранительных организаций США, Канады и нескольких европейских стран была создана Международная организация по компьютерным доказательствам (International Organization on Computer Evidence).

Информация, вводимая, обрабатываемая и хранящаяся в устройствах памяти средств компьютерной и иной микропроцессорной техники или передаваемая по каким-либо каналам связи, зафиксирована, представлена в виде дискретных сигналов, т.е. сигналов, имеющих конечное число значений. В средствах цифровой техники в подавляющем большинстве случаев используются сигналы только двух уровней. Поэтому информацию, пред-

ставленную двумя уровнями дискретных сигналов, стали называть бинарной (двоичной). Наличие сигнала с определенными характеристиками стали считать за цифру «1», а сигнал другого уровня – за цифру «0». Соответственно информация, хранимая на машинных носителях, обрабатываемая средствами компьютерной и иной микропроцессорной техники и передаваемая по каким-либо линиям связи, получила условное название «цифровой информации». Данное определение стало общепризнанным, и сегодня под ней никто не подразумевает запись, исполненную цифрами арабской, римской или иной системы исчислений.

С конца 80-х г. XX в. стали активно разрабатываться и иные технические средства, реализованные на аппаратных и программных средствах микропроцессорной техники, которые по существующей классификации не могли быть отнесены к такой товарной группе, как компьютеры. Сюда мы относим электронные записные книжки, цифровые фотоаппараты, диктофоны и видеокамеры с цифровой системой записи, средства мобильной связи, кассовые и игровые аппараты и иные технические средства, в которых информация создается, обрабатывается, передается и хранится в цифровой форме. Вся эта совокупность была объединена единым названием – «цифровая техника». Поэтому естественно, что от чисто компьютерных доказательств зарубежные ученые и практики перешли к наиболее общей группе, получившей название «цифровых доказательств» (digital evidence).

С начала 90-х гг. в США стали создаваться специальные технические группы по цифровым доказательствам (Technical Working Group on Digital Evidence (TWGDE)), которые затем были преобразованы в единую Scientific Working Group on Digital Evidence (SWGDE). SWGDE было предложено под термином «цифровые доказательства» понимать любую информацию доказательного значения, которая зафиксирована или передана в бинарной форме («Digital Evidence is any information of probative value that is either stored or transmitted in a binary form»). Позднее слово «бинарной» было заменено словом «цифровой», поскольку стали использоваться многоуровневые системы дискретизации хранения и передачи информации, создаваемой с помощью средств цифровой техники.

Теоретически, на первый взгляд, можно бы связать понятие «цифровые доказательства» с такими группами доказательств, как «вещественные доказательства» или «иные документы», которые, например, определены ст. 74 УПК РФ. Машинный носитель (дискета или компакт-диск), на котором

записана компьютерная программа, будет вещественным доказательством, но саму программу нельзя отнести к вещественным доказательствам. Исследование компьютерной программы может производиться вне зависимости от того, на каком машинном носителе она записана. Т.е. объектом исследования является не машинный носитель, а непосредственно информация, записанная на нем, которая может иметь неограниченное количество абсолютно идентичных (аутентичных) копий.

Автор полагает целесообразным выделение в российском процессуальном (и не только в уголовном) законодательстве особой группы доказательств, называемой *«цифровые доказательства»*, под которыми будет пониматься *«любая информация, представленная в виде дискретных сигналов и зафиксированная на машинных носителях, содержание которой устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному (гражданскому, арбитражному) делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для предварительного расследования или судебного разбирательства уголовного (гражданского, арбитражного) дела»*.

Подобное выделение особой и сугубо специфической группы доказательств позволит:

– устранить такую «нелогичность» действующей редакции УПК РФ, в котором глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» посвящена не существующей группе доказательств;

– использовать в качестве доказательств не только документную информацию (текст, изображение или их сочетание), содержащуюся в созданном пользователем средств компьютерной техники файле, но и его служебную информацию, в которой зафиксирована, например, информация о дате создания или последнего изменения файла, дате его последнего вывода на печать, «имени компьютера», на котором он был создан, и т.п.;

– использовать в качестве доказательств не только электронные документы, подписанные электронной цифровой подписью (ЭЦП), но и саму ЭЦП;

– придать доказательственное значение иной информации на машинном носителе, в которой, например, зафиксированы сведения о работе пользователя на компьютере с какими-либо программами или файлами (так называемые файлы-истории (log-file)) или сведения, зафиксированные в удаленных (стертых) пользователем файлах либо их восстановленных фрагментах.

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И КВАЛИФИКАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОПТИМАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ СМЕЖНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

А.В. Козун, старший преподаватель кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Принцип системности правовых норм служит ключевым в построении правовой материи. Его наличие в любой правовой сфере позволяет построить беспробельное законодательство, избежать недочетов в толковании и применении норм различных отраслей права. Правильная систематизация норм права составляет конститутивный момент при реализации прав граждан и соблюдении их другими, оптимального соотношения различных отраслей права, регулирующих один и тот же предмет юридического поля. Частной проблемой в данной сфере, полагаем, является так называемая брешь между нормами административного и уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за транспортные правонарушения. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП) и уголовный закон России предусматривают ряд деяний, посягающих на интересы безопасности движения и эксплуатации транспорта. КоАП содержит главу 11: «Административные правонарушения на транспорте» и главу 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения», более 90 % которых посягают на интересы транспортной безопасности, и почти все (за исключением ст.ст. 12.24 и 12.30 КоАП) отнесены законодателем к категории формальных составов правонарушений. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (далее – УК) также предусматривает самостоятельную главу уголовных правонарушений, посягающих на интересы транспортной безопасности. Большая часть составов преступлений (кроме ст.ст. 270 и 271 УК), закрепленных законодателем в главе 27 УК «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» относятся к числу материальных и в качестве одноименных последствий по административному законодательству предусматривают причинение тяжкого вреда здоровью. Невооруженным глазом видно, что между двумя смежными отраслями права, нормы которых носят императивный характер,

давно существует законодательный пробел. Причинение средней тяжести и легкого вреда здоровью в процессе совершения транспортного правонарушения, посягающего на безопасность движения и эксплуатации транспорта, в большинстве случаев не является наказуемым ни в административно-правовом, ни в уголовно-правовом порядке. Причем такая ситуация существует между этими отраслями права далеко не первый год. В сложившейся обстановке получается такая картина: за причинение вышеуказанных видов вреда здоровью человека лицо, совершившее транспортное правонарушение, может быть привлечено к ответственности лишь в гражданско-правовом порядке на основании ст.ст. 1064, 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации за причинение вреда интересам личности источником повышенной опасности. Однако при таком состоянии дел в этой области справедливость возмездия будет находиться абсолютно на разных полюсах. При наличии императивной ответственности, если учитывать судебную практику, лицо (и такие факты составляют до 100% случаев) будет привлекаться и к материальной ответственности. При отсутствии первой – лишь к материальной, когда установлено лицо, причинившее вред. Отчасти именно для этой цели и служат нормы, которые имеют повелительный характер в механизме регулирования складывающихся правоотношений. Сложившаяся ситуация между двумя смежными отраслями права по поводу регулирования вопросов транспортной безопасности представляется нам абсолютно не логичной и не соответствует устоявшимся принципам и логике юридической техники построения закона. Что хотел сказать законодатель таким подходом к конструированию данной группы норм права, на наш взгляд, остается только догадываться.

Вместе с тем законодатель не избежал и другой крайности при конструировании составов транспортных правонарушений. Статья 11.4 КоАП предусматривает ответственность за нарушение пользователем

воздушного пространства федеральных правил использования воздушного пространства. Законодатель устанавливает административную ответственность за сам факт нарушения использования воздушного пространства. По законодательной конструкции данный состав правонарушения является формальным. Уголовный закон, как нам представляется, предусматривает ответственность за аналогичное правонарушение, которое законодателем описано в ст. 271 следующим образом: несоблюдение указанных в разрешении маршрутов, мест посадки, воздушных ворот, высоты полета или иное нарушение правил международных полетов. Небольшая разница данных составов усматривается лишь в объекте посягательства и признаках преступного деяния, которые сконструированы законодателем более казуистичным способом, т.е. более детально. Частично, по нашему мнению, данное преступление посягает на установленный порядок управления, поскольку преступление может быть связано с осложнением международных отношений в плане ограничения суверенитета воздушного пространства¹. Однако данная проблема касается правильного определения объекта преступления и выходит за рамки нашего исследования. По законодательной конструкции состав преступления, предусмотренного ст. 271 УК, как и в первом случае, формальный. Как разграничить смежные признаки данных составов транспортных правонарушений? Каких-либо конкретных признаков, различающих данные деяния, законодатель не называет, что сводит полемику к довольно уже «избитому» вопросу по поводу содержания конститутивных признаков смежных составов правонарушений.

Как утверждает профессор А.И. Коробеев: «В основе всех правонарушений должно быть нечто общее, что позволяло бы, учитывая количественные и качественные характеристики этого свойства, разграничить их на виды»². Таким общим свойством всех правонарушений, по мнению большинства юристов, является их общественная опасность³. Некоторые ученые полагают, что данное свойство присуще лишь преступлению, остальным правонарушениям свойственна общественная вредность⁴. Мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые считают, что общественная опасность — есть свойство всех правонарушений. Что же касается существа вопроса, то, по нашему мнению, замена понятия «общественная опасность» термином «общественная вредность» напоминает упражнения софистов, ибо для любого непредвзятого исследователя должно быть очевидным, что «всякая, даже минимальная «вредность» поступка делает его общественно опасным... и никакое общественно полезное действие не может быть общественно вредным»⁵. Грань между преступным и непроступным настолько тонка, что переход от допустимого поведения к уголовно наказуемому может быть правильно объяснен и понят только с позиции рассмотрения общественной опасности как общего

свойства всех видов правонарушений. Транспортные преступления должны отличаться от транспортных правонарушений количеством и качеством общественной опасности. Как справедливо отмечает А.И. Мурзинов, концентрация общественной опасности, достигая критического уровня, неизбежно ведет к появлению качества — общественной опасности, присущего именно данному виду правонарушения⁶. Отсюда следует, что критерием отнесения транспортных правонарушений к тому или иному виду служат степень (количество) и характер (качество) общественной опасности. Они находят свое выражение в типе нарушений соответствующих правил безопасности, размере причиненного вреда, месте, времени, способе совершения преступления, особенностях субъекта и субъективной стороны. Именно на учет совокупности указанных критериев ориентируется практика в процессе квалификации транспортных правонарушений как преступлений или проступков⁷. Однако, как поступать, если все эти признаки сравниваемых деликтов, по сути, одинаковы? Вопрос до сегодняшнего времени открытый, и решение остается за субъективным усмотрением «количества» общественной опасности судебно-следственными органами и иными должностными лицами, уполномоченными на производство по конкретным видам и категориям дел. Решение этой проблемы видится нам в двух вариациях: 1) придать четкое значение и наполнить конкретным содержанием конститутивные признаки преступления и административного правонарушения; 2) конструировать составы уголовно наказуемого правонарушения с указанием на конкретные последствия и не делать этого применительно к административным проступкам. При необходимости материальной конструкции административного правонарушения четко проводить грань с преступным поведением именно по количественной характеристике общественной опасности, выраженной в соответствующих последствиях.

¹ См.: Жулев В.И. Транспортные преступления. — М., 2001. — С. 161.

² Коробеев А.И. Транспортные преступления. — СПб., 2003. — С. 82.

³ См.: Административное правонарушение: понятие, состав, квалификация / В.Р. Кисин. — М., 1991. — С. 5,6; Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности / М.Д. Шиндяпина. — М., 1998. — С. 74; Российское уголовное право : курс лекций. Т. 1: Преступление / под ред. проф. А.И. Коробеева. — Владивосток, 1999. — С. 267.

⁴ См.: Бахрах Д.Н. Административное право России / Д. Н. Бахрах. — М., 2000; Севрюгин В.Е. Проблемы административного права / В. Е. Севрюгин. — Тюмень, 1994. — С. 120; Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность / С. Н. Братусь. — М., 2001. — С. 127, 128.

⁵ Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. — Свердловск, 1987. — С. 84.

⁶ См.: Мурзинов А.И. Преступление и административное правонарушение. — М., 1985. — С. 3.

⁷ См.: Коробеев А.И. Указ. соч. — С. 84.

ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫЯСНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Ю.Е. Кайгародова, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Омского юридического института, кандидат юридических наук

С.Е. Тимошенко, преподаватель кафедры уголовного права и процесса Омского юридического института

Существующие в уголовном процессе действия, решения и особенности производства по отдельным уголовным делам находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости с данными о личности привлекаемых к уголовной ответственности субъектов. Однозначного понимания правовых предпосылок указанной деятельности в юридической литературе нет.

В ряде уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм законодатель «намекнул» или прямо указал на необходимость сбора таких сведений. Термин «предпосылка» означает *исходный пункт* какого-нибудь рассуждения; *предварительное условие* чего-нибудь¹.

В нашем случае под «каким-нибудь рассуждением» или «предварительным условием чего-нибудь» следует понимать свойства и признаки личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, о которых должна идти речь в случае наличия «исходного пункта» для выяснения таковых. «Предварительный» – предшествующий чему-нибудь². «Условие» – обстоятельство, от которого что-нибудь зависит³. Таким образом, под предпосылками изучения личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, следует понимать обстоятельства, закрепленные в уголовном и уголовно-процессуальном законе, обеспечивающие выявление определенной совокупности сведений о совершившем преступление подростке.

Известно, что при производстве по каждому уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, обуславливающие целенаправленную деятельность органов расследования и суда. Их установление обеспечивает принятие правильного решения по существу дела и реализацию в каждом конкретном случае назначения уголовного судопроизводства⁴. Изучая лич-

ность несовершеннолетнего, совершившего преступление, наряду с необходимостью установления общего предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), следует выявлять характеризующие сведения, перечисленные в ст. 421 УПК РФ.

На основе комплексного анализа правовых норм нами выделены в отдельную группу все обстоятельства, характеризующие личность, содержащиеся в вышеуказанных предписаниях.

К первой группе относятся уголовно-правовые предпосылки изучения личности несовершеннолетнего, совершившего противоправное деяние, запрещенное уголовным законом, которые целенаправленны, прежде всего, на выяснение вопроса о возможности лица быть субъектом преступления.

Возраст, с которого наступает уголовная ответственность, предусматривается в ст. 20 УК России. Согласно названной норме уголовная ответственность может наступить с 16, а за совершение тяжких и особо тяжких преступлений – с 14 лет. Недостижение на момент совершения преступления лицом, его совершившим, возраста, с которого наступает уголовная ответственность, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ является основанием отказа в возбуждении уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления. Таким образом, установление точного возраста лица, совершившего преступление, обусловлено наличием не только уголовно-правовых, но и уголовно-процессуальных предпосылок, что демонстрирует их взаимосвязь.

Одной из уголовно-правовых предпосылок определения возраста является также положение п. «б» ч. 1 ст. 61 УК, указывающее на необходимость выяснения такого обстоятельства, как несо-

вершеннолетие виновного, позволяющее смягчить наказание.

Потребность установления возраста обозначается положениями главы 14 УК, предусматривающей особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, к коим относятся: виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним (ст. 88 УК), общие вопросы назначения наказания несовершеннолетнему (ст. 89 УК), применение принудительных мер воспитательного воздействия и их содержание (ст. ст. 90, 91 УК), а также освобождение от наказания и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетних (ст. ст. 92, 93 УК), сроки давности, сроки погашения судимости (ст. ст. 94, 95 УК).

Ко второй группе следует отнести уголовно-процессуальные предпосылки, которые заключаются в необходимости установления возраста несовершеннолетнего, привлекаемого к уголовной ответственности, в случаях: установления наличия оснований прекращения уголовного преследования, в частности, закрепленных в ч. 3 ст. 27 УПК РФ; решения вопроса об участии защитника (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ); требования уведомления о задержании подозреваемого (ч. 4 ст. 96 УПК РФ); выбора меры пресечения (п. 4 ст. 97, ч. 2 ст. 107 УПК РФ) и выяснение обстоятельств, которые необходимо учитывать при ее избрании (ст. 99, ч. 2 ст. 108 УПК РФ); наличия оснований для выделения уголовного дела в отдельное производство (п. 2 ч. 1 ст. 154 УПК РФ); обеспечения порядка привлечения в качестве обвиняемого (п. 3 ч. 2 ст. 171 УПК РФ); соблюдения порядка вызова на допрос (ч. 4 ст. 188 УПК РФ); определения необходимости обязательного назначения судебной экспертизы (п. 5 ст. 196 УПК РФ); соблюдения общих условий судебного разбирательства (п. 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ); установления личности подсудимого (ч. 1 ст. 265 УПК РФ); соблюдения процедуры составления приговора (п. 4 ст. 304 УПК РФ); применения особого порядка уголовного судопроизводства (глава 50 УПК РФ).

Известно, что возрастной критерий – не единственный для определения того, является ли лицо, совершившее противоправное деяние, субъектом преступления. Речь в данном направлении целесообразно вести лишь о психически здоровых подростках с целью предотвратить безосновательное расширение круга рассматриваемых вопросов.

К третьей группе, по нашему мнению, могут быть отнесены смешанные (по предмету регулирования) предпосылки установления возраста несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). В достижении целей уголовного судопроизводства не последнюю роль играет выяснение психического развития несовершеннолетнего, совершившего преступление. Согласно положению ч. 3 ст. 20 УК России если несовершеннолетний достиг

возраста, предусмотренного уголовным законом (чч. 1, 2 ст. 20 УК), но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности по ч. 2 ст. 421 УПК РФ, что указывает на необходимость установления наличия данных об уровне психического развития подростка⁵.

В.Я. Рыбальская, называя случаи отставания несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, «возрастной невменяемостью», указывает на отличие его от общей невменяемости, которая, по ее мнению, состоит в том, что медицинский критерий невменяемости здесь отсутствует, а вместо него выступает другой показатель, который можно охарактеризовать как уровень возрастного развития⁶. Соглашаясь, по сути, с характером различия, заметим лишь, что «невменяемый» в широком смысле понимается как раздраженный, не владеющий собой⁷, а в случае с несовершеннолетним большее значение для определения критерия, о котором идет речь, имеет как раз интеллектуальное развитие, которое не соответствует их возрасту.

Уровень психического развития – это состояние интеллекта, волевой сферы, эмоций, запас знаний, представлений, а также иные особенности личности, связанные с позицией несовершеннолетнего по отношению к социальным ценностям, способностью к адаптации в обществе и позитивному поведению в сложных ситуациях, противостоянию негативным влияниям⁸.

Понятие субъекта преступления, как нами было отмечено выше, включает в себя два фундаментальных свойства личности всякого человека, относящихся к его биологической и психофизиологической основам: возраст и вменяемость. Оба эти свойства личности субъекта преступления достаточно взаимосвязаны. При отсутствии какого-либо одного из этих признаков, понимаемых в уголовном праве: возраст – как достижение определенного возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и вменяемость – как такое состояние психики человека, которое позволяет ему отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, – вопрос о привлечении такого субъекта к уголовной ответственности отпадает⁹.

Учитывая, что преступления совершают конкретные лица и наказание должно всегда назначаться индивидуально, закон требует устанавливать личность человека, в отношении которого производится уголовное преследование. Установление личности подразумевает под собой целенаправленную деятельность должностного лица, в чем про-

изводстве находится уголовное дело, по выявлению биографических, социально-демографических и тому подобных сведений. Неточное или неправильное установление фамилии, имени, отчества одного несовершеннолетнего может привести к привлечению к ответственности другого, не причастного к совершению преступления подростка. Удостоверение в личности каждого привлеченного к уголовному судопроизводству предполагает проверить, а при необходимости – приобщить его документы¹⁰. При производстве следственных действий или принятии процессуальных решений лицо, производящее расследование, обязано вписать в протокол следственного действия или в постановление данные о лицах (фамилия, имя, отчество, год, месяц, число рождения, место рождения, гражданство, образование, семейное положение, место работы, род занятий и т.д.). Требования установления биографических, социально-демографических сведений о личности содержатся также в п. 3 ч. 2 ст. 171, ч. 5 ст. 172, ч. 2 ст. 174, ч. 1 ст. 265, ч. 4 ст. 304 УПК РФ.

Во многих из анализируемых норм УПК РФ указаны такие данные о личности, требования о выяснении которых не содержатся в ст.ст. 73 и 421 УПК РФ, между тем имеющие огромное значение при расследовании большинства уголовных дел. Так, пункт 7 части 4 ст. 46, п. 4 ч. 1 ст. 51, ч. 1 ст. 265, п. 4 ст. 304 УПК РФ предполагают выяснение родного языка подозреваемого (обвиняемого), владения им языком, на котором ведется уголовное судопроизводство.

Положения части 2 ст. 91, ч. 1 ст. 105, п. 1 ч. 1 ст. 108, ч. 2 ст. 174, п. 2 ч. 2 ст. 209, п. 1 ч. 1 ст. 241, ч. 1 ст. 265 УПК РФ предполагают выяснение места жительства, места пребывания подозреваемого (обвиняемого).

Требование выяснения семейного положения, близких родственников или родственников, родителей (престарелых родителей), опекунов, попечителей, лиц, несущих по закону ответственность за действия подозреваемого (обвиняемого), наличие несовершеннолетних детей, других иждивенцев, их место жительства, а также необходимость выяснения взаимоотношений с лицами, участвующими в деле, вытекает из ст. 48, ч. 2 ст. 49, п. 2 ч. 2 ст. 60, п. 3 ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 96, ст. 99, ч. 2 ст. 107, ч. 1 ст. 115, ч. 2 ст. 134, ч. 1 ст. 160, ч. 2 ст. 168, ч. 2 ст. 174, ч. 1 ст. 265, п. 4 ст. 304, ч. 1 ст. 313, ч. 2 ст. 423, ч. 3 ст. 423, ст.ст. 424 и 426 УПК РФ.

Следующим элементом структуры личности, подлежащим выяснению в процессе расследования уголовного дела, являются биологические особенности, к которым в соответствии со ст. 99, ч. 3 ст. 167, ч. 3 ст. 184, ч. 1 ст. 193, п. 3 ст. 196, п. 4 ч. 1 ст. 208, п. 2 ч. 1 ст. 238, ч. 3 ст. 253 УПК относят пол, состояние здоровья, физическое состояние, физи-

ческие недостатки, наличие временного тяжелого заболевания, тяжелого заболевания, тяжелой болезни у подозреваемого (обвиняемого).

При расследовании уголовных дел возникает необходимость установления фактических сведений о возможном неправомерном поведении подозреваемого (обвиняемого), которые должны быть подтверждены поступками лица в прошлом, его поведением во время расследования, а также психологическими особенностями личности. Такие сведения должны устанавливаться для реализации требований ч. 1 ст. 97, пп. 3, 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ и находить отражение в уголовном деле в виде относимых, допустимых и достоверных доказательств.

В целях обеспечения возможной конфискации имущества или для принятия мер по охране оставшегося без присмотра имущества обвиняемого необходимо выяснять характер и местонахождение такового в соответствии с ч. 1 ст. 116, ч. 2 ст. 313 УПК РФ.

При решении вопросов о возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УПК РФ); отдачи под присмотр (ч. 2 ст. 423 УПК РФ); исправления несовершеннолетнего без применения наказания (ч. 1 ст.ст. 247, 431, 432 УПК РФ); освобождения несовершеннолетнего от наказания в случаях, предусмотренных ст. 92 УК России (если несовершеннолетний нуждается в особых условиях воспитания, обучения, требующего специального педагогического подхода), необходимость изучения личности несовершеннолетнего не вызывает сомнения.

С нашей точки зрения, целесообразно введение дополнительной нормы УПК РФ, касающейся уточнения «иных» обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего, совершившего преступление, которые прямо не названы в положениях ст. ст. 73, 421 УПК РФ. Указанные положения могут излагаться в качестве примечания к ст. 421 УПК РФ следующей редакцией: «Под иными особенностями личности следует понимать такие, как гражданство, родной язык, владение языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, образование, место работы, род занятий, место жительства, место пребывания подозреваемого (обвиняемого), семейное положение, установление близких родственников или родственников, опекунов, попечителей, лиц, несущих по закону ответственность за действия подозреваемого (обвиняемого), наличие несовершеннолетних детей, других иждивенцев, их место жительства, а также характер взаимоотношений с лицами, участвующими в деле; биологические особенности несовершеннолетнего, совершившего преступление (пол, физическое, психическое здоровье, физическое развитие, физические недостатки, наличие времен-

ного тяжелого заболевания, тяжелого заболевания у подозреваемого обвиняемого); сведения о возможном неправомерном поведении подозреваемого (обвиняемого), которые подтверждаются поступками лица в прошлом, его поведением во время расследования, а также психологические особенности личности; вид и местонахождение имущества несовершеннолетнего, привлекаемого к уголовной ответственности».

Необходимость уточнения информации, подлежащей выяснению в отношении привлекаемого к уголовной ответственности несовершеннолетнего, следует и из того, что в положениях некоторых норм уголовно-процессуального закона, указывающих на необходимость изучения личности совершившего преступление, используются разнообразные термины, причем без оговорки, что подразумевается в том или ином случае: например, данные о личности (ч. 1 ст. 106, п. 2 ч. 1 ст. 220, п. 4 ч. 3 ст. 259 УПК РФ); другие данные, касающиеся личности (п. 3 ч. 3 ст. 199, ч. 1 ст. 265, п. 4 ст. 304 УПК РФ); данные о лице (п. 3 ч. 1 ст. 225, п. 4 ч. 5 ст. 318, п. 3 ч. 1 ст. 388 УПК РФ); сведения о личности (ст. 99 УПК РФ); иные особенности личности (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ).

Требования ст.ст. 73, 421 УПК РФ не являются исчерпывающими предпосылками для выяснения обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего, совершившего преступление. Необходимость изучения личности вытекает из множества иных норм уголовного и уголовно-процессуального законов, так или иначе связывающих деятельность органов расследования и суда с выяснением широкого круга характеризующих личность обстоятельств. При решении вопросов о материальной ответственности несовершеннолетнего подлежат выяснению обстоятельства, указанные в нормах гражданского законодательства.

Когда речь идет о личности обвиняемого, суд должна интересоваться та совокупность сведений, которая характеризует обвиняемого и имеет непосредственное отношение к конкретному преступлению¹¹. Конкретное преступление и связанные с ним, подлежащие обязательному выяснению обстоятельства представляют собой совокупность фактов, имевших место в реальной действительности. Эти факты всегда конкретны, поэтому предмет доказывания по определенному делу индивидуален, как индивидуально лицо, совершившее преступление, да и само это преступление¹². Необходимо учитывать также, что это обстоятельства, общие для дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства.

Несмотря на разнообразие формулировок закона, можно сделать вывод о том, что речь идет о различных характеристиках, составляющих структуру личности (часто поименованных различны-

ми определениями). Их установление вызывается необходимостью выявления в каждом конкретном случае в различном объеме по отношению к основному предмету доказывания.

Таким образом, проведенный анализ правовых предпосылок изучения личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, позволяет сделать следующие выводы:

– правовыми предпосылками изучения личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, являются обстоятельства, закрепленные в конституционном, уголовном, уголовно-процессуальном, гражданском законе, связанные с привлечением и освобождением от уголовной и имущественной ответственности, осуществлением права на защиту, применением мер принуждения, производством следственных действий и участием в них лиц, выяснение которых невозможно без выявления определенной совокупности сведений о личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого;

– деятельность по изучению личности несовершеннолетнего, заподозренного в совершении преступления, может начинаться до возбуждения уголовного дела, продолжаться после вынесения постановления о возбуждении дела. В связи с этим предлагаем такую редакцию п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ: «Обстоятельства, характеризующие личность лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование».

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 581.

² Там же. – С. 579.

³ Там же. – С. 839.

⁴ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 185.

⁵ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. Б.П. Божьев. – М.: Спарк, 2002. – С. 703.

⁶ См.: Рыбальская В.Я. Особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних: учеб. пос. – Иркутск, 1972. – С. 48.

⁷ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. – С. 402.

⁸ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Спарк, 2002. – С. 703.

⁹ См.: Ведерников Н.Т. Место и роль личности обвиняемого в предмете доказывания по уголовному делу // Гос-во и право. – 2003. – № 6. – С. 45.

¹⁰ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. Б.П. Божьев. – С. 337.

¹¹ См.: Гуськова А.П. Выявление судом обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. – М., 1984. – С. 10.

¹² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 188.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБОРОТА КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИИ

С.Л. Панов, доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской Академии МВД России, кандидат юридических наук

Явление фальсификации товарной продукции приобрело в России в последние десятилетия особо крупные масштабы. Волна контрафакта¹, захлестнувшая отечественный рынок, ошутимо отражается практически на всех отраслях экономики. Ежегодно поток фальсифицированной продукции продолжает увеличиваться на 10-15%. Незаконная реализация контрафактной продукции приводит к недополучению бюджетом значительных денежных средств, препятствует формированию цивилизованного рынка в России, в том числе мешает развитию отношений с зарубежными партнерами, ограничивает приток инвестиций, отрицательно сказывается на взаимоотношениях с Евросоюзом, создает трудности на пути вступления России в ВТО².

Широта ассортимента фальсифицированной продукции вызывает в обществе повышенную озабоченность в связи с тем, что подделывается большинство групп востребованных и выпускаемых в стране и мире товаров: от «обыденно-житейских» – сливочного масла и сгущенного молока до «повышенно опасных» – автомобильных и авиационных запчастей (лекарства, аудио- и видеопродукция, винно-водочные изделия, одежда, ювелирные украшения – это лишь наиболее упоминаемые товарные группы в числе выявляемых контролирующими органами подделок). Особенно рынок контрафакта захлестнул отрасли, производящие высокотехнологичные и дорогие товары³.

При оценке уровня контрафактной продукции экспертами называются различные цифры, но только часть из них основана на реальном состоянии вещей. Основной причиной отсутствия точной статистики в этой области является, с одной стороны, трудность сбора и анализа информации о фальсифицированной продукции, а с другой – недооценка важности таких данных. Поэтому многие выводы об обороте контрафактной продукции в стране приходится делать на основе экспертных оценок, заключений отдельных ассоциаций производителей, исследований ученых и др.

По мнению отечественных экспертов, доля контрафактной продукции составляет в целом до 30%

товарооборота. Например, из 10 реализуемых в России видеокассет 9 являются «пиратскими», т.е. уровень контрафактности продукции в этой области достигает 90%⁴.

Опасность «пиратского производства» заключается в том, что оборот контрафакта подрывает авторитет «известных», правопослушных производителей и снижает их доходы (визуально отличить фальсификат от оригинальной продукции достаточно сложно, а иногда и вовсе невозможно). Поддельная продукция нередко представляет реальную угрозу для работы, здоровья, а подчас и жизни граждан. В связи с этим производители, владельцы товарных знаков вынуждены разрабатывать все более сложные методы по борьбе с подделкой выпускаемых товаров, чтобы воспрепятствовать появлению «пиратской продукции» на рынке, что приводит к удорожанию продукта и сказывается на покупательной способности населения.

В 2005 г. правоохранительными органами страны было зарегистрировано 2924 преступления (рост к аналогичному показателю предыдущего года составил 52,5%), предусмотренных ст. 146 УК России, – нарушение авторских и смежных прав; 24 преступных нарушения изобретательских и патентных прав (рост 100%), предусмотренных ст. 147 УК; 470 преступных деяний (рост 43,3%), предусмотренных ст. 180 УК, – незаконное использование товарного знака и 21659 преступлений (рост 150,7%), предусмотренных ст. 238 УК, – производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям без-опасности⁵. Статистические данные свидетельствуют, с одной стороны, об улучшении деятельности правоохранительных органов по противодействию указанным преступлениям, с другой – о значительном увеличении преступных посягательств, связанных с оборотом контрафактной продукции.

Чтобы правильно понять и представить, какими методами следует бороться с «пиратством» в России, какую выработать стратегию и тактику, заложив их в основы борьбы с преступными нарушениями авторских, смежных, изобретательских и патентных

прав, незаконным использованием товарного знака и выпуском «опасной» продукции, необходимо вначале выявить и уяснить причины роста «пиратства» в России. К числу основных причин оборота контрафактной продукции можно отнести следующие.

1. Основная причина широкого распространения контрафакта в стране носит экономический характер: для большого количества людей цены на товары (продукты), предлагаемые «пиратами», нередко значительно ниже, чем аналогичные, реализуемые правообладателями.

2. Преступные формирования в России давно осознали чрезвычайно высокую прибыльность в этом деле – почти 400%, что привлекает в их ряды все большее число предпринимателей. Сегодня «пиратство» приняло в России межрегиональный и межгосударственный характер. По существу, в стране сформировалась и действует хорошо отлаженная криминальная отрасль, где занято огромное количество людей. Созданы сотни подпольных производств, организованы поставки сырья и материалов, сбыт готовой продукции.

3. Существование в стране разветвленной системы внемагазинной торговли, в том числе «рыночной», в которой сбывается основная масса контрафактной продукции.

4. Недооценка чиновниками исполнительной власти и правоохранительных органов необходимости каждодневной и скрупулезной борьбы с «контрафактной преступностью», которая зачастую связана с иными преступными посягательствами: уклонением от уплаты налогов, мошенничеством, отмыванием (легализацией) денежных средств, причинением вреда здоровью покупателя и др.

5. Противодействие данным видам преступных посягательств ведется до сих пор недостаточно эффективно. При высоком уровне оборота контрафактной продукции конкретные факты выявляются, регистрируются и расследуются правоохранительными органами не более чем в 5% случаев, а по возбужденным делам осуждается около 20% подследственных. Кроме того, существуют серьезные недостатки в организации взаимодействия правоохранительных органов со службами и подразделениями коммерческих и государственных структур, занимающихся защитой бизнеса от мошеннических посягательств и противодействием контрафактной деятельности⁶.

6. Невершенство российского законодательства в части защиты авторских, изобретательских и патентных прав. Относительно незначительная мера наказания за содеянное: санкция по ч. 1 ст. 146 УК России при причинении крупного ущерба составляет около 2-х лет лишения свободы, а по ч. 2 ст. 146 УК (то же деяние, но совершенное неоднократно либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой) – до 5

лет лишения свободы. Почти аналогичные санкции заложены в ст.ст. 147 и 180 УК. Поэтому трудно найти другой вид незаконного бизнеса, как «пиратство», в том числе и использование чужого патента и знака, где прибыль была бы столь высокой, а риск задержания и судебного приговора невелик.

Успешное противодействие обороту контрафактной продукции, по нашему мнению, возможно при принятии (осуществлении) ряда организационно-правовых, информационных, комплексных и иных мер⁷.

1. Постоянный мониторинг со стороны различных государственных структур и общественных формирований состояния экономических отношений в области интеллектуальной деятельности, влияющих на развитие предпринимательства, выявление причин появления контрафактной продукции на рынке.

2. Совершенствование действующего законодательства (гражданского, гражданско-процессуального, административного, уголовного, таможенного и др.) в целях усиления юридической ответственности за производство и реализацию контрафактной продукции.

3. Координация и взаимодействие органов государственной власти, силовых формирований, корпоративных и частных служб безопасности, предпринимательских структур и общественных организаций в противодействии незаконному производству и сбыту контрафактной продукции.

4. Создание региональных структур (комиссий) из представителей органов государственной власти, компаний производителей, продавцов игорного оборудования в целях сбора, проверки, анализа информации об обороте контрафактной продукции, а также для проведения технических консультаций и экспертиз для правоохранительных органов.

5. Создание электронной базы данных об организациях и физических лицах, причастных к изготовлению, сбыту и эксплуатации контрафактной продукции.

6. Совершенствование технических приемов защиты продукции путем использования на изделиях фирменных разрушаемых наклеек, голограмм, травлений и штампов, а также применение дорогостоящих и высокотехнологических микропроцессорных устройств, «взлом» и клонирование которых невозможны (значительно затруднены).

7. Нарращивание усилий со стороны силовых структур по обнаружению и пресечению фактов изготовления и распространения контрафактной продукции посредством Интернета, а также сокращению пиратства в режиме онлайн.

8. Развитие системы образования, подготовки и переподготовки кадров в области охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, разра-

ботки специальных обучающих программ и курсов для работников контролирующих структур, предпринимателей, представителей органов государственного управления и общественных организаций.

9. Улучшение информационно-разъяснительной работы по повышению активности правообладателей с целью обеспечения своевременного представления ими документов, подтверждающих их правомочия на продукцию, а также участия в мерах по выявлению и искоренению контрафакта.

10. Развитие и укрепление межведомственного, межрегионального и международного сотрудничества для координации усилий в противодействии производству и распространению контрафактной продукции.

11. Обобщение отечественного и зарубежного опыта борьбы с оборотом контрафактных товаров в целях разработки предложений и рекомендаций по совершенствованию работы в данном направлении.

Предложенные меры не являются исчерпывающими, но они, безусловно, могут сыграть позитивную роль в дальнейшем развитии в России цивилизованного рынка оборота продукции, отвечающей предъявляемым требованиям как со стороны контролирующих структур, так и отдельных покупателей.

¹ Контрафактная продукция – экземпляры готовой продукции, изготовление или распространение которых влечет за собой нарушение авторских и смежных прав, а также

виды охраняемых в РФ товаров, импортируемых без согласия обладателей авторских и смежных прав из государства, в котором такая продукция никогда не охранялась.

² См.: *Филлипс Т.* Контрафакт. Шокирующие подробности криминальных рынков / Т. Филлипс. – М.: Вершина, 2006; *Фелицина С. Б.* О мерах по борьбе с контрафактной продукцией / С. Б. Фелицина, А. Залесов // Биржа интеллектуальной собственности. – 2003. – № 4; *Мурманцева М.* Страна честного обмана / М. Мурманцева // Новое обозрение. – 2005. – № 45 (376). – 16 нояб.

³ См.: *Близнец И.* Пираты XXI века / И. Близнец // Интеллектуальная собственность: авторское право и смежные права. – 2000. – № 3. – С. 6-7; *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности в РФ : учебник. 2-е изд. / А. П. Сергеев. – М.: Проспект, 2000. – С. 391-392.

⁴ См.: *Нератов Д.* Предприниматели против контрафакта / Д. Нератов // Бизнес для всех. – 2005. – № 24; *Сечная Н.* Контрафакт / Н. Сечная // Сов. Россия. – 2004. – 4 сент.

⁵ См.: *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2005 г.* – М.: ГИАЦ МВД России, 2006.

⁶ См.: *Исаенко В. Н.* Введение в кн. «Расследование преступлений о нарушении авторских и смежных прав» / В. Н. Исаенко / под общ. ред. Т. А. Боголюбовой. – М.: Приор, 2001; *Козорезова Р.* Контрафактной продукции – красный свет / Р. Козорезова // Экономическая газета. – 2004. – № 18. – 12 марта.

⁷ См.: *Семыкина Е.* Пираты Балтийского моря – кто они? / Е. Семыкина // www.mbis.ru. – 2006. – 18 сент.; *Хаметов Р.* Корпоративная борьба с нарушениями авторских и смежных прав / Р. Хаметов // Хозяйство и право. – 1998. – № 8. – С. 93-97; *Защита прав интеллектуальной собственности (практическое руководство).* – М., 2004; *Ларичев В. Д.* Защита авторского и смежных прав в аудиовизуальной сфере: уголовно-правовой и криминологический аспекты : науч.-практ. пособие / В. Д. Ларичев, Ю. В. Трунцевский. – М.: Дело, 2004; *Борьба с подделыванием товаров и ярлыков // Борьба с преступностью за рубежом.* – 1997. – № 11. – С. 12-14; и др.

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю.С. Пестерева, преподаватель кафедры уголовного права и процесса Омского юридического института

Причины преступности являются краеугольной проблемой криминологии. Собственно, именно с поиска ответа на вопрос, что такое преступление (преступность) и почему люди их совершают, родилась эта наука. Объяснительный потенциал криминологии в изучении феноменов преступности, преступления, преступника и различных социальных девиаций высок и востребован обществом¹.

Проблеме насильственной преступности посвящено множество научных работ. Насильственную преступность можно рассматривать в контексте широкого и узкого подходов. Первый предполагает отнесение преступлений к данному виду

преступности независимо от основного объекта посягательства, но связанных единой мотивацией². Второй – только насильственные преступления, предусмотренные разделом седьмым Уголовного кодекса Российской Федерации. На наш взгляд, для комплексного представления о сущности, детерминации и предупреждении насильственной преступности наиболее оптимальным следует признать широкий подход.

В криминологии выделяются два типа насильственной преступности: насильственно-эгоистическая и корыстно-насильственная³. К первому типу относятся процессуальные преступления (приносят

удовлетворение самим процессом их совершения), ко второму – инструментальные (служат способом решения тех или иных проблем). Истязание («насилие ради насилия») относится к первой группе.

Насильственную преступность можно определить как совокупность преступлений, совершение которых связано с применением физического или психического насилия, выступающих в качестве элемента мотивации или способа достижения какой-либо цели. Например, в 2004 г. в общей структуре преступности доля насильственной преступности составила 23%⁴.

К основным качественным характеристикам насильственной преступности в современной России можно отнести следующие: увеличение количества совершаемых насильственных преступлений при относительно постоянной доли насильственной преступности в общей структуре преступности; повышение латентности данного вида преступности; рост удельного веса насильственных преступлений, совершаемых женщинами и несовершеннолетними; в структуре насильственных преступлений заметно увеличилась группа тех, которые совершаются в корыстных целях и организованными группами, однако по-прежнему наиболее значимой остается та, которая включает в себя насилие на семейно-бытовой почве; отставание социального контроля над насильственной преступностью от ее качественных и количественных изменений⁵.

Следует согласиться с С.Н. Абельцевым, считающим криминальное насилие своего рода индикатором негативных тенденций в обществе. Характер и масштабы такого насилия зависят от особенностей экономического, социального, культурного развития. Ведь благополучным обществом может быть только то, в котором уровень общественной опасности и социальной напряженности, что всегда связано с криминальной ситуацией, не превышает определенного предела⁶.

На макроуровне насильственную преступность продуцируют экономические, политические, социальные, культурные, экологические факторы, а также особенности общественного сознания и настроения.

Для понимания механизма детерминации насилия необходимо обратиться к его составляющим элементам⁷.

Политические факторы. С точки зрения большинства социологов и политологов (Г.О. Павловский, Я. Греков, Г. Амелин и др.), в Российской Федерации до сих пор не закончился «переходный период», который характеризуется неустойчивостью политической жизни, отсутствием внятной государственной идеологии, кризисом государственных институтов. В последние пять лет в стране сложилась такая политическая ситуация, которую одни аналитики называют периодом стабилизации, а другие – стагнацией. Ее основные черты: возросло ко-

личество людей, уверенных в завтрашнем дне с 23% (1999 г.) до 42% (2004 г.); сократилось число граждан, настроенных пессимистично в отношении будущего России с 54% (1998, 1999 гг.) до 38% (2004 г.); снизилась степень политической активности граждан, особенно на выборах местного уровня.

Говорить о том, что сложившаяся ситуация обладает свойствами сформировавшейся тенденции, еще рано, окончательные выводы можно будет сделать только в 2007-2008 гг. Несмотря на положительные элементы, текущая политическая жизнь страны таит в себе множество проблем как явных, так и скрытых, которые непосредственным образом негативно влияют на уровень насильственной преступности.

Во-первых, низка степень управляемости страной, проявляющаяся в несогласованности действий различных уровней исполнительной власти.

Во-вторых, нерешенность внутренних национальных, религиозных и территориальных проблем. Известно, что религиозные и национальные противоречия являются одними из основных факторов насильственных конфликтов⁸.

В-третьих, невнятная миграционная политика. Учитывая демографическую ситуацию в России (естественная убыль населения – в среднем 865 тысяч человек в год), грамотная миграционная политика должна быть приоритетной задачей, а не провоцировать различные конфликты типа «свой-чужой».

В-четвертых, в России отсутствует конструктивная легальная оппозиция⁹, которая должна играть роль «страхующего/блокирующего» механизма на пути непродуманных решений действующей власти.

В-пятых, недостаточная эффективность деятельности правоохранительных органов как в предупредительной сфере, так и в сфере контроля над преступностью¹⁰.

Все вышеперечисленные политические факторы негативным образом сказываются на общественной жизни страны, порождают у населения уверенность в том, что власть не в полной мере контролирует (не хочет или не может) ситуацию в государстве.

Экономические детерминанты насильственной преступности.

Первое: высокий уровень инфляции, опережающий рост доходов населения. Так, правительство первоначально планировало, что в 2004 г. инфляция составит 9%, однако ее уровень к концу текущего года составит – 12%, в то время как уровень реальных доходов населения возрастет в среднем на 7,5%.

Второе: согласно ст. 7 Конституции Россия является социальным государством, что предполагает материальную защищенность малоимущих групп населения и поддержание относительно небольшого социально-экономического размежевания. Указанная конституционная норма не соблюдается. Социальная политика в современной России отличается непоследовательностью, можно

отметить увеличение финансирования социально значимых сфер лишь в последние два года.

Третье: неравномерное экономическое развитие регионов.

Уровень социальной напряженности показывает негативную динамику *общественно-экономических процессов*.

Первое: разница между доходами самых богатых и самых бедных групп населения в 2004 г. составила, по одним данным, 16, по другим – 22 раза и достигла уровня латиноамериканских стран¹¹. Социологи считают, что предельный уровень разницы не должен превышать 6-10 раз, в противном случае повышается вероятность социального «взрыва».

Второе: в России сохраняется высокий уровень безработицы. Спецификой России является скрытая безработица – человек работает, а зарплата либо не выплачивается вовремя, либо выплачивается ниже прожиточного минимума.

Третье: социальное положение граждан неодинаково в различных регионах страны. Так, разница по среднедушевым доходам между жителями Москвы (самый богатый регион) и Калмыкией (самый бедный регион) составляет 12 раз¹². Этот фактор порождает внутреннюю неконструктивную миграцию населения.

Влияние негативных *экологических условий* проявляется в следующем: рост числа различных заболеваний у взрослых и появление на свет детей с врожденными заболеваниями, в том числе связанных с нарушением интеллектуальных способностей. Само по себе то или иное заболевание не может привести вменяемого человека к совершению преступления, однако различные физические, психические и интеллектуальные патологии и аномалии значительно затрудняют социальную интернализацию индивида, что в свою очередь может способствовать формированию антисоциальной направленности личности. Плохое состояние окружающей среды негативно влияет на физическое и психическое состояние граждан, способствует формированию депрессии.

Отрицательное влияние средств массовой информации и массовой культуры проявляется в следующем.

Во-первых, субъектами отрицательного воздействия сцен насилия в СМИ являются, прежде всего, дети и подростки, что обуславливается особенностями их психики. Наибольшим негативным потенциалом обладает телевидение в силу своей наглядности, доступности и востребованности (лишь 15% студентов и 6% школьников читают массовые периодические издания)¹³.

Согласно исследованиям уровень насилия, представляемого на основных федеральных каналах, достаточно высок. На Западе криминологическая наука давно занимается изучением негативного влияния телевидения и Интернета на детей и подростков, в России такие исследования стали прово-

дятся относительно недавно.

Во-вторых, массовая культура создает и пропагандирует определенную модель поведения человека, гарантирующую «успешность» в современной жизни. Один из элементов, ее составляющих, – агрессивность, насильственное решение конфликтов, отсутствие рефлексии.

Социально-психологические факторы являются центральными для понимания детерминации насильственной преступности. В криминологической литературе в настоящее время предложен интересный подход оценки указанных факторов через категорию «нравы»¹⁴. Не оспаривая методологический подход по существу, хотелось бы отметить, что понятие «нравы» не имеет четко выраженных научных критериев и признаков¹⁵. В связи с этим, с нашей точки зрения, более целесообразно оперировать такими научными категориями, как «общественное сознание» и «общественное настроение», которые в совокупности своей и составляют социально-психологические детерминанты.

Следует отметить, что общественное сознание является относительно стабильным элементом, эволюционирует намного медленнее, чем экономические и политические составляющие социума. В отличие от общественного сознания (национального характера), общественное настроение более лабильный компонент социально-психологических детерминант. Общественное сознание само по себе нейтрально по отношению к преступности, оно не может быть плохим или хорошим. В свою очередь общественные настроения в определенных ситуациях могут обладать негативным потенциалом. Относительно насильственной преступности можно привести следующий пример действия социально-психологических детерминант.

Западная (европейская) и русская ментальность демонстрируют различное понимание и восприятие свободы и воли. Свобода в западной интерпретации предполагает два аспекта: право личного выбора и право выбора у другого человека, свобода понимается как необходимость и способ внутреннего ответственного индивидуального выбора. В России свобода не оформилась в полном смысле этого слова, свобода в русской ментальности подменилась понятием воли, личная независимость абсолютизировалась в ущерб праву выбора другого человека. Необходимый компонент воли – сила, так как только через силу можно подавить волю другого, противостоящего тебе индивида. Особенности географической и природной среды привели к преклонению перед силой как природной, так и человеческой. Насилие стало восприниматься как естественный способ разрешения конфликтных ситуаций.

Влияние на формирование общественного настроения оказывают средства массовой коммуникации, а также иные социально-политические институты убеждения или принуждения. Чем более

неоднородно настроение членов общества, тем более общество нестабильно и дезорганизовано. Д.В. Ольшанский считает, что социально-психологическая однородность иногда важнее однородности социальной¹⁶. Современная Россия демонстрирует разнородность как социальную, так и психологическую, что оказывает негативное влияние на динамику насильственной преступности.

Изучение причин истязаний на макроуровне показывает, что снизить количественный показатель насильственной преступности и установить контроль над ней, воздействуя лишь на отдельные элементы системы, невозможно. Насильственная преступность детерминируется всем комплексом социально-психологических причин и условий.

¹ См.: Номоконов В. А. Современная криминология: традиционные подходы и новые направления / В. А. Номоконов // Организованная преступность, миграция, политика. – М., 2002. – С. 132.

² См.: Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами / Л. Д. Гаухман. – М.: Юрид. лит., 1969; Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователя : учеб. пособие / Л. В. Сердюк. – Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1981; Антонян Ю. М. Насилие. Человек. Общество / Ю. М. Антонян. – М.: ВНИИ МВД России, 1993.

³ См.: Иншаков С. М. Криминология / С. М. Иншаков. – М.: Юриспруденция, 2000. – С. 144.

⁴ См.: Криминология : учебник / под ред. А. Алексеева. – М.: Книжный мир, 2005. – С. 23.

⁵ См.: Антонян Ю. М. Актуальные проблемы насилия в

русском обществе / Ю. М. Антонян // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 63-64; Капинус О. С. Современные мировые тенденции и закономерности преступности / О. С. Капинус // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 1. – С. 172.

⁶ См.: Абельцев С. Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия / С. Н. Абельцев. – М.: ДАНА-ЮНИТИ, 2000. – С. 68-69.

⁷ С нашей точки зрения, экологические, демографические детерминанты, а также негативное влияние СМИ относятся к детерминантам второго порядка.

⁸ См., напр.: Мацкевич И. М. Влияние религии на преступность (на примере России и Узбекистана) / И. М. Мацкевич, Р. А. Махарамов // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – С. 14.

⁹ В причинах отсутствия таковой виновата, прежде всего, сама оппозиция.

¹⁰ Уровень нераскрытых тяжких и особо тяжких преступлений в 2004 г. составил 33% от общего их числа.

¹¹ См.: Фенько А. Расслоение личностей / А. Фенько // Власть. – 2005. – 12 июня. – С. 46.

¹² См.: Языком цифр // Власть. – 2005. – № 17. – С. 23.

¹³ Опрос проводился в четырех школах (опрошено 460 школьников) и трех вузах г. Омска (опрошено 380 студентов).

¹⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного периода / В. Н. Кудрявцев. – М.: Гардарики, 2002.

¹⁵ Остается открытым вопрос, являются ли нравы формами поведения, которые регулируются какими-то особыми социальными нормами, наряду с нормами права, морали, обычая и т. д. Кроме того, в социально-философской и этической литературе встречается смешение нравов с моралью или обычаями, также нравы не рассматриваются в качестве особой формы социальной регуляции. См.: Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000. – Т. 3. – С. 109.

¹⁶ См.: Ольшанский Д. В. Психология масс / Д. В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2001. – С. 175.

ЗЛОСТНОСТЬ НЕИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА СУДА, РЕШЕНИЯ СУДА ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК СТ. 315 УК РОССИИ

И.Г. Рагозина, доцент кафедры уголовного права и процесса Омского юридического института, кандидат юридических наук

Изучение судебной-следственной практики применения ст.315 УК России свидетельствует, что наибольшую сложность в правоприменительном процессе представляет установление признаков объективной стороны анализируемого преступления, что требует, на наш взгляд, их тщательного рассмотрения.

Объективную сторону состава преступления альтернативно образуют злостное неисполнение

судебного акта либо воспрепятствование его исполнению.

Неисполнение судебного акта заключается в отказе или в уклонении от его исполнения. Отказ выражается как в письменной, так и в устной форме. Неисполнение может совершаться как действием, так и бездействием. В первом случае виновный, действуя, нарушает запреты, предписываемые судебным актом, во втором – не выполняет пред-

писания судебного акта без уважительных причин в установленные сроки.

Неисполнение приобретает характер уголовно-правового деяния только в том случае, когда является злостным. Если признак злостности отсутствует, то деяние следует квалифицировать как административный или дисциплинарный проступок. В статье 315 УК понятие «злостность» не раскрывается, в теории и практической деятельности содержание этого признака вызывает дискуссию. Анализ существующих по данному вопросу точек зрения позволяет выделить два основных подхода к решению проблемы. В первом случае под злостным неисполнением понимается недобросовестное, продолжительное по времени неисполнение судебного акта¹, во втором – игнорирование требования суда исполнить его решение². Большинство исследователей отмечают, что злостность выражается в неисполнении судебного решения после официального письменного предупреждения, сделанного судом или судебным приставом-исполнителем. Однако у приверженцев второй точки зрения нет единого мнения о том, сколько раз должен письменно предупреждаться виновный. Так, авторы учебника «Уголовное право: (Особенная часть)» Московского университета МВД России полагают, что злостность составляет лишь повторное неисполнение лицом возложенных на него обязанностей, вытекающих из судебного акта (приговора или решения) после предписания, обложенного в соответствующую форму и сделанного уполномоченным на это органом – судебным приставом-исполнителем. В обоснование приводится ст. 85 Федерального закона от 21 июля 1997 г. «Об исполнительном производстве», согласно которой неисполнение в установленный срок без уважительных причин исполнительного документа, выданного на основании решения суда, влечет наложение на должника штрафа, после чего назначается новый срок исполнения. В случае повторного неисполнения судебный пристав вносит представление о привлечении лица, которое в силу своих служебных обязанностей должно исполнить решение суда, к уголовной ответственности. Именно по такому пути идет и судебно-следственная практика. Только в одном из изученных нами судебных решений, вынесенных по ст. 315 УК России, суд усмотрел злостность неисполнения после вынесения однократного требования с указанием нового срока исполнения решения суда. В остальных случаях такие требования выносились от 2-х до 4-х раз. Приговоров, в которых злостность оценивалась бы как длительное неисполнение судебного решения, нам не встретилось. Полагаем, что неисполнение судебного акта даже после одноактного официального предупреждения повышает общественную опасность деяния.

Ряд исследователей, занимая своего рода промежуточную позицию, полагают, что содержание злостности могут составлять как действия, связанные с неисполнением судебного решения после официального письменного предупреждения, сделанного судом или судебным приставом-исполнителем, так и действия, связанные со значительным превышением сроков, установленных законом для исполнения решения. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 34 УИК РФ администрация организации, где работает осужденный к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязана уволить его не позднее трех дней со дня получения копии приговора суда и извещения уголовно-исполнительной инспекции. Максимальные сроки исполнения установлены и для других видов наказания, а также для судебных предписаний по гражданским делам³.

Исследуя вопрос о злостности уклонения от кредиторской задолженности после вступления в законную силу соответствующего судебного акта (ст. 177 УК), которое является, на наш взгляд, частным случаем неисполнения судебного решения, Б.В. Волженкин справедливо отмечает, что злостность уклонения – это, безусловно, оценочное понятие, и задача состоит, прежде всего, в определении критериев для такой оценки⁴. Учитывая, что идентичные понятия, используемые в уголовном праве, должны толковаться одинаково, исследователи нередко обращаются к постановлению Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1969 г. № 46 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР», где давалось разъяснение злостного уклонения родителей от уплаты по решению суда средств на содержание детей. В постановлении отмечалось, что под уклонением следует понимать не только прямой отказ от уплаты присужденных судом алиментов, но и сокрытие лицами своего действительного заработка, смену работы или местожительства с целью избежать удержаний по исполнительному листу, уклонение с этой целью от трудовой деятельности и иные действия, свидетельствующие об уклонении от уплаты. Злостность уклонения должна определяться судом в каждом конкретном случае с учетом продолжительности и причин неуплаты. О злостном уклонении могут свидетельствовать, в частности, повторность совершения аналогичного преступления, розыск лица, обязанного выплачивать алименты, ввиду сокрытия им места жительства и т.д.

Полагаем, что, определяя наличие злостности при неисполнении приговора суда, решения суда или иного судебного акта, необходимо принимать во внимание причины и продолжительность неисполнения возложенных обязанностей, которые даже при отсутствии требований судебного испол-

нителя могут свидетельствовать о совершенном преступлении.

Неисполнение судебного решения в связи с тем, что оно обжаловано в установленном законом порядке, не образует состава злостного неисполнения судебного решения.

Воспрепятствование — это всегда активные действия, направленные на создание препятствий для своевременного исполнения судебного акта, например, переименование должности, которую не может по приговору суда занимать лицо, с сохранением тех же функциональных обязанностей работника. Считаю возможным проиллюстрировать воспрепятствование на следующем примере. Судебным приставом-исполнителем на основании исполнительного листа, выданного Исилькульским городским судом, было внесено предложение об удержании задолженности из заработной платы Ш. Исполнительный лист был направлен в отдел культуры Исилькульской городской администрации, где последняя работала главным бухгалтером. Полу-

чив исполнительный лист, Ш., воспользовавшись своим служебным положением, скрыла факт получения исполнительных документов и не передала их на регистрацию и исполнение, воспрепятствовав исполнению решения суда. При этом заметим, что из диспозиции ст. 315 УК России следует, что злостность характеризует лишь неисполнение судебного акта, и ее наличие не требуется при воспрепятствовании его исполнению.

Наличие объективных обстоятельств, которые делают невозможным исполнение судебного акта, исключает уголовную ответственность по ст. 315 УК России.

¹ См.: Милоков С. В. Преступления против правосудия / С. В. Милоков. — СПб., 2000. — С. 62.

² См.: Галахова А. В. Преступления против правосудия / А. В. Галахова. — М., 2005. — С. 325.

³ См.: Спектор Л. А. Неисполнение судебного акта / Л. А. Спектор // Закон и право. — 2005. — № 2. — С. 28-31.

⁴ См.: Волженкин Б. В. Преступления против экономической деятельности / Б. В. Волженкин. — СПб., 2002. — С. 267.

как функционально-ориентированную, а также ориентированную на производство валовой продукции, как современную и даже как «мужскую» культуру производства. Основу этой культуры составляют тяжелый монотонный физический труд, выполняемый преимущественно мужчинами, и иерархическая система организации, в рамках которой женщина занимает наименее престижные низкооплачиваемые должности. Напротив, культура производства экономики, связанной со сферой услуг и информации, процессуально ориентирована, не имеет в своем распоряжении полного, окончательного контроля над установлением норм изготовления товарной массы и направлена не только на окончательный продукт, но также на способ его создания. Она обладает устойчивыми чертами коммуникативной и контекстуальной, постмодернистской, «женской» производственной культуры. Основу ее составляют творческий, развивающий труд, который выполняется как мужчинами, так и женщинами, и кооперативная организация, где женщины при необходимом уровне образования способны занимать ведущее положение.

Причем общество, в котором значительная часть человеческой активности представляется не взаимодействием человека с преобразуемой им природой, а отношениями между людьми, становится способным к более быстрому и сбалансированному развитию.

Социальный философ и социолог З. Бауман предполагает, что «в современном обществе поведение потребителя устойчиво движется к положению познавательного и морального центра жизни, интегративные связи общества – к центру системного управления. Это означает, что в наше время индивиды заняты, прежде всего, как потребители, а не как производители»³. В постиндустриальном обществе потребление становится центром

индивидуальной свободы. Свобода потребителя занимает основное место – связи жизненных миров и целенаправленной рациональности системы. Исчезает граница между реальностью, удовольствием и потреблением. «Для потребителя реальность – не враг удовольствия. Реальность, как ее переживает индивид, является погоней за удовольствием»⁴.

Так, постсовременная экономическая система укрепляет свои позиции: потребление освобождается от естественных преград, поставленных ограниченной возможностью материала или основных потребностей. Воспроизведение и устойчивость экономической системы обеспечивается через осуществление индивидуальной свободы в форме потребительской свободы.

В ситуации рынка именно через женские руки большей частью реализуется рыночно эффективная покупательная способность. Другими словами, женщины являются основными потребителями и, следовательно, именно на них возложена ответственность за воспроизводство существующей экономической системы. В постсовременном обществе они обретают статус полноправных экономических субъектов, который включает в себя и отношения потребления.

¹ См.: Козловски П. Культура постмодерна / П. Козловски. – М.: Изд-во «Республика», 1997. – С. 100.

² См.: Иноземцев В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения / В. Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 1997. – №10. – С. 29 – 44.

³ Bauman Z. Sociology and postmodernity / Z. Bauman // Sociological Review. – Keele, 1988. – P. 810; Цит. по: Современная западная социология: классические парадигмы в поисках новой парадигмы. К XII всемирному социологическому конгрессу. Мадрид, 1990 г. – М.: АН СССР, ИНИОН, Ин-т социологии, 1990. – С. 155.

⁴ Bauman Z. Там же. С. 156.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ В ХОДЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Ю.И. Калинина, заведующий отделением экономики и предпринимательства Колледжа предпринимательства и права

Анализ основных этапов развития представлений о системе «человек – природа» позволяет прийти к выводу, что в каждом конкретном историческом периоде человеческое общество специфически взаимодействует с окружающей средой и также

специфически отражает это взаимодействие в различных формах общественного сознания.

Философский анализ истории становления человеческого общества показывает, что в процессе эволюции существовали два типа стратегии соци-

ально-экономического развития – самоорганизационный и управляемый. До настоящего времени значимые преобразования происходили благодаря действию законов самоорганизации¹.

Первоначально сознание человека существовало в виде архаического мышления – самой ранней формы познавательного, опосредованного символами взаимодействия человека с природной и социальной средой. Особенности архаического мышления связываются с высокой степенью интегрированности индивида и природы, а также индивида и социального сообщества, личности и рода. В связи с этим природа населялась божествами, демонами и духами, а предок выступал источником всех предписаний и началом всех правил.

Взаимодействие человека с окружающей средой сводилось к изъятию природных ресурсов и передаче продуктов жизнедеятельности людей (отходов) в природу. Первобытная экономика была присваивающей, т.к. человек ничего не производил, а только изготавливал средства добычи или орудия присвоения. Социальным средством регуляции была общественная психология (подражание, уподобление)².

В результате возникновения первичного сознания происходило увеличение численности популяции человека, что привело к относительной перенаселенности, которая породила противоречие в рамках присваивающего хозяйства. Чтобы прокормиться, надо было развивать орудия труда, но это влекло еще большее истощение природных ресурсов. В результате произошло изменение способа хозяйственной деятельности, переход от присвоения готовых природных ресурсов к их производству. Первыми формами производящего хозяйства стали земледелие и скотоводство.

Неолитическая революция изменила все аспекты человеческой жизнедеятельности. В культурологическом плане был осуществлен переход от первобытного тотемизма и праимфологического фетишизма к язычеству, от праречи к устной вербальной коммуникации. В социологическом – переход от тотемно-племенной к ранней классовой организации общества. В техноэкономическом – переход от добычи и присвоения к производству³.

Изменились адаптивные способности человека, который не только приспособивался к внешним условиям, но и приспособивал окружающую среду к своим нуждам и потребностям. Одновременно постоянно вносил новшества в орудия труда, что свидетельствовало о том, что человек обладал способностью к познанию явлений окружающего мира, без которого нельзя было их сделать. Используя свою способность, человек увеличивал степень воздействия на окружающую среду, что привело к нарушению сформированного естественным отбором состояния биогеоценозов.

Важнейшей идеей этого времени в мифологии стала идея вечности единства человека и природы (которое понималось мифологическим мышлением как вечно повторяющийся, а не как развивающийся во времени процесс) и его вечное воспроизводство⁴.

Античная философия выразила взгляд, в соответствии с которым человек неотделим от природы, он – ее часть, и потому ее законы – это законы его собственной жизнедеятельности. Считалось, что познавать природу необходимо не для того, чтобы властвовать над ней, а для того, чтобы наслаждаться красотой и гармонией Вселенной, чтобы обрести свое место в мире, ориентироваться в нем. Как писал Платон, познавать природу следует для того, «чтобы мы, наблюдая круговращения ума в ней, извлекли пользу для круговращения нашего мышления, которое сродни тем, небесным [круговоротам]...»⁵.

Становление западной цивилизации является поворотным пунктом в истории отношений человека и природы.

Христианство с самого своего зарождения приводит к изменениям отношения человека к природе, что было связано, в первую очередь, с утверждением христианских представлений и догматов и среди них таких, как богоподобие человека, творение мира и человека Богом, божественное откровение, идея спасения. Субъективность при этом развивается в индивидуальную свободу, т.е. в выделенную из социального целого, и обогащается устремленной волей. Государство, уступая авторитету церкви, перестает быть абсолютным, а природа на основании божественного принципа вновь обретает единство и целостность, становится объективной.

На отношении общества к природе больше всего сказывается догмат о творении. Первоначально, когда благим представлялось лишь царствие небесное, а земной мир абсолютно лишался блага и истины, природа не имела для человека никакого значения, кроме как средства поддержания существования, а также символического воплощения отношений праведности, греховности, добродетелей и пороков. В этот период воля к Богу проходила исключительно через внутренний мир человека и состояла в совершенствовании души. Но воля в силу своей природы требует также практической реализации, утверждения вовне. Опору этому стремлению человек находит в священном писании, которое говорит о божественном творении мира и богоподобии человека и наставляет раскрывать свою божественную сущность. В христианстве «быть – значит становиться, совершенствоваться в бытии, т.е. яснее обнаруживать в себе божественную творческую энергию. А это значит – уподобляться Богу...»⁶.

Таким образом, активность воли начинает направляться на природу. Этому также способствует

теологическое требование познания Бога.

Природа в представлениях средневековья выглядела иерархической системой, стройной целостностью, космическим собором. Актом творения Бог наделил природу бытием, придал ей совершенство, но это бытие и совершенство природы остаются лишь в Боге. В результате природа приобретает в глазах человека уникальный статус: она есть свидетельство Бога и возможность его познания, в то же время человек, как подобный Богу, не связан в отношении ее совершенствования никакими ограничениями. Более того, как стоящий над природой, ее господин, он господствует над ней и несет ответственность за нее перед Богом. Таким образом, в средневековье, когда рабство становится невозможным, поскольку противно Богу, подготавливается перенос отношений «господин – раб» на природу.

Невероятный подъем человеческой свободы происходит в Новое время. Человечество вступило в эту эпоху с идеей создания Царства божьего на земле.

Идея создания Царства божьего на земле пришла в Новое время из средневековья, но ее содержание существенно изменилось. Если в Средние века Царство божье представлялось как церковь, да и то лишь в своей духовной ипостаси, то в Новое время обосновывается возможность его реального воплощения. Эта идея определила окончательный поворот воли к практической стороне, установила созидательную роль человека. Появление представлений о законах природы, по аналогии с законами, принимаемыми в государстве, способствовало рационализации наук⁷.

Важную роль в идее создания Царства божьего на земле играет природа, которая должна стать материалом, «сырьем» для ее осуществления.

Природа, сотворенная Богом, но отпавшая от него, лишена божественной благодати. Человек, как подобие божье, способен устранить этот недостаток. Христианское стремление быть подобным Богу даже обязывает его к этому. Совершенствование, улучшение природы повторяет акт божественного творения и позволяет человеку приблизиться к Богу. При этом совершенствование природы осуществляется из нее самой. Поскольку в ней есть и божественная сторона, и греховная, необходимо познать божественную, истинную часть и, утверждая ее, устранить греховную.

Представления о природе не выходили за рамки ветхозаветного сказания о сотворении мира, комментариев к Священному писанию и работ первоучителей христианства.

В Новое время свобода представляется, с одной стороны, как негативная – независимость, с другой – как произвол в удовлетворении всех потребностей, ограниченный только в отношении

других людей. Причем все дополняется идеей развития, в которой на индивидуальном уровне стремление к Богу заменяется стремлением к счастью, понимаемому как удовлетворение желаний. При этом, поскольку воля направлена вовне, реализуется практически как утверждение посредством человека божественного разума в природе, развитие приобретает характер неограниченного материального роста.

Разрыв между человеком и природой начинается с развитием производительного хозяйства. Природа начинает рассматриваться как лишенный святости сырой материал, кладовая ресурсов. А вместе с исчезновением ее почитания формировалась специфическая идеология покорения природы.

Г. Волков отмечает, что принципиально новый взгляд на взаимоотношения с природой, исподволь подготовлявшийся техническими провидениями Леонардо да Винчи, экспериментальными открытиями Галилея, интеллектуальным дерзанием Коперника, утверждается «вселенной Ньютона», философией Бэкона и Декарта и целой плеядой последующих естествоиспытателей и философов⁸. Этот взгляд состоит в том, что природа объявляется не храмом, созданным Богом от века и навсегда, и не просто источником средств существования, а мастерской, лабораторией, орудием, главное же, самим материалом, с которым можно экспериментировать, т.е. объектом конструирующей и реконструирующей мысли и дела. Природа – механизм, и она может быть познана и использована в качестве такового в производстве. Человек не только должен воспользоваться теми готовыми формами, которые ему предоставляет природа, но и сам может творить, как природа.

Выход идеи свободы на первое место и соответствующее возрастание значения средств ее достижения приводят к началу целенаправленной эксплуатации природы. В целом в Новое время статус природы определяется отношением к ней как к бесправной и безупречной исполнительнице человеческих желаний. Эксплуатация природы становится нормальной каждодневной деятельностью, а достижения в области покорения природы празднуются как победа над ее силами. Господствующая же форма свободы требует постоянного роста этой эксплуатации.

Таким образом, особенности современного экологического кризиса связаны с особенностями развития европейской цивилизации и вытекают из складывающихся в ее рамках отношений человека к природе. Эти особенности формируются в процессе развития человеческой субъективности.

В настоящее время мы видим всю ограниченность наших возможностей и понимаем необходимость соизмерять с ними свои действия. Челове-

чество подошло к началу самого трудного и опасного этапа переустройства своей экологической ниши, поскольку сталкивается с потребностью практического решения проблемы ресурсов, формирования распределения обязанностей и ответственности отдельных народов за судьбы человечества как единого целого.

Как подчеркивает Н.Н. Моисеев, первой задачей, встающей перед цивилизацией, является проблема оценки предельных нагрузок на природу, которые еще разрешены человеку⁹. Это означает, что человек должен знать границы тех воздействий на биосферу, которые не приведут к бифуркационным процессам для ее параметров, что может повлечь непредсказуемое изменение характеристик окружающей среды. В результате может возникнуть такая биосфера, где человеку места уже не будет. Такое требование и есть основная составляющая экологического императива.

Экологический императив – совокупность тех ограничений в активной деятельности людей, нарушение которых может обернуться для человечества самыми катастрофическими последствиями. Экологический императив выступает основой экологического сознания как сознания объективной необходимости считаться не просто с законами природы, но и с предъявляемыми с ее стороны «техническими условиями».

С развитием цивилизации на определенном ее этапе у всего человечества появляется некоторая общая цель – обеспечение условий экологического императива. Эта цель объективна в том смысле, в каком объективна цель любого живого сообщества – сохранение своего собственного гомеостазиса и гомеостазиса популяции в целом.

Решение проблемы ресурсов и реализация экологического императива тесно связаны между собой: это две стороны одной и той же медали. Они в разной степени определяют содержание кризиса и возможность сохранения человека в составе биосферы, т.е. его выживание на планете. Становится все более очевидным, что преодолеть надвигающийся кризис чисто техническими средствами невозможно.

Проблема экологического императива крайне многопланова. Обеспечение дальнейшего развития цивилизации и человека как вида требует глубокого понимания смысла экологического императива в качестве основы выбора стратегии Человечества.

Стратегия Человечества, по Моисееву – поиск качественно иного пути развития цивилизации, способного в конечном итоге обеспечить состояние коэволюции природы и общества¹⁰. Стратегия Человечества должна иметь две составляющие: технологическое перевооружение и преобразование самого человека, т.е. утверждение в сознании

людей новой нравственности как еще одного заслона против действия биосоциальных законов. Эти две стороны стратегии – два разных мира, их утверждение требует разного типа мышления, но они нераздельны. Ни одна из программ ничего не значит без другой. Технологические программы должны сопрягаться с программами социальными. В противном случае технологические усовершенствования могут привести к дополнительным и очень опасным напряжениям.

В.И. Данилов-Данильян и К.С. Лосев отмечают, что «экологический императив определяет четыре основные задачи, решение которых обеспечит переход к устойчивому развитию: сохранение уцелевших и восстановление до уровня естественной продуктивности ряда деградировавших экосистем, рационализация потребления, экологизация производства и нормализация численности населения»¹¹.

С появлением способности человека к управлению как целенаправленной осознанной деятельности возникает совершенно новый фактор эволюции, который позволяет заменять отбор выбором, и происходит формирование особой сферы материального мира, называемой «ноосферой»¹².

С точки зрения изменения отношений «человек – природа», следует говорить о необходимости перехода от природопользования к коэволюции, от ресурсной к биосферной модели развития. Чтобы выжить и устойчиво продолжать развитие, необходимо изменить себя. На это обратил внимание Н. Винер, один из основоположников кибернетики: «Мы столь радикально изменили нашу среду, что теперь для того, чтобы существовать в этой среде, мы должны изменить себя»¹³. Понятно, что такие изменения должны происходить не стихийно, а целенаправленно, и главным механизмом управления переходом к устойчивому развитию может стать нравственный, гуманный разум всего объединенного человечества.

Концепция ноосферогенеза оказывается более содержательной, если приоритетное место отводится целевой ориентации модели устойчивого развития и оптимального управления им. В соответствии с этим в более широком плане ноосфера (сфера разума) видится как общецивилизационная сфера управляемой, перешедшей на модель устойчивого развития – цивилизации, в которой будут обеспечены приоритеты экогуманизма, нравственного разума интеллектуально-духовных ценностей по сравнению с материально-вещественными, созданы условия коэволюции человека, общества и природы, всеобщей безопасности. А.Д. Урсул подчеркивает: «Ноосфера обладает духовно-информационной и рационально-нравственной сущностью, здесь информация как ресурс развития должна иметь приоритет над веществом и энергией, со-

знание – над социальным бытием, а интеллектуальные процессы должны опережать материальные»¹⁴.

В.А. Лось отмечает, что анализ современной экологической ситуации ведется по нескольким направлениям, пересекающимся, естественно, друг с другом: философско-методологическое рассмотрение существа проблемы взаимоотношения человека и среды его обитания; выявление естественнонаучного и технологического содержания экологической проблематики; вычленение ее социально-экономических аспектов; изучение идеологического контекста современной экологической ситуации; выявление ее прогностических тенденций и др.¹⁵

Анализируя сказанное выше, можно сделать следующие выводы. Мировоззрение претерпевает свои изменения от понятия «человек – венец творения», который может безнаказанно эксплуатировать природу, к понятию «коэволюции», когда человек должен жить в гармонии с природой. Навыки жизни в гармонии с природой не сразу будут приняты обществом, так как утрачены умения гармоничного общения с природой. Необходимо выработать новый характер взаимоотношения людей между собой и природой. Все это станет возможным, если уделить внимание формированию нового мировоззрения человека, экологического императива, новой нравственности, а вместе с тем и изменениям внутреннего мира человека. Внутренний духовный мир человека должен превратиться в его основную ценность. Это позволит избежать

глобального экологического кризиса и сохранит вид homo sapiens на планете.

¹ См.: Костарев С. В. Самоорганизация и управление природопользованием (философские аспекты): монография / под ред. А. Д. Урсула. – Омск, 1999. – 176 с.

² Там же.

³ См.: Вильчек В. М. Прощание с Марксом: (Алгоритмы истории) / В. М. Вильчек. – М., 1993. – С. 43.

⁴ См.: Калинина Ю. И. Гармония человека и природы в мировых религиях // Актуальные проблемы управления: теория, методология, культура, модернизация, ресурсы: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Ч. 2. – Омск, 2004. – С. 30-34.

⁵ Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. / Платон. – М., 1971. – С. 488.

⁶ Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и Новое время / А. В. Ахутин. – М., 1988. – С. 325 с.

⁷ См.: Козловский П. Общество и государство: неизбежный дуализм / П. Козловский. – М., 1998. – С. 76.

⁸ См.: Волков Г. «Экологический кризис» и социалистическое природопользование / Г. Волков // Коммунист. – 1976. – № 12. – С. 33-43.

⁹ См.: Моисеев Н. Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 32-45.

¹⁰ См.: Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. – М., 1998. – 480 с.

¹¹ Данилов-Данильян В. И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев. – М., 2000. – 416 с.

¹² См.: Урсул А. Д. Путь в ноосферу: Концепция выживания и устойчивого развития человечества / А. Д. Урсул. – М., 1993. – 275 с.

¹³ Винер Н. Кибернетика и общество. – М., 1958. – С. 58.

¹⁴ Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию: Ноосферная стратегия. – М., 1998. – 500 с.

¹⁵ Лось В. А. Человек и природа: социально-философские аспекты экологических проблем / В. А. Лось. – М., 1978. – С. 13.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ЦЕННОСТЬ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

С.В. Костарев, заведующий кафедрой философии Омского юридического института, доктор философских наук, доцент

Реализуемая в современной России ресурсная экономика ставит неизбежный вопрос: кому же принадлежит и кто имеет право пользоваться тем, что нас окружает, как оценивать природные объекты, непосредственно не вовлеченные в сферу человеческой активности. Без ответа на этот вопрос не представляется возможным рассчитывать на эффективное функционирование экономики в интересах населения.

В настоящее время используются несколько подходов в определении собственника и ценности природных объектов. Причем «природные объек-

ты» – это не только непосредственно используемые в экономике ресурсы (нефть, газ, лес и т.д.), но и те элементы окружающего нас мира, которые создают условия для жизни на Земле. А «ценность» рассматривается как способность удовлетворять разнообразные потребности – и коммерческие, и естественные.

В соответствии с одним подходом считается, что все, в том числе и природные объекты, может находиться в частной собственности (наиболее характерна частная собственность на землю). В этом случае собственник извлекает доход за счет обладания ре-

сурсами, причем не столько эксплуатируя их, сколько передавая в пользование другим. Собственник заинтересован в том, чтобы объект, которым он обладает, приносил наибольшую выгоду, а следовательно, стремится повысить арендную плату и снизить заработную плату работникам, нанятым для его обработки. По сути, частный собственник желает при минимальном использовании ресурса получить максимальную плату. Для него объект выглядит «ценным», но потенциальная ценность объекта, которая может формироваться за счет вовлечения в общественные отношения, занижается и не приносит пользы для общества.

Таким образом, земля и все природные объекты, не являясь произведением человеческих рук, имеют цену, которая определяется не стоимостью производства или объемом вложенного труда, а стремлением частного собственника получить наибольшую выгоду, что сводится к непомерному повышению арендной платы и ведет к спекуляции, т.е. к получению нетрудового дохода.

Возникает вопрос, на каком основании то, что не создано никем и является основой жизни всех людей, принадлежит конкретному субъекту хозяйственной деятельности, и почему этот субъект может получать доход, не создавая ничего. Поиски ответа постоянно становятся основанием для сильных общественных потрясений, в том числе и в истории России.

Другой подход говорит о том, что природные ресурсы являются достоянием многих (общественной собственностью), и что они могут только передаваться в аренду (временное пользование), доход от которой используется для удовлетворения потребностей общественного собственника. Интерес общественного собственника, в качестве которого может выступать локальная группа или крупная общность, может быть различным: от получения прямого дохода от арендной платы до привлечения дополнительного количества людей к общественному производству. Но в случае простой аренды арендатор заинтересован в извлечении максимальной прибыли для себя за счет безмерной эксплуатации ресурсов, находящихся в его пользовании, и мало заинтересован в их улучшении, а следовательно, и в увеличении их ценности. Другими словами, арендатор не заинтересован в сохранении и развитии объектов природы. Все его вложения в дополнительное улучшение (коммуникации, строительство, активный маркетинг) не имеют для арендатора достаточного интереса, так как в отношениях его с общественным собственником зафиксировано только временное использование объекта, а следовательно, все вложения рано или поздно перейдут от арендатора к собственнику.

Третий подход реализуется в концепции частного владения природными объектами, основан-

ной на идеях Генри Джорджа, сформулированных еще в позапрошлом веке¹. Анализируя право собственности на различные компоненты капитала, он сделал следующие заключения. Природные объекты не созданы людьми, но являются незаменимым веществом для обеспечения жизни человека. «Никакое поколение не может считать своим этот мир или какую-либо его часть. Он создан не людьми, и люди являются лишь его временными обитателями»². Труд, который осуществляется производителем, заключается в преобразовании и перемещении природных ресурсов и объектов. Люди не могут творить из ничего, но трудом создается богатство (за счет увеличения ценности вовлекаемых объектов). Однако ценность природных объектов определяется не количеством вложенного труда и не стоимостью производства, а наивысшей ценой, которую может кто-то предложить за привилегию пользоваться ими. Таким образом, собственник не может повышать цену по своему усмотрению. Но территория, вовлеченная в поле общественной активности, получает добавочную ценность улучшений – ценность, которая возникает вследствие роста и прогресса общества.

Действительно, сейчас земля на территории крупного города ценится существенно выше, чем земля пригорода или рядом расположенного сельскохозяйственного угодья. Очевидно, что эта ценность определяется не природным качеством, которое, несомненно, лучше на неурбанизированной территории, а той активностью городской жизни, которая позволяет извлекать существенную прибыль на небольшой территории, причем эта прибыль формируется за счет оказания услуг и не является следствием эксплуатации природных объектов.

Итак, проблема собственности на природные объекты распадается на три аспекта: кому должно принадлежать природное богатство, кому – ценность улучшений, а кому – продукты труда. Г. Джордж считал, что человек обладает абсолютным и неотчуждаемым правом на самого себя, на свой труд и продукты труда, и, кроме того, все люди имеют равные права пользоваться природными богатствами, а общество имеет право владеть тем, что производит. Отношения собственности при таком подходе можно выстроить следующим образом.

Природные богатства принадлежат всем сообществу, причем выделяются богатства общемирового, государственного, регионального и местного уровней. Разделение на уровни пока остается нерешенной задачей, так как возникают методологические парадоксы. Например, кто должен нести затраты по обладанию общемировыми богатствами – сообщество, на территории которых располагаются эти объекты, или мировое сообщество, пользующееся ими. Особенно актуально решение этого

вопроса для Сибири, так как, обладая большими общемировыми природными богатствами (болота, леса, озеро Байкал и т.д.), она может стать либо объектом мировой помощи, либо нести ответственность за воздействие на природные объекты и за пользование ресурсами.

Но, как указывалось ранее, человек и объединения людей трудятся на территории, создавая на ней продукты своей деятельности, а также улучшая свойства природных объектов и меняя их ценность. Причем один и тот же природный объект сам по себе и вовлеченный в поле общественной активности, не изменяясь по существу, меняет свою ценность за счет общественной деятельности, и обогащаться должно общество, располагающее этим объектом.

В качестве иллюстрации идеи можно сравнить подход к использованию природных ресурсов, сложившийся в России сейчас, и тот, который может послужить эффективному прогрессивному росту народного благосостояния.

По действующему законодательству, добываемый ресурс принадлежит тому, кто его извлек из недр Земли. Естественно, что, получив сырье в собственность практически без затрат, добывающий субъект не заинтересован в вовлечении этого сырья в процесс глубокой переработки, т.к. это даст заведомо более низкий коэффициент прибыли/вложения по сравнению с простой продажей. Таким образом, отдавая в частную или корпоративную собственность практически бесплатно общественное богатство, государство как общественный субъект не только теряет ресурс, но и не развивает трудозатратную отрасль промышленности, лишая свой народ имманентного права на труд и фактически отбирая родовое богатство общества в угоду частному предпринимателю.

Более справедливым способом по отношению к людям, населяющим страну, будет следующий. Сырье принадлежит обществу, а добывающий его субъект получает право на его использование. В этом случае предпринимателю абсолютно невыгодно торговать необработанным ресурсом, потому что он будет вынужден вернуть весь доход за минусом издержек на реализацию обществу в виде ренты. Появляется естественное, рыночное желание реализовать свою привилегию на добычу в прибыль от переработки, т.е. создать трудом продукт, а продукты труда принадлежат человеку, который их произвел, и не могут экспроприироваться, и весь доход от их использования должен оставаться у него. Так уравниваются интересы общества, обладающего природной системой, и интересы индивидуума, который трудится на его территории.

Итак, земля и другие природные богатства не могут являться частной собственностью, так как

они не созданы человеком, но в частной собственности могут и должны находиться продукты труда. Именно такой подход позволит по-иному взглянуть на проблему вовлечения природных объектов в хозяйственную деятельность общества, которое будет предоставлять их в частное владение, получая взамен ренты как форму платежей за право пользования, а не налог как отчуждаемую часть дохода. В этом случае отношение пользователя к переданному объекту основывается не на безраздельной частной собственности и праве распоряжаться «своим» объектом, делясь с обществом получаемым спекулятивным доходом, а на владении объектом, за что вполне естественно платить обществу, предоставившему хозяйствующему субъекту такое право.

Проблема реализации предложенного метода в большинстве государств осложняется тем, что сейчас в различных странах практически нет природных объектов, не отнесенных к чьей-либо собственности. Как следствие существует проблема передачи обществу объектов, уже находящихся в частной собственности, и эта проблема имеет различный способ решения для разных территорий, но решение заключается не в изъятии земли, а в восстановлении естественного права всех людей на природные богатства. При этом передача должна осуществляться не в интересах какой-либо социальной группы, работающей на передаваемой территории, не путем равномерного распределения между всеми членами общества права собственности на пропорциональную часть ресурса, а в интересах нынешних и будущих поколений людей. Подобный интерес может быть удовлетворен, если обществу будут принадлежать все доходы, получаемые в результате улучшений, возникающих за счет его деятельности, тем самым обеспечивая общественный прогресс не путем ограбления народа, а предоставлением выгодных условий для увеличения эффективной деятельности.

В отечественной истории реализовывались различные способы перераспределения прав на землю – комплексного природного объекта. Были и завоевания территории, находящейся в собственности других государств, был и захват относительно свободной земли, т.е. не отнесенной к какому-либо государству, была и управляемая государством передача земли в частную собственность, а последний крупный передел произошел при реализации коммунистической идеи, в соответствии с которой все природные ресурсы должны принадлежать единому общественному собственнику – советскому народу. Фактически это позволило в неэффективной экономике добиться существенных достижений в развитии страны. Но кроме ценности природы, которая обеспечивала наши общие потребности, необходимо было развивать и повы-

шать ценность улучшений территории, что оказалось невозможным в СССР в большинстве случаев, т.к. не реализовывалось два других права: права общности на обладание улучшениями и права личности на продукты своего труда. Восстановление этих прав и следует произвести сейчас, при этом необходимо сохранить равное право всех граждан на природные богатства.

Россия в настоящее время находится в уникальной ситуации, так как пока фактически не появилось частных собственников на природные объекты, за исключением добываемых природных ресурсов, целесообразность приватизации которых тоже вызывает сомнение. Сейчас можно ввести предлагаемые отношения собственности и права владения, практически не ущемляя интересов социальных групп, но существует желание потенциальных владельцев обладать ресурсами, и это усложняет введение соответствующих правовых норм.

Дилемма имеет философское звучание, т.к. надо выбрать направление развития нашего общества: либо мы реализуем право личности обладать тем, что ей досталось в качестве «бонуса», либо право общества иметь то, что ему принадлежит от природы в результате исторического процесса. В первом случае выигрывает частный собственник, и общество развивается в его интересах, во втором случае природные богатства распределяются справедливо и равномерно, а общество получает дополнительные ресурсы для собственного развития в направлении увеличивающейся кооперации.

При реализации описанного подхода к распределению права владения природными ресурсами очень важна правильная первоначальная оценка любого природного объекта, так как в результате именно она дает базу для определения его ценности и ренты. Оценка природных объектов можно проводить, опираясь на различные принципы. Например, отдельно оценить рыночную стоимость всех ресурсов, входящих в объект, а затем просуммировать и получить оценку целого объекта. Именно такой подход чаще всего и предлагался для внедрения в новой России, и для его реализации разрабатывалась система комплексных территориальных кадастров природных ресурсов (КТКПР)³. Кадастр представлял собой свод данных о природных ресурсах и объектах, необходимых для социально-экономической оценки природно-ресурсного потенциала территории. В системе КТКПР, помимо общих для всей страны показателей, вводились частные характеристики территорий и местные экологические условия, которые должны были придать уникальность и комплексность получаемым оценкам. Несмотря на это, главная суть кадастра сохранялась — это учет и обеспечение мониторинга, а также вторичное использование накопленной

информации в управлении природопользованием, например, в процедуре государственной экологической экспертизы или в процессе расчета платы за использование территории. При разработке кадастров должны были оцениваться километры, гектары, штуки, тонны и т.д., а цели произвести комплексную оценку и выразить результат в денежной форме не ставилось. Таким образом, заявляя КТКПР как основу системы управления природопользованием, разработчики выделили только одну функцию управления — гносеологическую (познавательную), которая является важной, но не единственной. Оценочная (аксиологическая) функция практически не рассматривалась.

Такой подход не мог удовлетворять требованиям конкретных субъектов управления, которые воспринимали и воспринимают кадастр как желательный, но не обязательный элемент, причем огромные средства, которые необходимо было затратить для детального покомпонентного изучения элементов окружающей среды, ничем не компенсировались.

Другой подход к оценке природных объектов опирается на теорию предельной полезности, разработанную Е. Бем-Бавериком, В.С. Джевонсом, К. Менгером и их последователями⁴. Суть теории в том, что мерой ценности материальных благ выступают не труд, не рабочее время и не издержки производства, а величина пользы, приносимой человеку. Определять цену в этом случае следует не расчетным или абстрактным путем, а в результате субъективной оценки. И если для товаров, которые являются продуктами труда, субъективная оценка дополняется объективной стоимостью затрат на производство, то для природных объектов категория полезности выступает как единственная, что доказывается опытом применения денежной оценки.

Если следовать теории полезности, то богатство — это то, что легко передаваемо, существует в ограниченном количестве и полезно. Таким образом, природные объекты не всегда относились к категории «богатство», например, атмосферный воздух в обычных условиях вряд ли раньше можно было считать ограниченным по количеству. Но в настоящее время подход к оценке природных ресурсов меняется. Считается, что ресурсы (в том числе и восстанавливаемые) — ограничены. Объясняется это возникшей диспропорцией между возрастающими потребностями увеличивающейся популяции людей и способностью биосферы восстанавливать нарушенный баланс. Возникает проблема обеспечения управляемого доступа к природным объектам и ограничения воздействия на них. В этом случае приведение экологической составляющей к денежной оценке оправдано тем, что она может быть использована экономистами при расчете эффективности того или иного инвестиционного про-

екта, что в свою очередь наиболее понятно для управленцев выразит итог их деятельности.

В настоящее время определение цены объекта формируется рыночным способом, т.е. согласованием спроса и предложения, что в силу целого ряда причин дает постоянные сбои (провалы). В результате формируется цена, не отражающая истинные социальные издержки и выгоды использования ресурсов, что приводит к неэффективному их использованию. Другой важной причиной ущерба окружающей среде служат провалы в экономической политике, проводимой как в стране, так и на конкретной территории. Примером может служить чрезмерное субсидирование потребляемых ресурсов, что обязательно ведет к их расточительному использованию. Так, низкая цена на воду для населения в России компенсируется путем субсидирования ее поставщика, чем у него порождается интерес к увеличению объема затрат ресурса, и при этом потребитель никак не реагирует на незначительное увеличение платы.

Чтобы компенсировать провалы рынка, применяются специальные методы формирования стоимости природного объекта⁵. При этом считается, что совокупный капитал территории состоит из трех частей: искусственно созданный капитал, который может меняться по усмотрению людей; природный капитал, который включает в себя ограниченные ресурсы биосферы, необходимые для обеспечения жизни и вовлеченные в общественный процесс; человеческий капитал, включающий в себя знания и умения населения. По данным Всемирного банка, в развитых странах антропогенный и природный капитал соизмерим между собой, но меньше чем человеческий. В России же природный капитал существенно больше, но не используется в оценке совокупной ценности территории. Таким образом, мы себя не только «недооцениваем», но и искажаем результаты анализа территорий и проводим неверную экономическую политику. В результате регионы, не обладающие природными ресурсами, живут и процветают за счет якобы дотационных территорий.

Денежная оценка природных объектов наиболее интересна в том случае, когда прямой рыночной цены у объекта не существует. Например, особо охраняемая природная территория – городской

природный парк. Естественно, что кадастровый подход позволит оценить состав и количество ресурсов, располагающихся в парке, и даже можно подсчитать, сколько это будет стоить, если их продать на сложившемся рынке. Но совершенно очевидно, что полученная выгода не будет соответствовать той ценности, которой обладает парк в субъективной оценке жителей. Метод денежной оценки с помощью определенных технологических приемов позволит получить другую величину, которая будет характеризовать конкретное «богатство» города. Обладание ценностью будет вынуждать властные структуры «заботиться» о ней, и траты на ее содержание и развитие перестанут восприниматься как потерянные, и появится надежда на сохранение тех природных объектов, которые в сложившихся «рыночных» условиях непривлекательны для продавцов.

Таким образом, необходимо считать ценными все природные объекты, а не только вовлеченные в производственную или иную деятельность людей. При этом правильная оценка природных объектов увеличивает богатство того общественного образования, которое обладает ими, и при рациональной организации пользования сулит большие выгоды как в форме получаемой ренты, так и в форме обладания ценностью. В конце концов, человек окружает себя ценностями не только для того, чтобы их выгодно продать, но и для того, чтобы получать пользу от окружающего мира, который служит источником жизни.

¹ См.: Джордж Г. Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Средства избавления / Г. Джордж. – СПб., 1896. – 662 с.

² Джордж Г. Земля для народа / Г. Джордж. – М., 1905. – С. 11 – 12.

³ См.: Сборник нормативно-методических документов по формированию федеральной системы комплексных территориальных кадастров природных ресурсов. – М., 1994. – 88 с.

⁴ См.: Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ / Е. Бем-Баверк. – СПб., 1903. – 212 с.; Джеванс В. С. Политическая экономия / В. С. Джеванс. – СПб., 1905. – 120 с.; Менгер К. Основания политической экономии. Общая часть / К. Менгер. – Одесса, 1903. – 278 с.

⁵ См.: Экономическая оценка проектов и направлений политики в области окружающей среды : Практическое руководство. – OECD, 1996. – 134 с.

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

ДЕЛОВАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

Г.Г. Бабалова, заведующий кафедрой иностранных языков Омского юридического института, кандидат филологических наук, доцент

«Деловой стиль – это совокупность языковых средств, функция которых – обслуживание сферы официально-деловых отношений, т. е. отношений, возникающих между органами государства, между организациями или внутри них, между организациями и частными лицами в процессе их производственной, юридической деятельности»¹.

Исходя из данного определения, можно сказать, что сфера применения деловой речи может быть представлена как широкая сеть актуальных официально-деловых ситуаций и как набор соответствующих жанров документов.

Для обеспечения научного, технического и учебного общения в условиях научно-технического прогресса необходима обработка специальных текстов, документов малых деловых жанров (рефераты, патенты, стандарты). В то же время существует много видов деловых документов: технические инструкции, технические условия, технические рекомендации, технические описания, паспорта машин, типовые проекты, памятки, нормативно-справочная документация, технологические карты и т.д.

В настоящее время типология научных, технических и организационно-распорядительных текстов – одна из неразработанных областей знания. Типология документов может быть как внеязыковой, так и собственно-лингвистической.

В лингвистике принято противопоставлять два типа текстов: информативный (научный, деловой) и экспрессивный (публицистический, художественный). Принадлежность деловой речи к первому типу объясняет некоторые ее особенности и, прежде всего, ее стилистический характер. Как отмечает В. Д. Левин, «предельная информативная предназ-

наченность делового текста находит свое отражение в стремлении пишущего к максимально строгому и сдержанному характеру изложения, а тем самым и в стремлении к использованию стилистически нейтральных и/или книжных элементов»².

Каждый деловой документ имеет практическое назначение, несет соответствующую смысловую нагрузку, преследует конкретную цель, т.е. решает свою функциональную задачу. В то же время каждый документ содержит в себе элемент информативности и по существу является информационным, иначе говоря, выполняет информационную функцию.

Теория прикладных задач невозможна вне участия в конкретных разработках. Разработка прикладных задач невозможна вне их прагматики (назначения системы, типа потребителя, характера ситуации). По этой причине ученые-лингвисты предпринимают попытки стандартизации и унификации текстов документов, описывают текстовые и языковые нормы делового стиля.

Текстовые нормы регламентируют построение текста документа. Они регулируют закономерности реализации семантико-информационной структуры и правил линейного развертывания схемы жанра документа как особого семиотического феномена, т. е. определяют семантическую и формальную организацию текста документа и его частей. Текстовые нормы документов, как отмечают авторы учебника «Культура русской речи»³, можно различать по степени жесткости / гибкости организации; в зависимости от того, фиксируют ли указанные нормы такие признаки как а) набор параметров (реквизитов), б) их последовательность, в) пространственное расположение. Параметр жесткости / гибкости текстовых

норм разработан А. Б. Пеньковским и Б. С. Шварцкопфом и доложен на научно-методической конференции филологического факультета Университета дружбы народов им. П. Лумумбы в 1977 г. в сообщении «О трех типах текста-образца»⁴.

Первый тип текста представляет собой образец-матрицу. Для образца-матрицы существенной является фиксированная организация постоянных элементов содержания в таких типах текстов, как готовые бланки справки или анкеты: в них на первый план выступает роль пробелов для обозначения переменных элементов в тексте. Иначе говоря, составление таких документов пишущим резко ограничивает его свободу: ему в принципе приходится не сочинять текст документа, а отвечать на вопросы (как в анкете) или заполнять графы (как в справке или, в менее явном виде, в доверенности). И с точки зрения трудности составления документа образцы-матрицы требуют от пишущего минимума усилий, постоянно прямо указывая на то, что и где он должен писать.

Второй тип текста представляет собой образец-модель. Он демонстрирует больший (по сравнению с образцом-матрицей) уровень гибкости нормы, большую свободу – при фиксированности двух основных параметров текста: а) набора основных реквизитов и б) их последовательности. Но и здесь форма документа достаточна жестка.

И как раз к текстам типа образца-модели относится большая часть разновидностей деловых писем. Для них, в частности, характерно размещение текста письма на бланке; тем самым оказываются сообщенными такие реквизиты, как полное и краткое наименование организации-адресанта, ее почтовый адрес, номер телефона, дата подписания и/или отправки документа.

Третий тип текста представляет собой образец-схему. Это наименее жесткий тип организации документа, характеризуемого только одним параметром: а) фиксированности набора основных реквизитов, причем чаще всего имеет место употребление реквизита в качестве начального элемента, определяющего сам тип текста.

Иначе говоря, характер действия текстовых норм определяется характером организации текста документа. Степень свободы выбора в процессе составления (построения) пишущим текста документа обратно пропорциональна степени фиксированности параметров (реквизитов). На одном полюсе здесь предел жесткости организации текста – фиксация переменной информации как заполнение пробела, на другом – предел степени свободы организации текста – обязательность лишь «шапки» документа⁵.

Однако форма делового письма выступает лишь в качестве рамки, в которой происходит языковое наполнение документа. И особенности официально-делового стиля обуславливают употребление специальных языковых средств (как лексических, так и грамматических), образующих относительно замкнутую

систему деловой речи. Так, в языке деловых писем широко используются такие лексические средства:

– однозначная и безобразная негерминологическая лексика;

– канцеляризмы – языковые средства, употребление которых нормы литературного языка ограничивают сферой деловой речи;

– штампы, словесные клише и устойчивые словосочетания, носящие книжный характер;

– сложные отыменные предлоги, выражающие стандартные аспекты содержания;

– различного рода аббревиатуры и сокращения.

В области синтаксиса необходимо выделить такие особенности:

– преобладание сложноподчиненных предложений с придаточными и с выражающими логические отношения союзами;

– широкое использование пассивных глагольных конструкций;

– наличие большого числа герундиальных и причастных оборотов;

– наличие модальных и безличных конструкций;

– построение изложения от первого лица множественного числа.

Более того, анализ показал, что характер деловой ситуации в значительной степени влияет на языковое наполнение писем: чем официальнее деловая ситуация, тем строже соблюдаются языковые нормы, тем шире используются клише и устойчивые словосочетания, тем очевиднее процесс унификации.

Лингвистический анализ деловой документации обычно проводится отдельно по уровням, т.е. на фонетическом, морфологическом, лексико-семантическом. При этом лексико-семантический анализ документации не должен ограничиваться специальной терминологией, а включать в себя также другие типы слов и словосочетаний, участвующих в построении текста.

Статистический анализ лексики должен вестись на базе реальных словосочетаний. Таким образом, для того, чтобы ответить на вопрос «Что такое язык документов?», необходимо разработать специальные грамматик, словари и семантические представления.

«Основной корпус фундаментальных исследований, проводимых в недрах прикладной лингвистики, в конечном счете, составляют описание и моделирование грамматической, семантической и синтаксической структуры научных, технических и организационно-распорядительных документов, создание их словарей. В частности, построение формальных моделей текстовых данных является, по существу, уже пограничной областью между собственно теоретической лингвистикой и прикладными исследованиями. Сам тип модели, в особенности если она эксплицитно формализована, указывает обычно и пути алгоритмизации»⁶.

Отсюда следует, что для того, чтобы решить ту или иную конкретную прикладную задачу в сфере техни-

ческой или деловой документации, необходимо детально описать тексты этих документов, их структуру, грамматику, лексику, семантику, выявить статистическую структуру текста, построить семантические представления для документов этого типа. Немаловажен также и факт наличия частотного словаря.

Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. – М., 1998. – С. 221.

² Левин В. Д. О некоторых вопросах стилистики / В. Д. Левин // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 78-86.

³ См.: Культура деловой речи. – С. 121.

⁴ Там же. – С. 118.

⁵ Там же. – С. 221.

⁶ Герд А. С. Лингвистическая теория и реализация прикладных задач / А. С. Герд // Теория и практика научно-технической лексикографии и перевода. – Горький, 1990. – С. 4-9.

¹ Культура русской речи : учеб. для вузов // под ред.

КОНТРОЛЬ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И ФОРМЫ ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ

Н.Н. Горбунова, старший преподаватель кафедры иностранных языков Омского юридического института

Контроль в обучении иностранным языкам – многогранная и всегда актуальная проблема, которая становится, пожалуй, еще более актуальной, когда речь идет о коммуникативном методе, своеобразно трактующем сущность контроля на занятии по иностранному языку. Не отрицая довольно подробно и аргументированно описанных традиционной методикой обучающей, диагностической, стимулирующей и прочих функций контроля, следует, видимо, констатировать, что настало время, когда нужно посмотреть на проблему контроля с другой стороны. Поворот к новому пониманию сущности контроля наметился в 70-е гг. XX в., когда ученые признали, что от «развернутого внешнего контроля следует постепенно переходить к контролю свернутому, носящему пусковой характер, т.е. приводящему в действие самоконтроль учащихся»¹. Ф.М. Рабинович также высказывается за «скрытый контроль, осуществляемый на основе непроизвольной формы внимания и органично вплетаемый в канву общения»², хотя и не отрицает необходимости использования в учебном процессе «открытого, откровенного» контроля.

Критично высказывается по проблеме контроля Е.И. Пассов: «Контроль в том виде, как он существует на практике, не только не является продуктивным организованным моментом обучения, звеном или методом (как его иногда называют), но и приносит значительно больше вреда, чем пользы»³. Он справедливо отмечает недостатки традиционного контроля, называя его, по сути, агрессивным и видя в этом его основное зло. К существенным недостаткам он относит также субъективность, отрицательное влияние контроля в существующих в настоящее время формах на психологическое состояние обучаемых, на отношения их с

преподавателями, на организацию урока и т.п.

Если посмотреть на учебную деятельность с точки зрения психолога, нетрудно заметить, что мотив ее далеко не всегда совпадает с целью обучения: «Нашего студента заставляет делать упражнения не потребность научиться чему-то, а опасение того, что в противном случае, в неучебном поведении, имеющем для него личную значимость, ему не достигнуть успеха»⁴, т.е. «состояние тревожности». Не секрет, что некоторые первокурсники, осознав к концу первого семестра механизм допуска к экзаменам, начинают более старательно заниматься и иностранным языком как одним из предметов, без зачета по которому они не будут допущены до экзаменов.

Учебная активность, развивающаяся на основе интереса, не имеет границ в смысле перспективы развития. Познавательная потребность, когда она удовлетворена, выдвигает все новые задачи. Учебная же активность, которую движет состояние тревожности, малопродуктивна и ограничена в перспективе. В этом случае особое значение имеет так называемое латентное, неосознанное научение, когда человек не воспринимает свою работу как явно учебную и не осознает в полной мере её результата. Помочь нашим обучающимся снизить уровень тревожности, сделать процесс учения более привлекательным, а в отдельных случаях выработать новый мотив – интерес, мощную движущую силу учения, делающую этот процесс осознанным и более перспективным – в этом, вероятно, и состоит смысл современного подхода к контролю как методическому феномену.

В своей практической работе кафедра иностранных языков Омского юридического института придает контролю большое значение, считая обрат-

ную связь важным параметром своей деятельности. Это и текущая обратная связь – немедленное сообщение результата, и итоговая – по окончании работы над одним или несколькими циклами⁵.

Следующие рассуждения касаются, в основном, текущей обратной связи. Очевидно, что если мы действительно хотим придерживаться принципов коммуникативной методики (а это – речевая направленность, личностная индивидуализация, функциональность, ситуативность, новизна), то нужно отказаться от мысли о необходимости дальнейшего ужесточения контроля и изобретения новых приемов открытого контроля.

Суть нашего подхода к данной проблеме заключается в том, чтобы обратиться к научению, а не контролю. Поэтому мы стараемся планировать свои занятия так, чтобы смысл их заключался не в контроле, а в тренировке, чтобы все «...возможности личности учащихся – волевого, интеллектуального и эмоционального характера были направлены при этом не на преодоление испытания, а на осуществление положительной, содержательной деятельности, т.е. на общение»⁶.

Сам контроль остается при этом почти незаметным для обучающихся, скрытым для них, но не для преподавателя⁷.

Такого эффекта удастся достичь, в основном, на этапе формирования речевого умения. Но и на других этапах работы над циклом предпочтение отдается тренировке, а не пространным теоретическим рассуждениям о языковых явлениях, проверяются не столько языковые знания, сколько навыки и умения.

При этом контроль не является самоцелью, его результаты мы рассматриваем как отправную точку для дальнейшей работы, т.е. он, как и все виды деятельности на занятии, должен работать на общую цель. Например, проверка знания лексики цикла на этапе подготовки к итоговому монологическому высказыванию не превращается в поголовное индивидуальное «выспрашивание», не согласованное с общим планом и целью занятия, она может быть лишь одной из ступенек на пути к полноценной систематизации лексического, грамматического и смыслового материала темы. На занятии, целью которого является развитие речевого умения на материале изученного цикла, это может быть, например, составная часть такой последовательности: обратный перевод словосочетаний (набор их тщательно продумывается, чтобы «бить прямо в цель») – вопросно-ответная беседа с использованием этих же групп слов – связный рассказ по цепочке с помощью опорных слов (дается начало предложений) и функционально-смысловых таблиц и, наконец, самостоятельные монологические высказывания без зрительной опоры, которые могут далее варьироваться с изменением ситуации.

Отдельно следует сказать о домашнем задании, поскольку от правильного понимания преподава-

телем его смысла зависит и умение организовать контроль на следующем занятии, построить его методически грамотно. При коммуникативном подходе к обучению домашнее задание должно отвечать определенным требованиям, которые Е.И. Пассов формулирует таким образом: «Оно должно: 1) иметь речевую направленность; 2) быть конкретным; 3) подытоживать сделанное на данном уроке; 4) быть «стартовой площадкой» для упражнений на следующем уроке»⁸. Хорошо, если оно при этом носит творческий характер и интересно по содержанию и способу выполнения, как явствует из таблицы, предлагаемой В.Н. Шацких и Н.М. Липатниковой⁹. Вот пример из курса немецкого языка Омского юридического института.

Цикл II. Устный комплекс «Спряжение сильных глаголов с корневыми гласными «е» и «а» в настоящем времени. Порядок слов в вопросительном предложении». После выполнения ряда коммуникативных заданий с лексикой и грамматикой для устной речи в конце занятия проводится работа над текстом А «Мой друг становится настоящим детективом» по образцу «Прочти, оторви взгляд от текста, произнеси», происходит первичное знакомство студентов с содержанием текста и имитативное повторение каждого предложения. В качестве домашнего задания предлагается подготовить обратный перевод текста и 10 вопросов (в письменном виде) о герое текста А для беседы по его содержанию. Такое задание является итогом сделанного на уроке и в то же время стартом для работы на следующем занятии, где можно, оттолкнувшись от домашнего задания, перейти к пересказу текста А или, организовав переход к пересказу другими приемами, предложить задать дополнительные вопросы выступающим с устными высказываниями.

Например, такое задание: «Напишите несколько предложений о себе самом и о своем друге», что подытоживает лексический, грамматический и содержательный материал урока и будет служить основой для успешного участия в работе на следующем занятии, для устных и письменных высказываний от другого лица, например, второкурсника и т.п.

Психологически такой опрос домашнего задания не является опросом в чистом виде, не висит дамокловым мечом над головой обучающегося, психологически раскрепощает отвечающего, что способствует лучшему качеству ответа. В то же время без определенной подготовки с этими заданиями не справиться, следовательно, бесконтрольностью это не грозит.

Важное место в рамках контроля занимает вопрос об оценке и отметке. Интересные соображения по этому поводу высказывают авторы упомянутой уже статьи «Оценочная деятельность учителя на уроке иностранного языка» В.Н. Шацких и Н.М. Липатникова. Нам близко их понимание проблемы оценки и отметки. Подход к оценке работы

обучаемых действительно зависит от многих факторов, в том числе от того, в какой период учебного года проводится контроль, от психологических особенностей слабого или сильного учащегося, от его возрастных и индивидуальных свойств. Мы также считаем, что преподаватель всегда должен проявлять чуткость и такт, доброжелательность и корректность; избегать какого бы то ни было формализма в оценке труда обучающихся.

Весьма спорным является вопрос об отметке. Е. И. Пассов считает, что «...сопровождающая контроль система баллов обладает многими недостатками: 1) отсутствием образца (эталона) для сравнения; 2) осложнением отношений между учителем и учащимся...; 3) отвлечением учителя от основных обязанностей обучать, а не контролировать; 4) превращением урока в скучное выпрашивание и т.п.»¹⁰. Все это так, но пока не разработана эффективная система обучения без выставления отметок, пока мы не научились достаточно действенно стимулировать учебную деятельность другими способами, приходится прибегать к отметкам. При этом мы не стремимся выставлять отметки на каждом занятии, даем на этапе тренировки устную оценку деятельности каждого обучающегося и поощряем лишь отдельных из них за особые успехи, наиболее удачные ответы отметкой. Отметки выставляются обязательно при открытом контроле (устные высказывания и письменные тесты в конце до текстового и после текстового этапов, чтение и проверка понимания основного текста). Существенный момент – комментирование отметки, которое проводится с учетом всех перечисленных ранее требований к оценке. Очень важным считаем также планирование оценочной деятельности преподавателем, т.е. выбор ее места на занятии, определение объектов контроля и ведение точного учета успеваемости каждого обучающегося в том или ином виде речевой деятельности¹¹.

В заключение необходимо констатировать, что до недавнего времени проблема контроля, имеющая две стороны – психологическую и методическую, рассматривалась большинством методистов со значительным креном в сторону методики, практически без учета психологического аспекта. Однако игнорирование психологии обучаемых не может считаться современным подходом к проблеме. Представляется перспективной модель постепенного перенесения акцента с контроля на само- и взаимоконтроль и рассмотрение проблемы контроля как проблемы управления обучением.

¹ Зимняя И. А. Самоконтроль как компонент речевой деятельности и уровни его становления // *Иностр. яз. в школе.* – 1970. – № 4.

² Рабинович Ф. М. Контроль на уроке иностранного языка // *Иностр. яз. в школе.* – 1987. – № 1. – С. 10-16.

³ Пассов Е. И. Контроль как методический феномен: Генезис, сущность, функции (при коммуникативном методе обучения) / Е. И. Пассов // *Контроль в обучении иностранным языкам в средней школе.* – М., 1986. – С. 13.

⁴ Алхазивили А. А. Основы овладения устной иноязычной речью / А. А. Алхазивили. – М., 1988. – С. 35.

⁵ См.: Соловей С. С. Методика работы по усвоению грамматической стороны устной речи на начальном этапе в неязыковом вузе: (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. педагог. наук. – Воронеж, 1975. – С. 9.

⁶ Рабинович Ф. М. Указ. соч. – С. 11.

⁷ См.: Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Пассов Е. И. – М., 1985. – С. 204-205.

⁸ Там же.

⁹ См.: Шацких В. Н. Оценочная деятельность учителя на уроке иностранного языка / В. Н. Шацких, Н. М. Липатникова // *Коммуникативность обучения – в практику школы.* – М., 1985. – С. 110.

¹⁰ Пассов Е. И. Урок иностранного языка в средней школе / Е. И. Пассов. – М., 1988. – С. 204.

¹¹ См.: Соловей С. С. Взаимодействие видов речевой деятельности при обучении иностранному языку на первом курсе / С. С. Соловей // *Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности в неязыковом вузе.* – Краснодар, 1985. – С. 42.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ И ЕЕ ФОРМЫ

С.П. Зачёс, преподаватель кафедры физического воспитания Омского юридического института

В настоящее время профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП) студентов к высокопроизводительному труду в различных сферах осуществляется в вузах страны по следующим

основным направлениям:

– овладение прикладными умениями и навыками, служащими элементами отдельных видов спорта;

— акцентированное воспитание отдельных физических и специальных качеств, особо необходимых для высокопроизводительного труда в определенной профессии;

— приобретение прикладных знаний (знаний и умений применения средств физической культуры и спорта в режиме труда и отдыха с учетом меняющихся условий труда, быта и возрастных особенностей и др.).

Первое из направлений связано с проблемой обучения движениям, второе — с воспитанием физических (двигательных) и специальных качеств, третье — с приобретением прикладных знаний по использованию средств физической культуры в режиме труда и отдыха. Указанные направления имеют достаточно глубокое научно-методическое обоснование в методике физического воспитания и изложены в специальной литературе.

Этим определяется и структура изложения материала в данной статье: она основана на положениях теории и методики физического воспитания применительно к задачам ППФП вообще и студентов высших учебных заведений в частности.

При разработке ППФП студентов конкретной профессии общие положения ППФП, выявленные для группы сходных профессий путем проведения социологических исследований, должны дополняться более углубленными психофизиологическими исследованиями на рабочих местах с применением методик, используемых в физиологии, психологии, гигиене труда и спортивной тренировке. Такие исследования должны носить перманентный характер, обеспечивающий накопление научного материала с учетом тех постоянных изменений, которые происходят под влиянием научно-технической революции¹. Следует отметить, что при определении содержания ППФП студентов все шире используются математические методы анализа полученных материалов.

Есть все основания полагать, что более широкое применение дисперсионного, корреляционного и регрессионного методов для объективной оценки значения различных компонентов в ППФП намного повысит научность подбора средств и методов для ее реализации в системе физического воспитания студентов.

В идеале необходимо построение многофакторных статистических моделей ППФП специалиста будущего с определением наиболее существенных факторов, влияющих на его профессиональную работоспособность, а также форм связи и степени взаимозависимости различных параметров, включенных в модель. Потребность в перспективе решения этой сложной проблемы для профессии юриста подчеркивается временным разрывом между периодом изучения существующих условий труда специалистов и реализации ППФП сту-

дентов в вузе, с одной стороны, и условиями и характером труда будущих специалистов в течение последующих 30-35 лет — с другой. Естественно, что эта проблема тесно связана с проблемой определения профессиограммы специалиста будущего, над которой работают философы, социологи и психологи труда, специалисты по организации производства и др. Результаты этих исследований должны быть также использованы при построении модели ППФП специалистов.

В настоящее время определилось несколько форм ППФП в системе физического воспитания, которые могут быть сгруппированы по следующему принципу: учебные занятия (обязательные и факультативные), самодеятельные занятия, физические упражнения в режиме дня, массовые оздоровительные, физкультурные и спортивные мероприятия. Каждая из этих групп имеет одну или несколько форм реализации ППФП, которые могут быть избирательно использованы или для всего контингента студентов, или для его части.

ППФП студентов на учебных занятиях проводится в форме теоретических и практических занятий.

Программой физического воспитания предусматривается проведение теоретических занятий в форме лекции по обязательной теме «Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов», цель которых — вооружить будущих специалистов необходимыми знаниями, обеспечивающими сознательное и методически правильное использование средств физической культуры и спорта для подготовки к профессиональному труду с учетом специфики каждого факультета.

Значение теоретических занятий велико, так как в ряде случаев это единственный путь для изложения студентам необходимых профессионально-прикладных знаний, связанных с использованием средств физической культуры и спорта. На этом занятии (лекции) должны быть освещены такие вопросы:

— краткая характеристика различных видов труда с более подробным изложением психофизиологических особенностей труда специалистов, готовящихся на данном факультете;

— динамика работоспособности человека в процессе труда, особенности изменения работоспособности специалистов данного профиля в течение рабочего дня, недели и года;

— влияние возрастных и индивидуальных особенностей человека, географо-климатических и гигиенических условий труда на динамику работоспособности специалиста;

— использование средств физической культуры и спорта для повышения и восстановления работоспособности специалистов с учетом условий, характера и режима их труда и отдыха;

— основные положения методики подбора фи-

зических упражнений и видов спорта в целях борьбы с производственным утомлением, для профилактики профессиональных заболеваний;

– влияние занятий физической культурой и спортом на ускорение профессионального обучения.

Как правило, эти вопросы следует изложить в первой половине занятий. Содержание материала должно основываться на общих теоретических положениях с привлечением примеров из профессиональной деятельности выпускников данного факультета. При избытке материала некоторая часть его может быть изложена в другой обязательной теме «Физическая культура в режиме труда и отдыха», где имеется ряд положений, близких к перечисленным.

Вторая половина занятий посвящается вопросам, которые непосредственно связаны с профессиональной деятельностью выпускников данного факультета:

– характеристика условий труда и психофизиологических нагрузок специалиста в процессе труда;

– основные требования к физической и специальной прикладной подготовленности специалиста, обеспечивающие высокую и устойчивую продуктивность его труда;

– перечень основных профессионально-прикладных навыков, необходимых специалисту для обеспечения высокой производительности и безопасности труда;

– использование средств физической культуры и спорта с целью подготовки (самоподготовки) к профессиональной деятельности, предупреждения травматизма, обеспечения активного отдыха в свободное время.

Эти вопросы должны освещаться по материалам специальных исследований работников кафедр физического воспитания или других кафедр и учреждений и содержать достоверные сведения, прикладные для будущих специалистов конкретной профессии, специальности, специализации.

При изложении данной темы следует учитывать и другую особенность подготовки специалистов высшей квалификации. Учебный материал должен быть рассчитан не только на личную подготовку студента, но и на его подготовку как будущего руководителя производственного коллектива. От знания и понимания им комплекса этих вопросов нередко в будущем зависят степень и масштабы использования средств физической культуры и спорта в производственном или другом коллективе.

Практические учебные занятия по ППФП могут проводиться в учебных группах всех отделений (специального, подготовительного и спортивного совершенствования).

В процессе этих занятий могут в той или иной степени решаться все основные задачи ППФП. Однако главная целевая направленность занятий –

преимущественное и специальное воспитание прикладных физических и специальных качеств, умений и навыков, особенно необходимых в профессиональной деятельности.

При проведении практических учебных занятий в специальном учебном отделении содержание специально направленных занятий по ППФП должно быть согласовано с возможностями каждого студента в зависимости от характера отклонений в состоянии его здоровья. При проведении подобных занятий в учебных группах отделения спортивного совершенствования должен быть максимально использован потенциал каждого вида спорта для воспитания прикладных физических и специальных качеств, необходимых для успешного формирования прикладных умений и навыков.

Имеющиеся теоретические работы, опыт ряда кафедр физического воспитания указывают на возможность опосредствованной реализации задач ППФП студентов не только на специально организованных учебных занятиях, целевая направленность которых – общая физическая подготовка. По этому поводу профессор В.В. Белинович справедливо отмечал, что ни в коем случае нельзя проводить резкую грань между общеразвивающими и прикладными упражнениями. Как общая, так и прикладная физическая подготовка, поскольку они не противопоставляются, должны идти параллельно на протяжении всего срока обучения, но удельный вес той или другой подготовки может меняться как на протяжении определенного периода, так и в каждом отдельном занятии. Таким образом, прикладные физические упражнения могут одновременно служить средством всесторонней физической подготовки, и наоборот².

Большинство исследователей указывают, что высокой эффективности при воспитании профессионально-прикладных физических качеств можно достичь с помощью весьма разнообразных средств физической культуры и спорта. При этом применяемые в процессе ППФП специальные прикладные упражнения – это те же обычные физические упражнения, но подобранные и организованные в полном соответствии с ее задачами.

В настоящее время еще не существует специальной классификации физических упражнений, ориентированной на задачи ППФП специалистов различных профессиональных групп, поэтому в каждом отдельном случае этот вопрос должен решаться самостоятельно. Однако при подборе средств физического воспитания в целях ППФП имеет смысл провести более дифференцированную их группировку, что позволит более направленно и избирательно использовать эти средства в процессе физического воспитания студентов. Такими группами средств ППФП студентов можно считать: прикладные физические упражнения и

отдельные элементы из различных видов спорта; прикладные виды спорта; оздоровительные силы природы и гигиенические факторы; вспомогательные средства, обеспечивающие рационализацию учебного процесса по разделу ППФП³. Прикладные физические упражнения и отдельные элементы из различных видов спорта могут в сочетании с другими упражнениями обеспечить воспитание необходимых прикладных физических и специаль-

ных качеств, а также освоение прикладных умений и навыков.

¹ См.: Ильин В.И. ППФП студентов в вузах. Научно-методические и организационные основы / В. И. Ильин. – М., 1988.

² См.: Вилеский М. Я. Основы профессиональной направленности студентов педагогических институтов / М. Я. Вилеский. – М., 1990.

³ См.: Жолдак В. И. Методы совершенствования физического воспитания в вузе / В. И. Жолдак. – М., 1993.

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

М.А. Екимова, старший преподаватель кафедры правовой информатики Омского юридического института, кандидат педагогических наук

Современный этап информатизации образования характеризуется высокой оснащенностью учебных заведений средствами вычислительной техники. Поэтому все более актуальной становится задача повышения эффективности ее использования в процессе обучения. Контроль знаний является одной из основных составляющих образовательного процесса. В настоящее время для его проведения все чаще применяется компьютерное тестирование.

В Омском юридическом институте реализация текущего и итогового контроля знаний студентов осуществляется как в традиционной форме, так и посредством компьютерного тестирования, для проведения которого специалисты технического отдела разработали пакет программ. Проанализировав результаты тестирования, проводимого в 2005/2006 учебном году по математике, выделим три направления, по которым нужно работать для его дальнейшего совершенствования:

- 1) улучшение разработанной программы;
- 2) обновление базы тестовых заданий, составленных преподавателем;
- 3) разработка более гибкой процедуры расчета итоговой оценки.

В современной педагогике существуют различные подходы к проведению компьютерного тестирования, на основе которых разработаны пакеты программ (SunRav TestOfficePro⁴, UniTestSystem², eXaminator³, ADTester⁴ и др.). Здесь встречаются некоторые противоречия. Иногда авторы разработок отходят от педагогической стороны вопроса, не взаимодействуя с непосредственными составителями тестовых заданий (пре-

подавателями), занимаясь лишь внешней привлекательностью своего программного продукта. Часто сами преподаватели не владеют информацией о возможностях используемой ими программы. Данные противоречия необходимо устранять, в ОмЮИ для этого периодически проводятся методические семинары.

Существует большое количество разнообразных форм тестовых заданий, но можно выделить четыре основные: закрытая форма, открытая форма, задания на соответствие, задания на установление правильной последовательности. Наиболее распространены тесты с закрытой формой ответов. Недостатки их общеизвестны. Основной из них – возможность угадывания ответа. Для его частичного устранения преподаватели вводят в список предлагаемых студентам ответов вариант «нет правильного ответа». Приветствуются тесты с открытой формой ответов, когда обучаемый вводит с клавиатуры ответ, а программа осуществляет его сравнение с эталонными данными из базы и выдает соответствующую оценку. Для составления таких тестовых заданий от преподавателя требуется гораздо больше усилий. Необходимо учитывать все возможные варианты ответов, чтобы быть уверенным, что идентифицированный программой неправильный ответ тестируемого, действительно, является таковым. Тесты на соответствие, на установление правильной последовательности используются реже, поскольку такого рода задания по многим учебным дисциплинам составить достаточно сложно.

Одним из наиболее существенных недостатков, присущих современным подходам к автоматизи-

рованному тестированию, является негибкость процедур расчета оценки за задание, когда степень правильности выполнения каждого тестового задания оценивается «правильно» или «неправильно» (0 баллов или 1 балл), а также процедур расчета итоговой оценки, заключающихся, в основном, в определении отношения количества правильных ответов к количеству заданных вопросов.

Проанализируем, каким образом можно избежать этих недостатков, не сильно усложнив работу преподавателя по составлению тестовых заданий. Обычно за правильное выполнение задания студенту ставится 1 балл, за неправильное – 0 баллов. Согласно дифференцированному подходу нужно дать возможность тестируемому получить за выполненное задание оценку в пределах принятого диапазона. Например, если диапазон оценивания каждого задания принят от 0 до 1 (понятно, что можно принять и другой диапазон), и студент выполняет тест на соответствие, в котором нужно отметить 5 соответствий, то он может получить количественную оценку $a_1 = 0,2$, $a_2 = 0,4$, $a_3 = 0,6$, $a_4 = 0,8$, $a_5 = 1$ за одно, два, три, четыре или пять правильных соответствий. Количественную оценку задает преподаватель. Если тестируемый выполняет тест закрытой формы, в котором нужно отметить два правильных ответа из n предложенных, и при этом он отметил только один правильный ответ, то при обычном оценивании он получит 0 баллов, столько же получит студент, не отметивший ни одного правильного ответа. Но нужно все-таки различать их знания и поставить разную количественную оценку $a_1 = 0,5$, $a_2 = 1$ соответственно за 1 или 2 правильно отмеченных ответа. Таким образом, тестируемый получит индивидуальную количественную оценку.

Многие существующие в настоящее время автоматические системы контроля знаний функционируют в режиме прямого тестирования (такого способа контроля знаний обучаемого, при котором структура теста, т.е. набор и порядок предъявления тестовых заданий, не зависит от фактических ответов обучаемого). Однако чаще всего они реализуют лишь простейшие и далеко не самые эффективные методики оценивания знаний. В настоящее время наметился переход к построению алгоритмов адаптивного тестирования, в них выбор очередного i -го задания зависит от ответов обучаемого на предыдущих $(i-1)$ -м, $(i-2)$ -м и т. д. шагах теста. Реализация этого принципа позволяет формализовать широко применяемые в педагогической практике приемы дополнительных и уточняющих вопросов⁵. В техническом плане реализовать этот принцип легко. Гораздо сложнее преподавателю, которому необходимо грамотно составить цепочки тестовых заданий. При примене-

нии обучающих тестов важно проводить адаптивное, а не прямое тестирование, так как у тестируемого мобилизуются мыслительные способности, и он может ответить верно на ранее предъявленное задание.

Приведем примеры двух цепочек тестовых заданий по математике.

1. Кодовый замок содержит 10 кнопок с цифрами от 0 до 9 и открывается последовательным нажатием трех кнопок (причем кнопки могут повторяться). Существует всего . . . различных цифровых комбинаций для открытия такого замка.

2. Кодовый замок содержит 10 кнопок с цифрами от 0 до 9 и открывается последовательным нажатием трех различных кнопок. Существует всего . . . различных цифровых комбинаций для открытия такого замка.

3. Кодовый замок содержит 10 кнопок с цифрами от 0 до 9 и открывается одновременным нажатием трех кнопок. Существует всего . . . различных цифровых комбинаций для открытия такого замка.

4. С места происшествия скрылся автомобиль. Вероятность того, что в его номере все цифры разные (номер региона не учитывается, нумерация автомобилей начинается с цифрового обозначения 001), равна

- a) $\frac{720}{999}$; d) $\frac{504}{1000}$;
 b) $\frac{648}{999}$; e) $\frac{504}{999}$.
 c) $\frac{720}{1000}$;

1. Колода содержит 36 карт. Из нее вытаскивают одну карту. Вероятность того, что это будет дама червовой масти, равна

- a) $\frac{1}{9}$; d) $\frac{4}{36}$;
 b) $\frac{1}{36}$; e) $\frac{36}{4}$.
 c) $\frac{1}{4}$;

2. Колода содержит 36 карт. Из нее вытаскивают одну карту. Вероятность того, что это будет туз, равна

- a) $\frac{1}{36}$; d) $\frac{1}{9}$;
 b) $\frac{1}{4}$; e) $\frac{36}{4}$.
 c) $\frac{1}{81}$;

3. Колода содержит 36 карт. Из нее вытаскивают одну за другой две карты, не возвращая их обратно. Вероятность того, что первой будет вытаскана

дама пиковой масти, а второй – король, равна

- a) $\frac{2}{36}$; d) $\frac{4}{36}$;
 b) $\frac{1}{324}$; e) $\frac{1}{315}$.
 c) $\frac{1}{81}$;

В зависимости от целей тестирования преподаватель определяет, каким образом его проводить. Он может предложить студенту решать все задания из цепочки независимо от правильности их выполнения. Возможен и другой вариант. Если студент выполнил неверно первые задачи из цепочки, то преподаватель на каком-то шаге прерывает решение последующих задач, руководствуясь тем, что тестируемый заведомо не сможет решить их правильно. Рассмотрим этот вариант на примере второй цепочки заданий. Если студент выполняет неправильно первые два тестовых задания, то он заведомо не решит более сложную задачу, в которой нужно применить и знания, необходимые для решения предыдущих задач (классическое определение вероятности), и знание теоремы о вероятности произведения двух зависимых событий. Поэтому не имеет смысла выдавать ему третье тестовое задание, ответ он может только лишь угадать.

Математическую обработку оценивания для адаптивного тестирования можно производить следующим образом. Каждому i -му заданию в j -й цепочке присваивается весовой коэффициент K_{ij} , характеризующий его относительную важность в рамках этой цепочки. Внутри цепочки задания можно ранжировать по сложности. Значения всех коэффициентов автоматически нормируются так, чтобы их сумма внутри каждой цепочки была равна правой границе принятого диапазона оценивания, в нашем примере это 1. В цепочку можно объединять неограниченное количество тематически близких вопросов. В вырожденном случае цепочка будет состоять из одного вопроса, коэффициент важности которого равен 1.

С помощью компьютерного тестирования можно проводить не только итоговый, но и текущий контроль знаний. Для этого преподавателю предлагается все множество тестовых заданий разбить на тематические подмножества. Причем каждое тематическое подмножество в свою очередь должно состоять из цепочек тестовых заданий. Внутри каждого подмножества цепочки ранжируются между собой. Это обеспечивает принцип диффе-

ренциации обучения. В простейшем случае ранжирования преподаватель может присвоить цепочкам тестовых заданий простой, средний и сложный уровень. В зависимости от уровня сложности цепочке присваивается коэффициент M_{jl} , где j – номер цепочки, l – номер уровня сложности, в нашем примере их три). Итоговая оценка за выполненные студентом тестовые задания в каждом тематическом подмножестве рассчитывается по

формуле: $\sum_{j=1}^N (M_{jl} \cdot \sum_{i=1}^s (a_{mij} \cdot K_{ij}))$, где s – количество

тестовых заданий в цепочке, N – количество цепочек в тематическом подмножестве, m – количество правильных ответов в тестовом задании. Затем баллы, полученные за выполненные задания в каждом тематическом подмножестве, суммируются.

Таким образом, при построении автоматических систем контроля знаний желательно перейти от оценивания вариантов ответов «правильно» – «неправильно» к более гибкой схеме, для реализации принципа дифференциации следует разбить множество тестовых заданий на тематические подмножества с обязательным ранжированием тестовых заданий внутри каждого подмножества, использовать алгоритмы адаптивного тестирования.

Дальнейшее улучшение программ для тестирования знаний студентов зависит от развития программно-технических средств, квалификации педагогов, их желания участвовать в процессах подготовки баз тестовых заданий, разработанности методик оценивания.

¹ См.: Познахриева Н.И. Опыт проведения экзаменов на землеустроительном факультете (заочная форма обучения) с использованием автоматизированных средств контроля// Методика преподавания естественнонаучных дисциплин в вузах. Современное состояние и перспективы развития (для непрофильных специальностей) : сб. материалов межвуз. метод. семинара. – Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2006.

² См.: Поздравляем, вы приняты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/today/soft/22735>. – Загл. с экрана.

³ См.: Что такое экзаменатор? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://examinator.narod.ru>. – Загл. с экрана.

⁴ См.: ADTester – программа для компьютерного тестирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adttester/h15/ru/> – Загл. с экрана.

⁵ См.: Рудинский И.Д. Принципы интеллектуального автоматизированного тестирования знаний. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ito.edu.ru/2001/ito/VI/VI-0-16.html>. – Загл. с экрана.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ЗАНЯТИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ В СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ГРУППАХ

М.М. Кальченко, заведующий кафедрой физического воспитания Омского юридического института

Физическая культура составляет важную часть оздоровительной и воспитательной работы, являясь мощным средством укрепления здоровья и правильного физического развития. Многочисленные исследования российских и зарубежных авторов свидетельствуют о том, что различные виды мышечной деятельности и закалывание являются одним из наиболее мощных средств биологической стимуляции процессов формирования растущего организма, совершенствования его защитно-приспособительных механизмов, что в значительной мере определяет состояние здоровья молодого поколения. Это является подтверждением тому, насколько велика роль физической культуры в вузе не только для здоровых студентов, но и для студентов, имеющих отклонения в состоянии здоровья.

Анализ физической подготовленности по результатам приема контрольных нормативов и первичного медицинского обследования свидетельствует о том, что до 20% первокурсников отнесены к группам с ослабленным здоровьем и слабым физическим развитием. Необходимость особого внимания к организации занятий по физическому воспитанию с такими студентами вызвана и тем, что наряду с общим укреплением здоровья нужно также повышать физиологическую активность органов и систем, формировать стойкую компенсацию при различных заболеваниях.

Применение физических упражнений выздоравливающими студентами необходимо для быстрого восстановления здоровья и предупреждения обострения болезни при наличии остаточных явлений перенесенных заболеваний.

Строгое дозирование физической нагрузки и закалывание имеют большое значение в профилактике осложнений и медицинской реабилитации. Под реабилитацией понимается комплекс мероприятий, направленных на восстановление здоровья и работоспособности заболевшего. Функциональное вос-

становление здоровья больного и приспособление его к трудовой деятельности возможно лишь при условии последовательной физической тренировки с помощью средств лечебной физкультуры на всех этапах реабилитации. Поэтому внимание при проведении занятий в специальной медицинской группе уделяется укреплению здоровья с учетом функциональных возможностей организма студентов, формированию стойких компенсаций при заболеваниях различных систем, овладению техникой прикладных физических упражнений, методикой формирования профессионально необходимых физических и психических качеств и навыков, повышению работоспособности организма.

Учебной программой по физическому воспитанию студентов, отнесенных к специальной медицинской группе, должны предусматриваться гимнастика, игры, элементы легкой атлетики, ходьба на свежем воздухе, плавание. Исключаются физические упражнения со значительным статическим напряжением, с натуживанием, с длительной задержкой дыхания. Ограничиваются упражнения в беге на скорость, исключаются акробатические упражнения и лазание по канату.

Выполнение нормативных требований программы по физическому воспитанию для студентов, зачисленных в специальную медицинскую группу, не предусматривается. Участие в соревнованиях также исключается.

Посещение специально организованных уроков по физическому воспитанию должно быть обязательным. Оценка успеваемости складывается из оценки качества выполняемых упражнений, умения сочетать движения с рациональным дыханием и освоения простейших элементов программного материала.

Наряду с обучением двигательным навыкам преподаватель должен сообщать занимающимся необходимые сведения о режиме дня, закалывании,

правильном дыхании, формировании и воспитании правильной осанки. Занимающимся необходимо знать о массовых формах физического воспитания, приемлемых для людей, имеющих отклонения в состоянии здоровья, и с помощью преподавателя подобрать одну из них.

Учебный материал должен быть подобран таким образом, чтобы обеспечить последовательную физическую подготовку и тем самым создать возможность для перевода в подготовительную или основную группу. При этом часть студентов будет оставаться в специальной группе, так как состояние здоровья не позволяет форсировать их физическую подготовленность.

На всех уроках главное внимание уделяется общеукрепляющим физическим (гимнастическим) и дыхательным упражнениям, корригирующей гимнастике. Особое внимание следует уделять дыхательным упражнениям, так как значительное число занимающихся в специальных медицинских группах имеют заболевания дыхательной, сердечно-сосудистой систем, сопровождающиеся нарушением дыхания.

Необходимо выработать у занимающихся умение сочетать выполнение физических упражнений с дыхательными, добиться удлинения выдоха, способствующего увеличению дыхательных резервов. Особенностью методики занятий в специальной группе является включение упражнений на расслабление и пауз отдыха на одну – две минуты между физическими упражнениями. Обязательным является формирование правильной осанки. Длительное пребывание в рабочей позе за столом способствует ослаблению мышц спины. Чтобы иметь хорошую осанку, прежде всего, следует правильно ходить, сидеть, а также выполнять корригирующие упражнения по исправлению осанки. Основным условием удержания тела в правильном положении будет наличие хорошего «мышечного корсета», что достигается укреплением мышц спины (особенно длиннейших), развитием грудных мышц, укреплением брюшного пресса и увеличением подвижности в плечевых суставах. Наилучшими исходными положениями для выполнения физических корригирующих упражнений являются упражнения лежа на спине, на животе, в упоре стоя на коленях, упражнения на гимнастической стенке и с гимнастическими палками. Необходимы упражнения на ощущение осанки с включением зрительного анализатора: ходьба с грузом на голове по уменьшенной площади опоры.

Программный материал по легкой атлетике включает ходьбу со сменой направления, ускоренную в темпе (110–120 шагов в минуту). Учитывая опыт применения длительного дозированного бега у больных с заболеванием сердечно-сосудистой системы, рекомендуется проводить занятия с ис-

пользованием этого средства со студентами специальной медицинской группы. При этом особенностью методики бега является включение «действенных пауз» отдыха (Л.П. Матвеев, 1966), т.е. ходьбы с расслаблением в течение 1–2 мин. после определенных отрезков бега. Пульс при этом снижается на 25–30% от максимального во время бега. Установлено, что за 2,5 мин. занимающиеся пробегают 400 м (стандартный круг стадиона). «Действенные паузы» последовательно включают через 400, 800 и 1200 м. Это дает возможность постепенно увеличивать общую протяженность бега, контролировать пульс, учитывая его пороговую величину.

Помимо бега в раздел «Легкая атлетика» входят обучение прыжкам с места, метание теннисных мячей в цель и на дальность, метание гранаты.

Из спортивных игр можно учить элементам игры в волейбол, баскетбол. Игра в бадминтон по упрощенным правилам и продолжительностью не более 5–7 мин., игра в настольный теннис. Эстафеты на месте, малоподвижные и подвижные, повышают эмоциональный фон занятий. Применяя подвижные игры, следует проявлять большую осторожность в дозировках, индивидуализировать нагрузку и осуществлять постоянные врачебно-педагогические наблюдения за влиянием этих упражнений на организм занимающихся.

В программу обучения по физическому воспитанию вводится плавание. Основная задача уроков – научить держаться на воде неумеющих плавать и свободное плавание для умеющих, с учетом порогового пульса каждого индивидуально.

Весь учебный процесс первого года обучения условно делится на два периода – подготовительный и основной.

Основная цель подготовительного периода – постепенная адаптация организма занимающихся к физической нагрузке, в основе которой лежит умеренное воздействие на все органы и системы. Подготовительный период длится 2–3 месяца. Преподаватель знакомится с двигательными навыками и физическими возможностями занимающихся, проводя специальное тестирование. Очень важно сообщить занимающимся необходимые сведения о влиянии физических упражнений на организм студентов, имеющих отклонения в состоянии здоровья, желательно с учетом диагнозов их заболеваний. Необходимо воспитывать привычку к систематическим занятиям физическими упражнениями, прививать и закреплять гигиенические навыки (закаливание).

В основном периоде (второй семестр) осуществляется более интенсивная тренировка организма занимающихся в процессе учебных и самостоятельных занятий физической культурой. Важной задачей является повышение тренированности и

показателей физической подготовленности.

В последующие годы обучения основной задачей будет поддержание достигнутых результатов и дальнейшее повышение тренированности организма занимающихся.

Основной формой физического воспитания является урок физической культуры. В специальной медицинской группе урок строится в соответствии с общими положениями, определяющими формы занятий в физическом воспитании. Как и всякое иное рационально организованное занятие, он состоит из трех частей: подготовительной, основной и заключительной. Общая продолжительность урока – 90 мин. два раза в неделю. «Чистое» время выполнения физических нагрузок – от 45 мин. в начале подготовительного периода до 70-80 мин. в дальнейшем.

Особенностью урока является увеличение продолжительности подготовительной части до 20 мин., так как период привыкания к предстоящей нагрузке у студентов с отклонениями в состоянии здоровья более длительный. Задачей подготовительной части будут организация занимающихся, психологическая настройка на сознательное, активное участие в занятии, овладение учебным материалом. Подготовительная часть состоит из 15-20 упражнений в ходьбе с движением рук, постепенно развивающих большинство мышечных групп. Упражнения выполняются в медленном и среднем темпах. Обязательны дыхательные упражнения и

упражнения на осанку. Число повторений каждого упражнения 6-8 раз в начале подготовительного периода и 8-12 раз в дальнейшем.

Основная часть длится 20-40 мин. В основной части решаются задачи овладения каким-либо двигательным навыком или воспитание одного из физических качеств (выносливости, силы, гибкости). В основную часть также включаются подвижные игры или элементы спортивных игр.

Распределение учебного материала основной части урока должно быть таким, чтобы физиологическая кривая ответной реакции организма на физическую нагрузку (по данным частоты сердечных сокращений) имела несколько подъемов в середине урока.

Заключительная часть используется для постепенного перевода организма занимающихся из состояния повышенной функциональной активности в состояние, близкое к исходному. Для этого применяют медленную ходьбу в сочетании с расслаблением и дыхательными упражнениями. Продолжительность – 7-10 мин. Отдыхать лучше сидя на гимнастической скамье; одновременно проводить обучение релаксации и аутотренингу.

Обязательным является тщательная подготовка преподавателя к уроку, включающая продумывание каждой части занятия, изучение особенностей заболеваний конкретно по каждому занимающемуся, поиск новых методических решений, материально-техническое оснащение места занятий.

СТРУКТУРНОЕ СООТНОШЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ

А.В. Карабыков, доцент кафедры иностранных языков Омского юридического института, кандидат филологических наук

В современной лингвистике высказывание принято определять как речевой аналог неактуализированного языкового предложения. Вместе с тем очевидно, что указанные единицы, соответствуя друг другу, могут не иметь между собой структурного тождества.

Предложение выражает мысль, суждение. Эта мысль образует его ствлеченное значение, на основе которого в процессе актуализации образуется речевой смысл высказывания. Живая, конкретная, актуальная мысль, выражаемая говорящим в речевой единице, всегда относится к действительной ситуации и включается в контекст других окружаю-

щих ее высказываний. Именно в силу контекстной связанности любой единицы речи определение содержательной границы выражаемой в сообщении мысли обычно оказывается затруднительным. Если сознание, в самом деле, представляет собой «поток» (У. Джеймс), непрерывный процесс образования смыслов, то развитие человеческой мысли вообще можно считать бесконечным. Неслучайно поэтому, что попытки определить высказывание со стороны завершенности, информативной исчерпанности его содержания подчас уводят исследователей так далеко, что теряется возможность любого относительно строгого определения.

Некоторые ученые (М.М. Бахтин, К.Л. Пайк, С.Н. Сыроваткин, Ч. Фриз и др.) видят содержательную границу речевой единицы в смене речевых субъектов. С этой позиции любое высказывание «кончается передачей слова другому, как бы молчаливым «dixi», осязаемым слушателем [как знак], что говорящий кончил»¹. На этом основании к высказываниям относится и однословная реплика в диалоге («первичные» высказывания), и объемный роман («вторичные» высказывания). Впрочем, и в этом случае нельзя исключить, что, выслушав ответное сообщение, говорящий не станет развивать ту же мысль в своей следующей реплике или продолжении романа.

Поэтому наиболее очевидным является формальный критерий определения объема высказывания. В соответствии с ним «высказывание можно определить как то, что в звучащей речи заключено между паузами достаточной длины, а в речи письменной между точками»². В самом деле, именно наличие таких наблюдаемых в речи единиц, которые на основании идентичной формальной выраженности могут быть сопоставлены, но не отождествлены с предложением, допускает постановку проблемы их соотношения. В то же время сугубо формальное определение высказывания никак не отражает его специфики в сравнении с предложением.

Развитие человеческой мысли в принципе бесконечно. Однако, наряду с условной содержательной законченностью высказывания, можно выделить его структурную завершенность. Так, ссылаясь на идею А.А. Шахматова, А.С. Ахманов справедливо утверждает, что способная к непрерывному развитию мысль состоит из структурно завершенных единиц мышления – суждений, являющих собой форму истолкования лежащей в их основе пропозиции³.

Для того чтобы выражать в речи референт, предложение должно обладать своей пропозицией, через посредство которой оно может соотноситься в процессе актуализации с действительной ситуацией. Обретая речевой смысл, предложение не лишается своего языкового предикативного значения. Другими словами, высказывание, выражая в речи определенный фрагмент действительности, не прекращает воплощать в себе и его отвлеченный образ – пропозицию. Поскольку в процессе актуализации предложение может претерпевать определенного рода структурные изменения, установление его соотношения с высказыванием должно, на наш взгляд, базироваться на принципе их соответствия единой пропозиции и единому суждению. Если определять высказывание со стороны структурной оформленности, его «верхний предел» можно ограничить рамками языкового эквивалента этой единицы – предложения.

Структурное соответствие рассматриваемых единиц представляется нам основным и исходным в синтаксисе. Так, будучи интегрированной конструкцией, высказывание также соотносится со сложным грамматическим эквивалентом: сложным предложением или сложным синтаксическим целым. С другой стороны, например, в случае парцелляции самостоятельной речевой единицей может становиться отдельный член предложения. Соотносьсь со структурой единицы языковой системы, структура высказывания соотносится с воплощаемой в предложении базисной пропозицией. Высказывание интегрированной структуры выражает не одну, а, как минимум, две равноправных пропозиции. При парцелляции или эллипсисе речевая единица может воплощать один или несколько пропозициональных членов.

Таким образом, исходя из представления о структурной оформленности мысли, мы утверждаем, что структурное соотношение предложения и высказывания должно устанавливаться на основе единства выражаемой в них единицы мышления. Предложение есть грамматическое выражение пропозиции, причем выражение предикативное, т.к. пропозиция может воплощаться в предложении только через посредство логического суждения. Высказывание, рассматриваемое со своей формальной стороны, являет собой то же самое выражение, но подвергшееся влиянию речевого замысла, интенции говорящего.

По этой причине большинство структурных классификаций высказываний имеет синтаксисно ориентированный характер. Так, согласно представлению А.А. Леонтьева, в действительности языка различаются несинтаксисные, синтаксисные, суперсинтаксисные и супрасинтаксисные формы высказываний⁴. При этом супрасинтаксисными формам соответствует часть синтаксической структуры предложения (парцеллированные или эллиптические конструкции – «остатки предложения» (Satzreste), по классификации Й. Риса), а суперсинтаксисным – цепь, последовательность объединенных в одну конструкцию предложений (интегрированные высказывания).

Согласно наиболее распространенному в синтаксисе представлению актуализация любых языковых единиц за редким исключением осуществляется только посредством синтаксисных форм. Иначе говоря, слово или словосочетание могут входить в речь не иначе как в составе предложения. Даже если исходная синтаксисная структура подвергается парцеллированию или эллипсису, речевая единица, возникающая на ее основе, воспринимается коммуникантами как часть, фрагмент этой выражающей пропозицию структуры. Высказывание, таким образом, всегда сопря-

жено с выражением определенной пропозиции и суждения. Речевым единицам; не имеющим сен-тенциональной формы, по словам Н.Ю. Шведовой, свойственна «возможная, скрытая ориентированность на схему предложения»⁵. «Одна основная модель предложения, или инвариант, может иметь (в речи. – А.К.) варианты: неразвернутый, неполный и распространенный»⁶.

Развивая анализируемое представление, мы также считаем, что единицы до-сентенционального уровня могут актуализироваться, только входя в состав предложения. Именно предложение в силу предикативности своей природы способно выражать в речи единицу мышления, возникающую на основе той или иной пропозиции. Исключение составляют элементы междометного характера, образующие, по классификации А.А. Леонтьева, несентенциональный тип высказывания. Не говоря о единицах сентенционального вида, формально соответствующих предложению, структура всех остальных типов речевых образований является производной от структуры этой синтаксической единицы. Супрасентенциональные высказывания сохраняют грамматическую форму, представленную в предложении. «Высказывания, – замечает Д. Лайонз, – обладают грамматической структурой, которая зависит от их вывода из предложений»⁷.

Возникая вследствие определенных речевых трансформаций (парцелляции и эллипсиса), все высказывания супрасентенциональной формы «могут быть аналитически сведены к своим развернутым предложениям – прообразам», – справедливо утверждает В.Г. Адмони⁸. Остается неясным при этом, почему эллиптические конструкции определяются В.Г. Адмони как «структурно законченные предложения – части высказывания» (ср.: «*А где теперь этот способ? – Забыли.*»)⁹. По нашему мнению, подобные единицы образуют законченные, т.е. ограниченные сменой речевых субъектов, высказывания, грамматической основой которых является часть, «осколок» структуры предложения.

Уточняя различие между несентенциональным и супрасентенциональным типом речевых единиц, отметим, что не все высказывания, представляющие собой часть синтаксической структуры предложения, выражают тот или иной компонент воплощаемой в ней пропозиции. Пропозиция имеет своим ближайшим выражением синтаксическую модель (предикативное ядро), уточняемую в предложении за счет введения в нее актуализаторов. Парцеллированные или эллиптические конструкции могут образовываться не только на основе членов модели, но и отдельных актуализаторов (ср.: «*Мы нашли клад. Большой. Там. Только что.*»; «*Какую обувь вы предпочитаете? – Итальянскую!*»). Выражая не член синтаксической модели (пропозиции), а пред-

ставленный в структуре предложения актуализатор, эти высказывания принадлежат, безусловно, к супрасентенциональному типу.

Напротив, грамматической основой несентенциональных единиц являются, на наш взгляд, междометия и слова, близкие к ним по функции, которые не входят в грамматическую структуру предложения. В современном синтаксисе подобные элементы именуются «коммуникатами» (О.Б. Сиротинина), «коммуникемами» (В.Ю. Меликян), «релятивами» (Г.В. Валимова), «некодифицированными высказываниями» (Г.В. Дагуров). По мнению некоторых авторов (В.В. Бабайцевой, У.В.О. Куайна и др.), эти единицы сами являются одночленными вокативными предложениями, используемыми человеком «в качестве краткого комментария происходящего»¹⁰.

Между тем нетрудно заметить, что в дискурсе междометные слова всегда оказываются зависимыми от определенных высказываний, выражающих часть, целое или цепь предложений. Мы полагаем, что важнейшей коммуникативной функцией несентенциональных единиц является передача личностного отношения говорящего к содержанию своего или чужого сообщения и выражение модальных значений (ср.: «*Увы! Иван ничем не сможет помочь!*»; «*Давай, расскажи-ка нам правду!*»). «Основное содержание коммуникема, – считает В.Ю. Меликян, – сводится к утверждению или отрицанию, согласию или несогласию, побуждению, общей экспрессивной оценке предшествующего высказывания, ситуации или собеседника»¹¹. Во многих высказываниях междометного характера реализуется модус или, скорее, один из компонентов модуса тех речевых единиц, с которыми они непосредственно связаны. Поэтому такие высказывания можно рассматривать в качестве актуализаторов, но не отдельных членов синтаксической модели, а структуры предложения в целом, на основе которой в речи возникают (супер-, супра-) сентенциональные высказывания.

Речевые единицы, подобно предложениям в тексте, образуют в речи конструкции более высокого уровня. Так, высказывания, объединенные выражением синтаксической структуры одного предложения, образуют минимальный дискурс. Он, в свою очередь, входит в состав речевых единиц следующих уровней, возникновение которых определяется динамикой человеческой мысли.

В заключение еще раз укажем, что, с нашей точки зрения, понятие высказывания следует выводить не из содержательной, а структурной законченности мысли. Формируемое на основе пропозиции суждение как структурно организованная единица мышления воплощается в предложении. Структура предложения является поэтому синтаксической основой высказывания.

Обусловленная речевым замыслом говорящего, форма высказывания находится в определенном соотношении со структурой предложения, в зависимости от которого строится структурная классификация высказываний. За исключением несентенциальных единиц, любое высказывание может быть возведено к исходной для него структуре предложения.

Посредством несентенциальных единиц говорящий выражает отношение к содержанию своего или чужого сообщения, а также модальные значения. В высказываниях междометного характера эксплицируются определенные компоненты модуса тех речевых единиц, к которым они непосредственно относятся.

¹ См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 263.

² Рябова М. Ю. Темпоральная структура высказывания как объект лингвистической семантики и теории коммуникации // Высказывание как объект лингвистической семантики и теории коммуникации. Часть I. – Омск, 1992. – С. 137.

³ См.: Ахманов А. С. Логические формы и их выражение в языке // Мышление и язык. – М.: Наука, 1957. – С. 166-212.

⁴ См.: Леонтьев А. А. Язык. Речь. Речевая деятельность. – М.: Наука, 1969. – С. 139.

⁵ Русская грамматика. Т.2. Синтаксис. – М.: Наука, 1982. – С. 420.

⁶ Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. – М.: МГУ, 1972. – С. 149.

⁷ Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – С. 444.

⁸ Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. – СПб., 1994. – С. 51.

⁹ Там же. – С. 54-55.

¹⁰ Куайн У. В. О. Слово и объект. – М.: Гнозис, 2000. – С. 20.

¹¹ Меликян В. Ю. К проблеме статуса коммуникемы // Русский язык в школе. – 2000. – № 5. – С. 80.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕТАФИЗИКИ БЕССМЕРТИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Г.В. Косяков, доцент кафедры теории и истории журналистики и литературы Омского гуманитарного института, кандидат филологических наук

В русском национальном мировосприятии представления о бессмертии сохраняют следы архаических воззрений¹, которые с принятием православия приобрели качественно новый метафизический смысл. Православное мирозерцание воспринимает и земную жизнь, и смерть с позиции бессмертия и воскресения, что проявляется в лексических обозначениях таинства смерти: «успление», «отшествие», «преставление». Слово «преставление», помимо обозначения физической смерти, указывает на удаление от земного мира, преображение².

Мироощущение ветхозаветного человека детерминировано идеей смерти. Библейская онтологическая вертикаль получает особую напряженность: в Ветхом Завете Бог и человек представлены как Творец и творение, в то же время связь между ними разорвана в силу грехопадения Адама, в связи с чем возникает антитеза божественной всеполноты и мига человеческой жизни. Ветхозаветный человек воспринимал себя рожденным во грехе, влекущем к смерти³. В Ветхом Завете тленность мыслится как онтологическая черта людей, «которых основание прах, кото-

рые истребляются скорее моли» (Иов. 4, 19).

Душа в Ветхом Завете и псалмах изначально греховна, «унижена» сопричастностью праху и тлену. Ветхозаветное мироощущение сближает земной мир, лежащий во зле, со смертью и адом. В псалмах топоним темницы, «тесноты» в этой связи получает метафизический смысл, указывая на земной мир в целом, создавая экспрессивную позицию для богообщения из бездны: «В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал...» (Пс. 17, 7). Ветхозаветное понимание физической смерти исходит из того, что она есть антитеза акту творения человека, возвращение к праху: «Выходит дух его, и он возвращается в землю свою» (Пс. 145, 4). Смерть воспринимается как исчезновение интеллектуального и эмоционального внутреннего мира человека и метафорически соотносится с тьмой, тенью, бездной: «Вывел их из тьмы и тени смертной и расторгнул узы их» (Пс. 106, 14). Смерть в Ветхом Завете и псалмах определяется как «страна молчания», в силу чего она страшит невозможностью славить Бога⁴. Предстояние смерти, память о смерти в псалмах порождают трагические мысли о забвении, богооставленности.

Вместе с тем уже в псалмах утверждается упование на спасение в Боге, освобождение от бездны смерти и земного мира, лежащего во зле. Воспринимая Дух Божий «источником жизни», ветхозаветный человек религиозно уповает на восстановление Эдема: «Услышь голос мой по милости Твоей, Господи; по суду Твоему оживи меня» (Пс. 118, 149). Молитвенное обращение к Творцу призвано усилить религиозную связь, которая и воспринимается как субстанциональная жизнь.

Ветхозаветное восприятие инобытия подчинено принципу дихотомии, антитезе престола Божиего, горнего мира, куда возносятся избранные пророки, и бездны ада: «Да найдет на них смерть; да сойдут они живыми в ад» (Пс. 54, 16). В рамках этой бинарной оппозиции инобытийное положение праведников представлено как «сон *смертный*». Уже в псалмах предвосхищается символ «книги живых» (Пс. 68, 29), куда занесены имена праведников, эсхатологически сопричастных метафизической полноте и славе Господа. Евангельские тексты содержат свидетельства того, что древние евреи верили в воскресение избранных пророков: Христа многие воспринимали как воскресшего Илию или Иоанна Крестителя.

Осознавая смерть следствием грехопадения, ветхозаветный человек все же видел в истории проявление промысла Божиего, возможность преодоления внутренней греховности, зла земной жизни, обретения отдохновения. Память о смерти создавала этическую позицию для суда праведников и грешников: «Бог для нас – Бог во спасение; во власти Господа Вседержителя врата смерти» (Пс. 67, 21). Смерть связывается с идеей морального воздаяния. Ветхозаветный человек уповает на то, что Бог не оставит праведника в смерти, отсюда стоическое принятие кончины: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла» (Пс. 22, 4). Ветхозаветные воззрения на смерть при всем эклектизме становятся религиозным преддверием евангельского мировидения.

Новозаветное мироощущение просветлено идеей бессмертия и воскресения, поэтому благая весть Христа вызвала столь ожесточенное неприятие саддукеев, отрицавших возможность воскресения. Христианство, по убеждению апостола Павла, основано на вере в бессмертие и воскресение, которая становится залогом спасения: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша» (1 Кор. 15, 14). Иисус среди чудес исцеления дал обетование воскресения, поэтому первые христиане жили в атмосфере ожидания скорого преображения мира, что придавало их мирозерцанию эсхатологический оптимизм.

Жизнь («живот») в христианстве воспринимается как жизнь вечная и бессмертная. Слово «живот» в православной гимнографии обозначает од-

новременно бессмертие и бытие в Царствии Божием: «(...) даде нам живот вечный»⁵. При этом Господь как источник жизни и силы, мудрости и любви славится как «Животодавче» и «Живот наш». Богородица в православной гимнографии величается как «Мати Живота», в земном давшая земную жизнь небесному, ставшая «вторым небом». В ней еще до спасительной жертвы Христа воссоединились имманентное и трансцендентное.

В евангельских текстах и православной книжности используется также понятие «пакибытие» как жизнь за пределами земного мира, жизнь бессмертная и вечная. В православной картине мира бездна смерти и гроб воспринимаются как начало восхождения к Богу, лестницы: «О дивное чудо! Источник Жизни во гробе полагается, и лестница к небеси гроб бывает»⁶.

Иисус выступает в христианстве антитезой Адама, а его явление – рубежом во всемирной истории как пути от грехопадения к эсхатологическому Царствию Божиему. Если Адам обрек человечество на грех и смерть, то Агнец Божий и одновременно «пастырь добрый» своей спасительной жертвой освободил человека от их власти: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1 Кор. 15, 22). Апостол Павел называет Адама «образом будущего» (Рим. 5, 14). Православная гимнография славит Христа за таинство совокрещения прародителей, сокрушение «медных» врат ада: «(...) древняя юзники совокресив с Собою славно яко Бог»⁷. Символ креста как «основа всякой жизни»⁸ вбирает в себя ключевые религиозные идеи христианства, связанные с утверждением синтеза божественного и человеческого, победой над адом и смертью. Крест – это символ любви Спасителя, преддверие рая, преображения и воскресения.

Иисус, став Сыном Человеческим, прошел весь путь человека, включая духовную скорбь, вопрошание из бездны, физическую смерть, которую он победил: «Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его» (Деян. 2, 24). Апостол Павел утверждает религиозную истину сопричастности верующего и мукам Христовым, и его смерти, и воскресению из мертвых.

Смерть «ветхого человека» на кресте, его освобождение от греха сопровождается рождением нового, нетленного человека, живущего не по закону, а по благодати, наделенного духовной свободой, верой в воскресение: «Итак, кто во Христе, *тот* новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5, 17). Апостол Павел утверждает идею «внутреннего человека», который уже в земном мире чувствует сопричастность Царствию Небесному, преображается и не подвластен смерти. В основе такого нового, духовного человека, по убеждению апостола Павла, утверждается «любовь,

радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера» (Гал. 5, 22). И хотя новый человек сохраняет подверженность греху, ему открыт благодатный путь к спасению. Апостол Павел утверждает веру в то, что благодать Бога и спасительная жертва Христа ради человека были предуготованы в вечности, до сотворения мира: «Так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви» (Еф. 1, 4). Идея преобразования ветхого человека, явленная в евангельских притчах, например, в «Притче о старых мехах и новом винограде», широко представлена в православных молитвах, в частности, «Молитве Св. Василия Великого»: «(...) да ветхаго отложивше человека, в новаго облечемся»⁹.

Рождение человека в христианстве воспринимается как бесценный дар и радость прежде всего для матери: «(...) но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Иоан. 16, 21). Евангельская антропология различает в человеке земное и небесное, акцентируя их дихотомию. Однако в противовес гностикам, которые отрицали материю как зло¹⁰, христианство утверждает онтологический идеал воссоединения земного и небесного во Христе. Христианство постулирует субстанциональность и активность души, которая оживляет собою физическое тело. Не отрицая телесную природу, христианство отрицает грех, «нечистые помыслы», влекущие душу и тело к физической и духовной мертвенности.

Апостолы и Отцы Церкви различают духовную и плотскую жизнь, призывая преодолевать соблазны мира, лежащего во зле, во имя вечной жизни в Боге. К евангельским текстам восходит магистральная для русской литературы идея того, что бессмертную душу на земле нельзя взять в плен или убить: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мтф. 10, 28). Земная жизнь, в христианском понимании, предстает как сфера духовного становления, самосовершенствования и спасения. Иисус в «Притче о потерянной овце» и «Притче о блудном сыне» утверждает значимость обретения раскаявшейся души Царствием Небесным. Раскаяние становится формой духовного воскресения еще в земной жизни. Духовное воскресение личности становится событием во вселенской истории: «И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти не заблудившихся» (Мтф. 18, 13).

Земная жизнь воспринимается апостолами и Отцами Церкви в качестве посева человеком помыслов и дел, которые пожнут после физической смерти, по завершении личностной и вселенской истории. Этический акцент при этом ставится на смиренных делах и помыслах, преображающих душевное в духовное. Душа в евангельских прит-

чах уподобляется зерну как средоточию дара бессмертной жизни. Человек, жертвуя собой ради ближних и Бога, спасается, в то время как гордыня обрекает его на духовную смерть: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан. 12, 24). Данная религиозная идея об активном житетворчестве, умножении искры духовности и добра в человеке акцентирована в евангельской «Притче о минах».

Метафизика воскресения в христианстве неразрывно связана с идеей Суда над бессмертной душой, чей свободный выбор между добром и злом будет закреплен в инобытии: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубается и бросается в огонь» (Лук. 3, 9). Христианская эсхатология предполагает «воскресение жизни» и «воскресение осуждения». В православной гимнографии подчеркивается сакральный трепет воскресших «человеков» в Судный день. Православные религиозные воззрения на загробный мир, помимо идеи Всеобщего Страшного Суда, утверждают идею частного суда посредством мытарств.

Духовная полнота *рая сладости* противопоставлена адской бездне, в которой грешные души, жившие на земле чувственными благами, испытывают почти физические мучения как напоминания греховных сладостей. Геенна огненная становится загробной формой Божиего гнева: «В пламенеющем огне совершающем отмщение не познавшим Бога и не покающимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа» (2 Фес. 1, 8). Новозаветное восприятие ада исходит из того, что после спасительной жертвы Христа души праведных и святых не будут узниками ада: ад перестает быть общеродовым уделом человечества. В рамках жесткой дихотомии *рая сладости* и геенны огненной в православной культуре утверждается религиозное представление о «теплоте» как равнодушии человека к добру и злу, приводящем к отторжению от Царствия Небесного, Бога: «Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Отк. 3, 16). В загробном мире «теплота» карается состоянием богооставленности, метафизическим одиночеством вне *рая* и ада.

Физическая смерть как переход в инобытие временно оформляет положение бессмертной души в ожидании эсхатологического воскресения и Суда Божиего. Церковное сознание исходит из того, что молитва живых об усопших может не только облегчить их страдания в загробном мире, но и спасти их, даровать покой. Окончательная, эсхатологическая смерть наступит после Суда Божиего: «И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это — смерть вторая» (Отк. 20, 14).

Христианство не приемлет религиозных пред-

ставлений о переселении душ, множестве воплощений. Для христиан индивидуальное тело – также объект воскресения и спасения: «И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле» (Колос. 3, 15). Христианская этика утверждает равновеликое спасение души и тела: «Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом своим, живущим в вас» (Рим. 8, 11). Тело праведника, наряду с духом, сопричастно соборному Царствию Божию. Христианское метафизическое возвышение тела, которое воспринималось в Ветхом Завете лишь прахом, проявляется в том, что тело человека мыслится теперь как храм: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога» (1 Кор. 6, 19).

Иисус, будучи Сыном Божиим и Сыном Человеческим, через искупление «драгоценною Кровию» освятил земное бессмертным. Спасительная Жертва Христа выступает в христианской историософии центральным событием не только земной, но и Небесной истории. Таинства смерти, успеха, сошествия в ад, воскресения вместились в рамки трех земных дней. В этом символическом указании подчеркивается онтологическое преобразование: жизнь – смерть – воскресение. Число три указывает на силу воскресения, идущую от трех ипостасей Бога. Апостолам было дано откровение таинств преобразования, воскресения и вознесения, но не дано абсолютное знание об их божественной природе. Воскресший Иисус говорит Марии Магдалине, которая среди первых приобщилась к таинству воскресения: «(...) не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему» (Иоан. 29, 17).

Таинство воскресения в христианстве неразрывно связано с таинством преобразования физического тела, которое подобно обновленному рождению в вечности. Иисус дал обетование преобразования человеческой природы после воскресения, ее приближение к ангельскому чину: «Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах» (Мрк. 12, 25). Апостол Павел, говоря об эсхатологическом воскресении и преобразении, подчеркивает его стремительность, сближающую таинство воскресения с актом сотворения: «Вдруг, по мгновению ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор. 15, 52). Таинства воскресения и преобразования предполагают освобождение от власти ограниченного земного мира, пространства, времени и смерти.

В христианстве таинство евхаристии вбирает в себя ключевые представления христианства об искупительной крови Христа, просветлении бессмертным земного и человеческого, благодатном единстве человека и Бога, преобразении и воскресении:

«Я хлеб живой, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Иоан. 6, 51). Таинство евхаристии обращает к первому чуду в Кане Галилейской, к обряду преломления хлебов, начало которому положил сам Иисус и его апостолы. Таинство евхаристии знаменует соборный характер спасения души и тел во Христе: «Так мы многие составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены» (Рим. 12, 5).

Для христиан значимо упование на эсхатологический Новый Иерусалим. Новозаветные тексты представляют Царствие Небесное как соборное бытие в Духе Святом, проникнутое покоем, радостью, свободой и любовью: «Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17). Царствие Небесное в христианстве уподобляется пиру, земным предвещием которого была Тайная Вечеря. Для христиан Новый Иерусалим – это храм, где Иисус пребывает вместе со спасенными и воскрешенными избранниками, где достигается вселенское единение Бога и человека. Христианин способен в своей душе создать нерукотворный храм, подобие эсхатологического Царствия Божиего: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лук. 17, 21).

Диалог ветхозаветных и евангельских представлений о Боге, бытии, человеке, смерти и бессмертии стал магистральным в русской культуре и литературе XIX в., оформляя метафизические сюжеты романтических текстов и их образный мир, проявляясь в устойчивых иллюзиях и реминисценциях. Христианские метафизические доминанты в русской культуре имманентно раскрывают стремление человека к диалогу с Творцом, к нравственному совершенствованию, к обретению абсолютного идеала, к спасению и бессмертию.

¹ См.: Миролубов Ю. П. Сакральное Руси. В 2 т. / Ю. П. Миролубов. – М.: Золотой век, 1996. – Т. 1. – С. 195.

² Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. / И. И. Срезневский. – М.: Книга, 1989. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 1694.

³ См.: Василядис Н. Таинство смерти / Н. Василядис. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. – С. 64-68.

⁴ См.: Лаврин А. Хроники Харона: Энциклопедия смерти / А. Лаврин. – М.: Московский рабочий, 1993. – С. 72.

⁵ Православный богослужебный сборник. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2000. – С. 24.

⁶ Там же. – С. 252.

⁷ Там же. – С. 112.

⁸ Трубецкой Е. Н. Избранное / Е. Н. Трубецкой. – М.: Канон, 1995. – С. 62.

⁹ Православный богослужебный сборник. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2000. – С. 8.

¹⁰ См.: Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства / Л. Н. Гумилев. – М.: Товарищество Клышников, Комаров и К°, 1992. – С. 33.

МИФОЛОГЕМА «ЗОЛОТОГО ВЕКА» В ЛИРИКЕ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА

В.В. Никулина, доцент кафедры теории и истории журналистики и литературы Омского гуманитарного института, кандидат филологических наук

Для русских романтиков одной из ключевых мировоззренческих проблем был вопрос о смысле истории. С эпохи античности берет свое начало утопическое представление о «золотом веке» как идеальной форме бытия человечества. Мифологема «золотого века» в древнегреческой мифологии была неразрывно связана с представлениями о цикличности космической жизни, вырождении человеческого рода.

Постепенно данная мифологема становится органичной частью философских систем Платона, Аристотеля, наполняясь качественно новыми метафизическими смыслами. Такую трансформацию мифологемы мы видим в трудах Платона, создавшего утопию идеального мироустройства, соотнося ее уже не столько с прошлым, сколько с идеальным государством, неисторичным по своей структуре. В новой европейской философии возникла трансформация мифологемы «золотого века» в концепт «естественного человека», живущего соответственно с законами природы и противопоставленного цивилизации (Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, И.-Г. Гердер).

В христианском мировосприятии мы видим качественно иную концепцию соотношения времени и вечности. В христианстве рай выступает прологом земной истории: без предания о грехопадении и изгнании прародителей из рая смысл земной истории не может быть понят в полной мере. Н.А. Бердяев заключает: «Христианская свобода предполагает разрешение исторического действия через действие свободного субъекта...»¹. Центром всемирной истории в христианстве выступает спасительная жертва Христа, не только искупившая первородный грех, но и восстановившая утраченную связь между человеком и Богом.

Предвосхищаемым абсолютным идеалом в христианстве выступает соборное бытие Царствия Божиего. Понимание истории в христианстве ориентировано на Апокалипсис, эсхатологическое разрешение, после которого человек как динамичный ее участник обретает в Боге сопричастность осуществленному предвечному замыслу сотворения мира. Покой предстает как созерцание всей полноты Бога и сопереживание Его творческого отдохновения: «Посему для народа Божия еще остается

субботство. Ибо, кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и бог от Своих» (Евр. 4, 9-10). Реализация творческой активности предполагает необходимость отдохновения – покоя. В Царствии Небесном тем не менее духовная жизнь не остановится, а проявит себя в абсолютных формах блаженства, любви и мудрости².

Эсхатологизм христианского понимания истории проявил себя в философии Ф.-В. Шеллинга и Г.-В. Гегеля, где также исторический процесс имеет границу, разрешение. Процессу всемирной истории, по мысли Шеллинга, предшествует вневременное, пребывающее в вечности «прабытие» человечества³. История выступает как диалектический процесс становления, откровения и утверждения Абсолюта. По окончании всемирной истории будет преодолена разрушительная сила самости: «Поэтому конец откровения есть отторжение зла от добра, объявление его полнейшей нереальностью»⁴. Таким образом, в философии Шеллинга выстраивается триада: прабывание – откровение в истории – разрешение истории (восстановление всеединства).

С рассмотренными мифопоэтическими, религиозными и философскими традициями был хорошо знаком Веневитинов, в творчестве которого античная мифологема «золотого века» получила самобытное развитие: на поэта оказали воздействие не только идеи Шеллинга, но и христианские эсхатологические представления о покое, разрешении всемирной истории. В философской прозе Веневитинова («Письмо к графине NN», «Анаксагор (Беседа Платона)», «Утро, полдень, вечер и ночь», «Скульптура, живопись и музыка», «Три эпохи любви») индивидуальная жизнь и история представлены как диалектический процесс становления, восхождения к более высоким формам духовной самореализации.

Веневитинов воспринял христианскую традицию в осмыслении всемирной истории, времени и вечности. Для него настоящее – это постоянное становление, обращенное и к прошлому, к будущему и связующее их. Прошлое, настоящее и будущее, диалектически вступая в живую связь, становятся у Веневитинова единым процессом, обра-

щенным к вечности и к абсолютному идеалу. Будущее, по мысли Веневитинова, вбирает настоящее и прошедшее.

Русский романтик стремится выделить не только этапы всемирной истории, которую он понимает идеалистически, но и выявить эстетические формы, адекватно их выражающие. Так, в статье «Скульптура, живопись и музыка» Веневитинов не только раскрывает динамику восхождения от пластического изобразительного искусства к музыке, но и высказывает мысль о том, что эти виды искусства моделируют оформление космоса, творение мира и выступают разными формами откровения Абсолюта. В письме А.И. Кошелеву <Конец июля 1825. Москва> Веневитинов пишет о трех эпохах в истории человечества: эпической, лирической и драматической⁵. Эпос он связывает с прошлым, отмечая доминирование в нем воспоминаний и впечатлений от окружающего мира. Настоящее он связывает с лирикой, в которой он видит выражение вневременной духовности человека. Третья эпоха синтезирует эпос и лирику в драматическом искусстве. В данной картине мира вторая форма снимает предыдущую, а затем обе они синтезируются в третьей. Благодаря осуществленному синтезу человек на третьем этапе обретает полноту мироощущения, идеал примирения человека и природы.

Данное стремление мы наблюдаем и у других русских эстетических мыслителей XIX в. Так, в работах Н.И. Надеждина мы видим смену основных принципов познания мира, отношения человека к внешней природе и к своему внутреннему миру: «Поэзия классическая обращала эту любовь на внешнюю природу, в коей видела высочайшую представительницу беспредельного изящества, тогда как романтическая поэзия посвящала себя человечеству...»⁶. Надеждин также видит в музыке более высокую и свободную форму отражения духовности человека.

Веневитинов, развивая традицию Шеллинга, понимает всемирную историю как триаду и выстраивает ее, взяв за основу соотношение человеческой свободы и полноты божественной природы. Как и Шеллинг, Веневитинов пишет о праистории человечества, когда царил созерцание, «чувство младенческое, всем довольное...»⁷, вне борьбы и столкновения. Это дорефлексивное пребывание в полноте природной жизни, предпосланная полнота знания. На втором этапе человек «отдаляется от природы и везде ищет самого себя»⁸, то есть проявляет творческую активность и утверждает себя в деянии. После этой «драматической» стадии наступает эпоха, когда человек «познает истинную гармонию»⁹, восстанавливая единство с природой и Богом, обретая внутреннее самопознание и познание мира. Данная эпоха осуществления абсолютного идеала по своим мировоззрен-

ческим и ценностным характеристикам близка к христианскому Царствию Божию.

Произведение «Анаксагор (Беседа Платона)» Веневитинова было воспринято уже современниками как оригинальное произведение. В жанровом отношении оно представляет соединение традиций философского диалога и фрагмента. Для Веневитинова более значимой была фигура Платона, нежели Сократа: именно с Платона берут начало идеалистические и мистические направления европейской философии и символизма, обращенные к трансцендентальным смыслам, стремящиеся к целостному постижению мира с позиции вневременных идей. Платон в произведении Веневитинова дважды высказывает мысль о динамизме индивидуальной жизни и человеческой истории: «...чтобы познать свое счастье, душа его осуждена к борьбе с противоречиями мира»¹⁰. В столкновениях и противоречиях реализуется творческая богородная природа человека. Процесс житнетворчества конкретной человеческой судьбы становится частью вечного творения универсума. Идеал и смысл житнетворчества соотнесены с будущим, причем идеал проявляет себя уже в настоящем, на уровне духовных переживаний.

Мифологема «золотого века» соотнесена у Веневитинова как с прошлым, так и с будущим, «когда нравственная свобода будет общим уделом — все познания человека сольются в одну идею о человеке — все отрасли наук сольются в одну науку самопознания»¹¹. Райское «всеведение» предпослано человеку, и его активный источник трансцендентен сознанию человека, который пассивно созерцает всю полноту творения, не отделяя себя от природы.

Итак, обращаясь к традиционной мифологеме «золотого века», Веневитинов стремится на ее основе выразить идею космоса, в котором индивидуальное и всеобщее начала стремятся к единству. Диалектика индивидуального становления в творчестве поэта моделирует всемирную историю от младенческой эпохи пребывания в полноте природной и божественной жизни через драматическую эпоху борьбы, свободного самовыражения к абсолютному знанию и покою. Покой в этических взглядах Веневитинова и других русских романтиков становится доминантой личностного становления и смыслом человеческой жизни.

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990. — С. 85.

² См.: Будущая загробная жизнь на основании Священного Писания и учения Отцов Церкви. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. — С. 81-102.

³ См.: Шеллинг Ф.-В. Введение в философию мифологии // Шеллинг Ф.-В. Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1989. — Т. 2. — С. 278.

⁴ Шеллинг Ф.-В. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах //

Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 148.

⁵ См.: Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. – М. : Наука, 1980. – С. 353.

⁶ Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. – М. : Художественная литература, 1972. – С. 239.

⁷ Веневитинов Д. Указ. собр. соч. – С. 135.

⁸ Там же. – С. 136.

⁹ Там же. – С. 137.

¹⁰ Там же. – С. 125.

¹¹ Там же. – С. 127.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ УЧЕБНОГО ПЛАНА

О.П. Середой, старший преподаватель кафедры естественно-научных и математических дисциплин Омского гуманитарного института

Учебный план в качестве дидактической единицы обеспечивает только временную взаимосвязь учебных дисциплин, устанавливает продолжительность, последовательность и объем их изучения, служит своеобразной пространственно-временной моделью организации учебного процесса с перечнем названий дисциплин, который, по мнению его разработчиков, формирует специалиста. Такая пространственно-временная модель учебного плана является матабазой знаний.

С точки зрения морфологического анализа систем, учебный план как система дает положительные ответы на вопросы: «Из каких компонентов, блоков образована система? Что она собой представляет? Оптимален ли набор элементов?». В нем зафиксированы названия дисциплин, их блоков и общее количество, а также регламентировано его использование для какой-либо специальности. Однако в настоящее время существует проблема несоответствия требований рынка к специалисту и уровню его знаний, умений и навыков, формируемых в учебном заведении. Причина такого несоответствия, по мнению авторов, состоит в недостаточной проработанности инфраструктуры учебного плана.

Понятие «инфраструктура¹» означает совокупность внешних объектов по отношению к рассматриваемому объекту, связанных с ним и находящихся во взаимоотношениях с учебным планом и друг с другом. В работе в качестве объекта исследования принят утвержденный учебный план вуза и была поставлена задача построения его инфраструктуры, способствующей совершенствованию учебного процесса по развитию компетентности специалиста. Компетентность – это готовность и способность решать проблемы и типичные задачи, возникающие в реальных жизненных ситуациях, с использованием знаний, умений и навыков (ЗУН), полученных в учебном заведении. Основной компетентности являются ЗУНы, которые затем,

при накоплении опыта практического их применения, становятся качеством личности. Для реализации известного тезиса «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике...» необходимы новый взгляд на учебный план, абстракция в виде схемы отношений дисциплин друг к другу.

В постиндустриальный период развития страны необходимость преобразования системы подготовки специалиста обусловлена следующими обстоятельствами²:

– появлением факторов социальной защищенности работников, профессионального самосохранения, требующих высокого уровня их квалификации и профессионализма;

– расширением понятия «квалификация»: помимо знаний, навыков и умений, в него вошли профессионально важные качества личности, которые получили название ключевых квалификаций;

– фактором «конкурентоспособности работника» на рынке труда. Обеспечение данного фактора возможно только за счет постоянного профессионального роста и самосовершенствования;

– динамизмом современных производственных технологий, новыми видами занятости, сокращением времени трудовых контрактов, вероятностью безработицы. Отсюда важность подготовки специалистов нового типа, способных адаптироваться к изменяющемуся миру профессий и быть профессионально мобильными;

– нечетким рынком труда, колебаниями спроса на профессии, миграционными процессами. Все это требует большей универсализации профессиональных возможностей специалистов;

– интеграционными процессами в мировое экономическое общество, которые требуют сближения качества и уровня профессионального образования в России и передовых странах мира.

Кроме того, при преобразовании системы

подготовки специалиста необходимо учесть такие факторы, как существенные различия в материальных условиях жизни студенчества, стремление молодых людей как можно раньше приступить к практической работе по специальности.

Профессиональная защищенность, ключевая квалификация, профессиональная мобильность, повышение конкурентоспособности выпускников, адаптация к миру профессий, высокий уровень профессионализма требуют специализированной подготовки студента в учебном заведении, что может обеспечить соответствующая инфраструктура учебного плана.

Обеспечение этих требований возможно, если учебный план будут сопровождать следующие дидактические единицы, являющиеся его инфраструктурой:

- матрицы связности дисциплин;
- дерево дисциплин по «входу» и «выходу», построенное для каждой дисциплины;
- частотные характеристики востребованности каждой дисциплины по входу/выходу;
- подмножества дисциплин учебного плана, названных авторами «ядрами», одно из которых служит инвариантом данной специальности, другие сопровождают контрольные и курсовые работы, дипломное проектирование, различные виды практик.

Такая инфраструктура существующего учебного плана обеспечит целостность учебного процесса, более глубокую преемственность дисциплин, и организация учебных практик будет происходить не в отрыве с учебными дисциплинами.

Инфраструктура, которая в настоящее время сопровождает учебный план в виде методических указаний, пособий, электронных и мультимедийных учебно-методических комплексов, электронных учебников, недостаточна и, в конечном счете, решает только частные проблемы какой-либо его дисциплины. Например, организация электронных информационных пособий дает возможность расширить доступ к информационным ресурсам (авторизованный мониторинг за доступом к информационным ресурсам со стороны студента), проводить проверку результатов тестирования и т.д.

Новое представление учебного плана в виде матрицы связности позволяет выяснить его внутреннюю организацию, определить способ, характер связи дисциплин между собой, а также выявить прямые связи компонентов с внешней средой. Внешней средой являются Гост и предметы средней школы. Разработана технология формирования матрицы связности³.

Организация учебного процесса может происходить по-разному даже у одного и того же преподавателя, что объясняется состоянием знаний у студентов соответствующих ретроспективных дисциплин, их подготовленностью к восприятию текущего учебного материала преподавателями этих дисциплин.

Процесс передачи знаний текущей дисциплины будет успешен, если преподаватели ретроспективных дисциплин своевременно указали на связи со всеми перспективными дисциплинами. Знание взаимосвязей текущей дисциплины с перспективными в психологическом плане сформирует у студента установку, что хорошее знание текущего материала облегчит ему понимание будущих дисциплин.

Матрица связей дисциплин, частотные характеристики, дерево связей дисциплин, «ядра» образуют инфраструктуру данного учебного плана, наличие которой позволит решать такие задачи:

- организация передачи текущих знаний, обеспечивающих их целостность в ретроспективном и перспективном планах;
- организация умений при решении задач, использующих знания смежных дисциплин;
- организация навыков во время прохождения разного рода учебных, производственных практик с учетом соответствующего «ядра» дисциплин.

Матрица связности дисциплин строится по утвержденному учебному плану, поэтому ее цель не противоречит цели учебного плана подготовки специалиста. Матрица связности – это модель, содержащая $n + 2$ строк и столбцов, в первой строке и первом столбце записаны дисциплины учебного плана. Дисциплины, прописанные в столбце, условно считаются выпускающими, в строках – поддерживающими. Задача проектировщика модели установить только прямые связи выпускающих с поддерживающими дисциплинами (устанавливается входной интерфейс каждой выпускающей дисциплины). Выходной интерфейс выпускающей дисциплины получается автоматически. В итоговых строках и столбцах по каждой дисциплине фиксируется число связей любой дисциплины по входу и выходу.

Таким образом, функциональные возможности матрицы связности значительно шире данного учебного плана.

Во-первых, в ее итоговом столбце и итоговой строке по каждой дисциплине стоят числа, указывающие на частоту ее востребованности перспективными дисциплинами и количество ретроспективных дисциплин, ее поддерживающих. Использование алгоритма Наумчука или технологии определителей позволяет построить дерево дисциплин.

Во-вторых, числа итогового столбца и итоговой строки образуют два вариационных ряда, аппроксимация которых позволяет выявить линии тренда. В работе произведена аппроксимация вариационных рядов полиномами третьей степени. Анализ линий тренда порождает множество «ядер» для различных видов педагогической деятельности.

Дерево дисциплин по «входу» и «выходу» является своего рода законом, в соответствии с которым преподаватель проектирует алгоритм его преобразования, т.е. строит содержание дисциплины. Наличие дерева любой дисциплины не только определяет ее содержа-

ние, но и стабилизирует его для данной специальности, значительно уменьшает вариативность ее изложения разными преподавателями, а также уменьшает количество желающих ее «почитать» (читать будут только грамотные специалисты). Дерево дисциплин (в его корне стоит название конкретной дисциплины учебного плана) может иметь несколько уровней. На первом уровне иерархии дерева указаны дисциплины, имеющие непосредственные связи с корнем дерева; семантическое содержание этих дисциплин преподаватель-предметник должен учитывать в значительной мере. На последующих уровнях иерархии стоят дисциплины, оказывающие опосредованное влияние на дисциплину, что дает целостное представление о взаимосвязях данной дисциплины. Наличие таких схем, по нашему мнению, повысит качество образования. Подтверждением этому является работа Н.Ф.Талызиной, по мнению которой качество профессиональной подготовки специалиста любого профиля зависит от особенностей трех основных компонентов: цели обучения (для чего учить?), содержания обучения (чему учить?) и принципов организации учебного процесса (как учить?). На этом основании она предполагает строить модель специалиста, раскрывающую целевую функцию образования по избранному направлению его подготовки, в соответствии с которой производится отбор содержания и

структурирование учебного материала.

Однако, на наш взгляд, текущее содержание обучения (его структура) определяется его местом в учебном процессе и его связями с другими содержаниями, распределенными во времени.

Современное развитие высшего профессионального образования идет по линии диверсификации, суть которой состоит в расширении возможностей получения профессии и вариантов ее переподготовки, в создании инфраструктуры каждой дисциплины, позволяющей студенту осознанно формировать образовательную траекторию с учетом своих интересов, наклонностей, потребностей. Такая инфраструктура учебной дисциплины должна обеспечивать наглядность ее структуры, однозначное соответствие плана содержания и плана изложения, список терминов, сопровождающих план содержания.

¹ Термин инфраструктура первоначально появился в строительном деле и означал основание, фундамент, нижнее строение. Впоследствии было произведено расширение этого понятия, которое нашло применение в различных сферах человеческой деятельности.

² См.: Батышев С. Я. Блочно-модульное обучение / С. Я. Батышев. – М.: Наука, 1997. – 258 с.

³ См.: Пустобаев В. П. Инфраструктура понятия эксперимента / В. П. Пустобаев. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – 123 с.

КОНЦЕПТ «ЯЗЫК»

Л.В. Попова, доцент кафедры иностранных языков Омского юридического института, кандидат филологических наук

Что такое язык? Какие ассоциации возникают в связи с этим словом? Обычно с целью изучения словесных ассоциаций проводится ассоциативный эксперимент¹. По мнению А.А. Залевской, «группировка ассоциатов по общности основания для их связи с исходным словом дает возможность установить различия в вероятности актуализации тех или иных единиц глубинного компонента, что ... позволяет внести корректировки в показания словарей»². Ассоциативный эксперимент отражает изменения в вероятностных оценках, в то время как словари обычно отстают в этом отношении. В ходе ассоциативного эксперимента испытуемому предъявляется изолированное слово с заданием реагировать на него первым словом, пришедшим в голову в связи с полученным исходным словом. Именно условия свободного ассоциативного экс-

перимента, с точки зрения А.А. Залевской, «обеспечивают максимально полную картину актуализации не ограниченных заданием связей между единицами лексикона»³.

Для выявления словесных ассоциаций нами был применен свободный ассоциативный эксперимент. В нашем исследовании информантами были студенты Омского юридического института (ОмЮИ) и Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ). В ходе эксперимента информантам нужно было назвать без размышлений все ассоциации, возникающие у них со словом «язык».

Кроме того, для составления семантического поля слова-стимула «язык» необходимо было рассмотреть информацию о данном слове в ряде словарей, сопоставить ее с результатами свободного

ассоциативного эксперимента. Концепт мы, вслед за Л. О. Бутаковой, понимаем как психо-ментальное образование (гибкая когнитивная структура), отражающее динамическую систему мнений, представлений, понятий индивида об определенном фрагменте действительности⁴. В этом определении, с нашей точки зрения, имеются все необходимые компоненты, характеризующие понятие «концепт».

Для изучения словарных дефиниций нами были использованы данные семи словарей⁵. Показания словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, А.П. Евгеньевой, С.А. Кузнецова совпадают в отношении только первого названного ими лексико-семантического варианта (далее – ЛСВ): 1) Орган в полости рта в виде мышечного выроста у позвоночных животных и человека, способствующий пережевыванию и глотанию пищи, определяющий ее вкусовые свойства (табл. 1, 2). Л.Г. Бабенко и А.С. Мельничук формулируют определения так, чтобы максимально полно охватить признаки определяемого слова. Ср.: «Исторически сложившаяся система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей. Язык является универсальным средством общения и передачи информации»⁶ и «Термин «язык» имеет, по крайней мере, два взаимосвязанных значения: 1) язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем; 2) конкретный, так называемый этнический, или «идиотнический», язык – некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве»⁷. Далее показания указанных словарей варьируются в отношении количества ЛСВ – в основном, от восьми до десяти, но существенно расходятся в отношении содержания дефиниций (табл. 1, 2).

В ходе свободного ассоциативного эксперимента всего было опрошено 90 человек. Анализ ответов показал, что список ассоциаций довольно объемный и весьма разнообразный. Все ответы можно условно разделить на три группы. В первую группу входят самые распространенные ЛСВ слова «язык»: *общение, орган у человека или животного, язык государства или народа*. Во второй группе находятся ЛСВ, которые информанты называли не так часто, по сравнению с ЛСВ первой группы: *речь, значения, информация, культура речи, национальность, мышление, разговорный, вкус, литературный, культура*.

В третьей группе собраны ЛСВ, встречающиеся в ответах некоторых информантов в конце списка: *продукт питания, альвеолы, путешествия, ботинок, язычок на галстуке, поцелуй, любовь, жаргон, письменность, цивилизация, диалект*.

Интересно, что в первой и второй группах на-

блюдаются ответы, связанные с такими перцептивными прочтениями мира, как вкус, тактильность, чувства. Присутствие подобных ассоциаций перекликается с идеями корпоральной семантики и пониманием невозможности отрыва естественно функционирующего языка от остальных психических процессов⁸. Результаты свободного ассоциативного эксперимента показали, что ассоциативная связь определяется культурой во всем ее многообразии – знаниями, опытом, в том числе чувственным. По мнению Р.М. Фрумкиной, изучая ассоциации в ассоциативном эксперименте, мы апеллируем к неосознанному, глубинному слою нашей психики⁹.

Сравнивая показания словарей с результатами ассоциативного эксперимента, обнаруживаем, что ЛСВ «средство общения» в словарях находится примерно на третьем месте, тогда как у информантов он исключительно на первом месте. По-видимому, это свидетельствует о положительном намерении студентов общаться, лучше узнавать друг друга, познавать культуру и окружающий их мир в целом. Таким образом, язык помогает выразить внутренний мир говорящего, его опыт, ощущения, раскрывая глубинные структуры сознания говорящего, при этом последний не всегда четко может осознавать такой процесс его индивидуализации.

В дальнейшем для полноты и объективности выводов возможны проведение свободного ассоциативного эксперимента с иноязычными информантами и межъязыковое сопоставление.

¹ См.: Фрумкина Р. М. Психолингвистика. – М.: Академия, 2006. – С. 190.

² Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово // Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – С. 70.

³ Залевская А. А. Указ. соч. – С. 53.

⁴ См.: Бутакова Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2001. – С. 13-14.

⁵ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – СПб., 1882. – С. 674-675; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Артель», ООО «Издательство Аст», 2000. – С. 1457; Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз, 1989. – С. 747; Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 4. – С. 780; Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – С. 1531.

⁶ Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: Аст-Пресс книга, 2005. – С. 170.

⁷ Мельничук А. С. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 604.

⁸ см.: Ruthrof H. The body in language / H. Ruthrof. – London; New York: Cassell, 2000. – 193 p.

⁹ См.: Фрумкина Р. М. Психолингвистика. – С. 192.

Таблица 1

Автор словаря, год издания, номер страницы	Лексико-семантические варианты понятия «язык»				
	1	2	3	4	5
В. И. Даль 1882:675	Мясистый снаряд во рту, служащий для подкладки зубами пищи, для распознавания вкуса, а также для словесной речи, или у животных, для отдельных звуков	Язык колокола, било, клепало, железный пест, кистень, привешиваемый внутри под шелом колокола, для звону	Нутреная воронка мережи, вектера, через которую рыба входит	Язык, язычень органа, пружинка, крючек, по коему быют играя	Язык кларнета, гобоя, пищик, тонкая деревянная пластинка, вставляемая в губник, для звука
Д. Н. Ушаков 2000:1456-1457	Орган в полости рта в виде подвижного мягкого выроста, являющийся органом вкуса, а у человека способствующий также образованию звуков речи	Способность говорить, выражать словесно свои мысли, речь	Система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения в человеческом обществе	Разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками	Способ выражения, стиль, свойственный кому-н.
С. И. Ожегов 1989:747	1. ¹ Подвижный мышечный орган в полости рта, являющийся органом вкуса, а у человека участвующий также в образовании звуков речи	2. В колоколе: металлический стержень, производящий звон ударами о стенку	3. О чем-н., имеющем удлиненную, вытянутую форму (<i>перен.</i>) ² .	1. Система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе	2. Совокупность средств выражения в словесном творчестве, основанных на общенародной звуковой, словарной и грамматической системе, стиль
А. П. Евгеньева 1999: 780	Орган в полости рта в виде мышечного выроста у позвоночных животных и человека, способствующий пережевыванию и глотанию пищи, определяющий ее вкусовые свойства	Это орган человека, способствующий образованию звуков речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей; орган речи	Система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей	Разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками; стиль, слог	Средство бессловесного общения
С. А. Кузнецов 1998:1531	Орган в полости рта в виде мышечного выроста у позвоночных животных и человека, способствующий пережевыванию и глотанию пищи, определяющий ее вкусовые свойства	Это орган человека, участвующий в образовании звуков речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей; орган речи	Система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей	Разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками; стиль	Система знаков (звуков, сигналов), передающих информацию
Л. Г. Бабенко 2005:170	Исторически сложившаяся система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей. Язык является универсальным средством общения и передачи информации	—	—	—	—

<p>А. С. Мельничук 2002:604</p>	<p>Термин «язык» имеет, по крайней мере, два взаимосвязанных значения: 1) язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем; 2) конкретный, так называемый этнический, или «индиозтнический», язык — некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве</p>				
-------------------------------------	---	--	--	--	--

Таблица 2

Автор словаря, год издания, номер страницы	Лексико-семантические варианты понятия «язык»				
	6	7	8	9	10
<p>В. И. Даль 1882:675</p>	<p>Насторожка, продольная палочка с зарубкою, с коей срывается отвесная подставка, сторожек</p>	<p>Задвижка, которая входит в проушину дужки висячего замка</p>	<p>Словесная речь человека, по народностям; словарь и природная грамматика, совокупность всех слов народа и верное их сочетание, для передачи мыслей своих</p>	<p>Способность или возможность говорить</p>	<p>Слова, а более постановка и связь их, образ, способ выраженья, свойственный кому лично</p>
<p>Д. Н. Ушаков 2000:1456-1457</p>	<p>Словесно выраженная мысль, речь того или иного содержания</p>	<p>То, что выражает собою что-н. (о звуках, издаваемых животными, о предметах и явлениях)</p>	<p>Народ, народность (<i>стар.</i>)³</p>	<p>Пленный, от которого можно добыть нужные сведения (<i>устар.</i>)⁴</p>	<p>В колоколе, колокольчике — металлическая пластинка, стержень, производящий звон ударами о стенки</p>
<p>С. И. Ожегов 1989:747</p>	<p>3. Речь, способность говорить</p>	<p>4. Система знаков (звуков, сигналов и т.п.), передающих информацию</p>	<p>5. То, что выражает, объясняет собой что-н. (о предметах и явлениях)</p>	<p>6. Пленный, от которого можно получить нужные сведения (<i>перен.</i>)</p>	<p>Народ, нация (<i>стар.</i>)</p>
<p>А. П. Евгеньева 1999: 780</p>	<p>Народ, народность (<i>устар.</i>)</p>	<p>Пленный, от которого можно узнать нужные сведения</p>	<p>Металлический стержень в колоколе или колокольчике, который, ударяясь о стенку, производит звон</p>	<p>—</p>	<p>—</p>
<p>С. А. Кузнецов 1998:1531</p>	<p>Народ, народность (<i>устар.</i>)</p>	<p>Пленный, от которого можно узнать нужные сведения</p>	<p>Металлический стержень в колоколе или колокольчике, который, ударяясь о стенку, производит звон</p>	<p>О том, что имеет удлиненную, вытянутую форму</p>	<p>—</p>
<p>Л. Г. Бабенко 2005:170</p>	<p>—</p>	<p>—</p>	<p>—</p>	<p>—</p>	<p>—</p>

¹ В Словаре русского языка С.И. Ожегова под ред. Н.Ю. Шведовой слово язык омонимично и дается в трех основных значениях, каждое из которых включает еще ряд других значений (всего 10 значений).

² *Перен.* = переносное значение.

³ *Стар.* = старинное значение.

⁴ *Устар.* = устаревшее значение.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНТОНАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Е.А. Стебляк, доцент кафедры общей психологии, декан социально-гуманитарного факультета Омского гуманитарного института, кандидат педагогических наук

Изучение становления коммуникативных функций интонации в онтогенезе показало, что интонация участвует в осуществлении эмоционального и фактического аспектов коммуникации на ранних стадиях онтогенетического развития.

Так, зарождающаяся в доречевой период развития ребенка коммуникативная деятельность осуществляется посредством интонаций, содержащихся уже в первых вокализациях, основу которых составляет врожденная голосовая активность младенца¹. Слуховое восприятие словесного воздействия взрослого и ответные вокализации в совокупности образуют разновидность ситуативно-личностного общения, поскольку оно сводится к обмену информацией об эмоциональном отношении партнеров друг к другу. В отличие от собственно речевого, это общение называется голосовым (М.И. Лисина).

В предречевых вокализациях моделируется интонационный рисунок слышимой речи. Совершенствование интонирования происходит по мере взросления ребенка и формирования его голосовой активности. Первыми осваиваются те виды интонаций, с которыми взрослые общаются с ребенком, что «свидетельствует о наличии обратных речеслуховых связей в системе «взрослый – ребенок» при доминирующем значении взрослого»². Имеются указания на следующую очередность появления интонаций в предречевых вокализациях ребенка: интонация спокойного гуления, радости, восклицания, просьбы, вопроса. Хотя интонирование вокализаций перечисленных значений очень похоже на интонымы взрослых, по своей структурированности они все же не идентичны³. Голосовые проявления младенца: крик, плач, первичные вокализации, гуление, лепет, младенческое «пение» – хорошо изучены со стороны акустических особенностей (Б.Е. Арама, Г.В. Базжина, Н.Ю. Вахтина, В.И. Галунов, Л.Н. Ильина, Ю.И. Кузьмин, Н.Я. Кушнир, Р.В. Тонкова-Ямпольская, Т.Л. Фридман, О.И. Яровенко и др.). «Меньше внимания уделено функциональному значению этих явлений в генетической перспективе и психологическом контексте»⁴.

Е.И. Исенина отмечает, что на дословесной стадии каждое «высказывание ребенка имеет одну функцию» из числа следующих (обозначаются в порядке их появления): инструментальная – для удовлетворения материальной потребности ребенка в виде вещей или услуг («Я хочу»); регуляторная – для контроля действий другого лица («делай, как я говорю»); взаимодействия – для достижения и упрочения контакта со значимыми для ребенка лицами («я и ты»); личностная – для выражения собственной индивидуальности («вот и я»); эвристическая («скажи мне»); воображения («давай-ка притворимся, что»); информативная – для исследования окружения ребенка⁵.

На этапе 12-17 месяцев выделяются две большие группы функций: прагматическая (включающая инструментальную и регуляторную функции) и матетическая, идеационная (обобщающая личностную и эвристическую функции)⁶. Это разделение оформляется путем использования в фонациях восходящего и нисходящего тонов. В этот период «в одном высказывании» могут комбинироваться 2-3 функции⁷. Н.И. Лепская отмечает участие паралингвистических средств (звукового невербального выражения) в становлении эмоционального и фатического аспектов коммуникации на ранних стадиях онтогенетического развития. При этом фатический аспект, понимаемый как «выражение импульсивного желания общения»⁸, появляется позднее в связи с освоением пауз, обеспечивающих возможность попеременного выражения своих эмоциональных состояний матерью и ребенком⁹.

Фиксируя становление различных видов и функций интонации у детей в доречевой период, исследователи отмечают, что готовность к интонационному владению действительностью не может осуществляться вне коммуникативных связей со взрослыми, т.к. ребенок не обладает врожденными алгоритмами звуковых коммуникаций (Р.В. Тонкова-Ямпольская). У взрослых в восприятии и понимании речи звуковые воздействия актуализиру-

ются через языковые значения, организованные в соответствующую систему, например, систему интонации¹⁰. У детей же на первом году жизни в восприятии интонаций доминируют физические характеристики, причем звуковое оформление высказывания приобретает знаковое наполнение благодаря условно-рефлекторной связи перцептивного образа звучания с ситуационным контекстом. Для слухового восприятия ребенком интонации «очень важно присутствие говорящего с ним человека, визуальное восприятие его лица и ситуации общения. В восприятии интонации большую роль играют коммуникативная ситуация, обычно игровая, а также сочетание интонации с демонстрируемой игрушкой»¹¹. Таким образом, интонационная система начинает оформляться путем образования цепных, условно-рефлекторных реакций (М.М. Кольцова). И лишь по мере активизации речевого общения, развития восприятия и предметных действий звуки приобретают собственно языковое значение, т.е. становятся второсигнальными. С этого момента обусловленность восприятия речевых интонаций языковыми средствами обозначения эмоций становится важнейшим фактором¹².

В источниках указываются различные данные относительно сроков становления интонационной системы у детей. В основном, «интонационное поле системы речеслухового анализатора» заканчивает свое становление к концу периода лепета. Становление же интонационного поля в речедвигательном анализаторе в этот период еще не заканчивается, оно приходится на начало второго года жизни (Р.В. Тонкова – Ямпольская). Иные данные о сроках завершения формирования интонационного поля в речедвигательном анализаторе – «плане реализации интонации»¹³ – приводит Н.Ю. Вахтина, которая отмечает неодинаковую скорость усвоения детьми разных компонентов интонации¹⁴. Относительно нормативно функционирует мелодический компонент, в темпоральных и динамических контурах наблюдаются отклонения от нормального употребления. «Многокомпонентность интонации, важность всех ее компонентов и их взаимовлияние позволяют утверждать, что в речи детей 2.0 – 4.0 интонационные модели и приемы их использования находятся в процессе становления и постепенно сближаются с нормативными моделями взрослых»¹⁵.

Если возраст, который можно считать «рубежом в усвоении интонационной системы» в плане реализации интонаций установлен (около четырех лет), то относительно усвоения интонационной системы в плане восприятия интонаций имеющиеся данные противоречивы. Широко распространено мнение, что ее становление в этом аспекте завершается весьма рано и успешно: «Известным

показателем того, что интонационная сторона речи усваивается рано и без осложнений служит отсутствие в литературе указаний на какие-либо недочеты этого рода, а в практике не возникает вопроса об исправлении таких недостатков»¹⁶. Однако такие данные имеются. Так, сообщается об однообразии и неточностях, искажениях в качественных оценках речевых интонаций, выражающих эмоции, детьми, воспитывающимися в условиях психической субдепривации¹⁷. Воспитанники детского дома с трудом распознают лишь очень небольшое количество эмоциональных интонаций (из предложенных для распознавания) и при этом допускают смешения эмоциональных коннотаций. Анализируя указанные факты, авторы утверждают, «что эта картина отражает специфический субъективный опыт эмоционального общения с окружающими их взрослыми», а именно в этом аспекте жизнедеятельности воспитанников детского дома имеются существенные недостатки.

Еще Л.С. Выготский подчеркивал значимость эмоциональных воздействий взрослого на ребенка через устную речь, которая своей мелодикой, громкостью, тембром, паузами и темпом передает эмоциональное состояние взрослого, его отношение к поступкам ребенка. Дефицит субъективного положительного опыта такого рода и приводит к неуспеваемости качественного богатства и многообразия интонаций речи, к возникновению патологического состояния, названного С.Л. Рубинштейном «духовной глухотой»¹⁸, а В.П. Морозовым – «эмоциональной тугоухостью»¹⁹.

Природа этого состояния характеризуется распадом единства и взаимопроникновения «чувственного и логического, чувственного и смыслового» аспектов восприятия: при сохранности восприятия чувственных свойств и структуры вещей утрачивается их символическое значение, нарушается осмысление воспринятого²⁰.

Имеющиеся данные позволяют заключить, что точный возрастной период, в котором завершается оформление интонационной системы в плане восприятия интонации, пока не установлен. Более определенные сведения касаются формирования способности реагировать на акустическую структуру интонации как условно-рефлекторный раздражитель (М.М. Кольцова). В то же время констатация окончательных сроков становления осознанного восприятия интонации, опирающегося на «деятельность истолкования»²¹ средствами языка, весьма затруднительна по причине сложности и детерминированности этого процесса обстоятельствами субъективного опыта, весьма различными у разных детей и подростков.

Таким образом, становление интонационной системы как в плане реализации, так и в плане восприятия интонаций начинается еще на доречевой

стадии развития, в период лепета. Возраст около четырех лет признается «рубежом в усвоении интонационной системы» в плане реализации интонационных моделей. В период лепета формирование интонационной системы в плане восприятия интонаций осуществляется как ситуативное условно-рефлекторное реагирование на акустическую структуру интонационного раздражителя. Менее полно охарактеризован процесс перехода ребенка на стадию осмысленного восприятия и обобщенного истолкования речевых интонаций.

Распознавание и понимание эмоциональных интонаций является сложным процессом: его становление происходит в дошкольном детстве, совершенствуется же он на протяжении всей жизни человека (Э.А. Александрян, Н.Ю. Вахтина, Е.А. Винарская, Е.И. Исенина, Н.И. Лепская, М.И. Лисина, Н.А. Мазманян, Р.В. Тонкова-Ямпольская, Т.Н. Ушакова и др.).

Можно считать установленным, что сохранность слухового восприятия еще не определяет распознавание эмоциональных интонаций, так как просодические признаки, которыми характеризуются акустические сигналы эмотивного поведения, «большой частью двусмысленны» (Р. К. Потапова). Развитие процессов распознавания и понимания эмоциональных интонаций определяется не столько совершенствованием слухового гнозиса, обеспечивающего пассивное восприятие речевого стимула, сколько усложнением активной деятельности слушающего, позволяющей ему в дополнение к входному акустическому сигналу использовать различные источники информации. К числу последних исследователи (В.А. Артемов, Е.Ф. Бажин, А.А. Борисова, Н.В. Витт, В. И. Галунов, И.Н. Горелов, Н.И. Жинкин, Г.В. Колшанский, В.А. Лабунская, В.А. Манеров, В.П. Морозов, Л.А. Пиотровская, Р.К. Потапова, Г.И. Рожкова и др.) относят ситуацию, контекст, структуру языка, невербальные ориентиры, предыдущий опыт слушателя и т.д. В связи с расширением индивидуального аудиторского опыта совершенствуется второсигнальная система языковых обобщений, обуславливающая адекватное отражение коннотативного значения речевых интонаций посредством языкового означивания. В психолингвистических исследованиях отмечается также тот факт, что характеристики распознавания и понимания эмоциональных интонаций обладают индивидуально-типологической вариативностью, являющейся функцией от особенностей личности распознающего как субъекта общения (В.П. Морозов).

При нормальном психическом развитии правильное понимание эмоционально значимой информации, содержащейся в голосе говорящего, появляется уже к 7 годам, причем отмечается закономерное возрастание указанной способности с возрастом.

Многие исследования социальной перцепции свидетельствуют о наличии в этом феномене половозрастной динамики²². Подростки обнаруживают более низкую успешность в выполнении звукового теста, чем взрослые, что обусловлено недостаточной сформированностью представлений об экспрессивных признаках различных эмоций²³. Девушки достоверно лучше справляются с заданиями, что объясняется большей способностью к эмпатии и более глубоким пониманием сверстников и других людей²⁴. Однако при определении эмоциональной модальности в голосе человека наиболее четко половозрастные различия проявляются у детей²⁵.

Специальное внимание было обращено на умение детей младшего школьного возраста осознавать предложенные эмоциональные состояния. По результатам беседы и тестирования выявлено правильное понимание эмоционально значимой информации уже к 7 годам, причем отмечается закономерное возрастание указанной способности с возрастом (Г.М. Котляр, В.П. Морозов). Так, разница между самыми младшими детьми (7-8 лет) и старшими (15-16 лет) составляет около 20%. Эти факты с позиций различных теорий находят различное объяснение. Так, обосновывается зависимость более раннего распознавания одних эмоций по сравнению с другими от научения, влияющего на усвоение значений признаков экспрессии и обогащение словарного запаса (А.С. Золотнякова). Подчеркивается, что эффективность опознания зависит не просто от возраста, а от меняющегося с возрастом уровня личностного развития (В.А. Лабунская).

С позиции теории двухканальной природы системы коммуникации человека, «актуальным является вопрос о формировании в онтогенезе функциональной специализации полушарий головного мозга человека к восприятию эмоциональной информации в речи»²⁶. В связи с этим увеличение с возрастом средних показателей правильного определения эмоций как в речи, так и в пении связывается с оформлением асимметрии головного мозга «в виде преимущества правого полушария к восприятию эмоций в пении и речи человека». Преимущество правого полушария к этому виду деятельности у детей формируется уже к 7-8 годам²⁷.

Выявлению и описанию содержательных характеристик процесса распознавания и понимания эмоциональных интонаций на разных выборках испытуемых посвящены работы В.А. Артемова, Л.Е. Архиповой, Е.Ф. Бажина, А.А. Борисовой, Н.В. Витт, В.И. Галунова, С.Н. Колымбы, Т.В. Корневой, В.Х. Манерова, В.П. Морозова, Э.А. Нушикий, Т.С. Овчинниковой, А.Х. Пашиной, Р.К. Потаповой, Г.И. Рожковой, А.М. Эткинда и др.

«Различия среди людей по степени развития эмоционального слуха существенны: от 10 до 95% по критерию точности восприятия эмоционально окрашенных фрагментов речи и пения»²⁸. Среднестатистический нормальный индивид обладает эмоциональным слухом на 60-70 баллов. Люди, состояние которых характеризовалось как «эмоциональная тугоухость, глухота», обладают им на 10-20 баллов. Обладатели сверхвысокого эмоционального слуха (до 90-95 баллов) встречаются среди музыкантов, дирижеров хора, вокалистов, ведущих артистов балета (Е. Ф. Фетисова, 1999 г.). Дети 1-2 класса общеобразовательной школы владеют эмоциональным слухом в среднем на 46-50 баллов: 1 класс – 40-70 баллов; 2 класс – 55-73 балла.

При изучении уровня развития эмоционального слуха на детской и молодежной выборках обнаружен феномен деформации слухового восприятия вследствие адаптации сенсорно-перцептивной сферы к доминирующей в акустической среде мелодике речи и музыки. Проявлением этого феномена объяснено значительное снижение адекватности восприятия интонации гнева и печали, характерное в той или иной степени для всех обследованных молодежных коллективов, включая учащихся начальных классов. Вследствие агрессивности звуковой среды дети и молодые люди перестают адекватно реагировать на интонации гнева, раздражения, страха, принимая их за норму. «Данное явление можно рассматривать как своего рода защитную реакцию психики на постоянно действующий негативно-эмоциональный стрессорирующий фактор»²⁹.

Низкая способность к адекватному распознаванию эмоций, выражаемых голосом другого человека, обнаружена у воспитанников детского дома, показатели распознавания у которых не достигали в среднем уровня даже нижней границы нормы. Причем воспитанники детского дома с большей вероятностью и меньшим разбросом показателей распознают страх, а также нейтральный контекст. Более 50% воспитанников детского дома не обладают нормальной эмпатией-тенденций, особенно это касается мальчиков. Полученные данные, оказавшиеся в 4-6 раз ниже среднестатистической нормы, охарактеризованы исследователем как «случаи своеобразной эмоциональной тугоухости или даже глухоты». Столь категоричная характеристика, по существу, является констатацией весьма низкой эмоциональной восприимчивости, обнаруженной на фоне доминирования отрицательных эмоций, высокой тревожности, низкой эмпатийности, что позволяет констатировать патологическую невротическую симптоматику обследованных контингентов³⁰.

Сравнительный анализ опознания эмоций в речевой и музыкальной фразе дошкольниками с фонетико-фонематическим недоразвитием и об-

щим недоразвитием речи показал, что дети с ФФН имеют нормальный эмоциональный слух, а у детей с ОНР и заиканием наблюдается его снижение, причем более выраженное у детей с ОНР, что объясняется тяжестью речевого нарушения. Идентификация эмоций в музыкальной фразе оказалась для всех детей менее сложной, чем в речевой, при восприятии которой ошибки были более частыми, особенно если семантика высказывания не соответствовала его эмоциональному тону³¹.

Почти всеми исследователями констатируется факт более точного узнавания одних эмоциональных состояний по сравнению с другими. Лучше всего распознаются эмоции горя (85,2%), страха (84,8%), гнева (82,1%), а эмоционально нейтральные фразы опознаются заметно хуже (69,44%)³².

Наиболее часты ошибки либо внутри группы активных эмоций (гнев, активная радость и страх), либо внутри группы пассивных эмоций (тоска, пассивная печаль). Эмоции пассивной группы практически неразличимы на слух (В.И. Галунов, В.Х. Манеров). Причем каждый испытуемый в условиях эксперимента обнаруживает склонность к лучшему распознаванию определенного «предпочтительного набора» эмоциональных контекстов, который может включать как одну-две модальности, так и три и более³³.

¹ См.: Вахтина Н. Ю. Становление интонационной системы в раннем детском возрасте (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2000. – 318 с.; Винарская Е. Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии / Е. Н. Винарская. – М.: Просвещ., 1987. – 159 с.; Гвоздев А. Н. Усвоение ребенком звуковой стороны русского языка. – СПб.: Акцидент, 1995. – 64 с.; Исенина Е. И. Дословесный период развития речи у детей / Е. И. Исенина. – Саратов: Изд-во Саратовск. ин-та, 1986. – 162 с.; Лепская Н. И. Язык ребенка: (Онтогенез речевой коммуникации) / Н. И. Лепская. – М.: МГУ, 1997. – 152 с.; Мазманян М. А. Роль интонации в развитии речи ребенка / М. А. Мазманян, Э. А. Александрян // Исследования языка и речи. – М.: МГПИИЯ, 1971. – Т. 60. – С. 107-110; Ушакова Т. Н. Детская речь – ее истоки и первые шаги в развитии / Т. Н. Ушакова // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 3. – С. 59-69.

² Тонкова-Ямпольская Р. В. Развитие речевой интонации у детей первых 2-х лет жизни / Р. В. Тонкова-Ямпольская // Вопросы психологии. – 1968. – № 3. – С. 94-101.

³ Там же.

⁴ Ушакова Т. Н. Указ. соч. – С. 61.

⁵ См.: Исенина Е. И. Развитие языковых функций в дословесной коммуникации у детей / Е. И. Исенина // Фонетика и психология речи. – Иваново: ИГУ, 1981. – Вып. 3. – С. 53.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ См.: Лепская Н. И. Указ. соч. – С. 7.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ См.: Бажин Е. Ф. О возможности определения эмоционального состояния говорящего при прослушивании речевых текстов / Е. Ф. Бажин [и др.] // Речь и эмоции : материалы симпозиума 11-14 ноября 1974 г. – Л.: АН СССР, 1975. – С. 74-79.

- ¹¹ Мазманян М. А., Александрян Э. А. Указ. соч. – С. 108.
¹² Там же.
¹³ Винарская Е.Н. Указ. соч. – С. 14.
¹⁴ См.: Вахтина Н.Ю. Указ. соч.
¹⁵ Там же. С. 260.
¹⁶ Гвоздев А.Н. Указ. соч. – С. 42.
¹⁷ См.: Пашина А. Х. Особенности эмоциональной сферы воспитанников и сотрудников детского дома / А. Х. Пашина, Е. П. Рязанова // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 1. – С. 44-52.
¹⁸ См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 688 с.
¹⁹ См.: Морозов В. П. Искусство и наука общения: Невербальная коммуникация. – М.: Ин-т псих. РАН, 1998. – 164 с.
²⁰ См.: Рубинштейн С.Л. Указ. соч. С. 233.
²¹ Там же.
²² См.: Бажин Е. Ф. О возможности узнавания эмоций по интонационным характеристикам речи / Е. Ф. Бажин, Т. В. Корнева // Вопросы психологии познания людьми друг друга и общения. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 1978. – Вып. 2. – № 261-262. – С. 148-164; Морозов В. П. Указ. соч.; Морозов В.П. Возрастные особенности восприятия человеком эмоций в речи и пении / В. П. Морозов, Е. С. Дмитриева [и др.] // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. – 1983. – Т. 19. – № 3. – С. 289-292; и др.
²³ См.: Морозов В.П. Искусство и наука общения: Невербальная коммуникация.
²⁴ См.: Бажин Е.Ф., Корнева Т. В. Указ. соч.
²⁵ См.: Морозов В.П. Указ. соч.
²⁶ Морозов В.П., Дмитриева Е.С. [и др.]. Указ. соч. – С. 289.
²⁷ Там же.
²⁸ Пашина А. Х. О структуре эмоционального слуха / А. Х. Пашина // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 3. – С. 76.
²⁹ Морозов В. П. Указ. соч. – С. 51.
³⁰ См.: Пашина А.Х., Рязанова Е.П. Указ. соч.
³¹ См.: Овчинникова Т. С. Распознавание эмоций в музыке и речи дошкольниками с речевыми нарушениями / Т. С. Овчинникова // Актуальные проблемы обучения, адаптации и интеграции детей с интеллектуальной недостаточностью. – СПб.: РГПУ, 1995. – С. 156-157.
³² См.: Морозов В. П. Указ. соч.
³³ См.: Пашина А. Х. К проблеме распознавания эмоционального контекста звуковой речи / А. Х. Пашина // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 88-95.

ВНИМАНИЕ! ГОСТ 7.1 - 2003

Л.А. Цибилова, заведующий библиотекой Омского юридического института

Уважаемые читатели, обращаем Ваше внимание на то, что с 1 июля 2004 г. введен в действие ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Этот ГОСТ утвержден в качестве межгосударственного стандарта для стран-членов СНГ и в качестве национального для Российской Федерации. Он вносит множество изменений в общие требования и правила составления библиографической записи для различных видов литературы. Именно этим документом следует руководствоваться при составлении библиографических пособий (в том числе списков литературы) как различным организациям, так и отдельным лицам. В связи с принятием нового ГОСТа часто задают вопрос: насколько необходимо соблюдать новые требования к библиографическому описанию? В настоящее время в России сложилась двойственная ситуация по отношению к стандартам. С одной стороны, все они носят рекомендательный характер, но с другой – государственную систему стандартизации никто не отменял. Предписания стандартов – необходимые требования к определенным видам продукции, работ, услуг. Их применение обеспечивает качественные характеристики, в частности, такому виду, как информационные продукты.

Изменения в новом ГОСТ 7.1-2003 касаются,

главным образом, трех аспектов. Во-первых, это теоретические выводы и обобщения; во-вторых, развитие терминосистемы библиографического описания; в-третьих, изменение практики библиографирования, касающееся правил приведения отдельных элементов, правил орфографии, знаков предписанной пунктуации.

Вопрос о пересмотре ГОСТ 7.1-84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления» стоял на повестке дня давно. Кроме того, что этот стандарт устарел в идеологическом отношении в силу общественных и политических изменений в стране (например, многие примеры, в нем приведенные, содержат описания изданий трудов основоположников марксизма-ленинизма, КПСС, различных организаций СССР и т. п.), ГОСТ 7.1-84 перестал соответствовать действующим отечественным и международным документам, устанавливающим правила составления библиографической записи. В России за последние годы были приняты два государственных стандарта на библиографическую запись, входящих в систему СИБИД: ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.82-2001 «Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов», а также Изменение № 1 к ГОСТ 7.1-84.

Эти документы так же, как ГОСТ 7.1-84 и предыдущие ГОСТы на библиографическое описание (ГОСТ 7.1-69, ГОСТ 7.1-76), были подготовлены на основе рекомендаций ИФЛЛ «Международное стандартное библиографическое описание»-ISBD.

Именно ISBD является базой отечественной системы стандартизации библиографического описания. При разработке концепции пересмотра ГОСТ 7.1-84 не ставился вопрос об изменении основных принципов описания. Проблема заключалась в определении степени гармонизации отечественной практики с современными версиями ISBD и в выборе формы воплощения современных правил описания. Необходимо было решить, разрабатывать ли отдельные стандарты на описание различных видов документов или один, обобщающий ГОСТ. Вместо множества ГОСТов принято решение разработать один, аналогичный ISBD (G) – общему руководству по описанию всех видов документов.

В процессе работы над ГОСТ 7.1 – 2003 были определены основные принципы развития правил библиографического описания в новом стандарте – это соответствие современным версиям ISBD, универсальность правил описания всех видов документов и обеспечение функционирования правил как в традиционной, так и в электронной среде.

Новый ГОСТ 7.1-2003 вводится взамен пяти стандартов, регламентирующих библиографическое описание: основного ГОСТ 7.1-84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления», а также устаревших, но официально не отмененных стандартов на описание нотных изданий (ГОСТ 7.16-79 «Библиографическое описание нотных изданий»); картографических произведений (ГОСТ 7.18-79 «Библиографическое описание картографических произведений»); изоизданий (ГОСТ 7.34-81 «Библиографическое описание изоизданий») и аудиовизуальных материалов (ГОСТ 7.40-82 «Библиографическое описание аудиовизуальных материалов»).

ГОСТ 7.1-2003 является базовым для системы стандартов, правил, руководств, методических пособий по составлению библиографической записи. Предметом данного ГОСТа служит основная часть библиографической записи – библиографическое описание. Библиографическая запись может включать также заголовки, классификационные индексы и предметные рубрики, аннотацию или реферат, шифры хранения документа, справки о добавочных библиографических записях, различные сведения служебного характера.

В данной статье мы остановимся на самых существенных новациях ГОСТ 7.1-2003.

В первом разделе нового стандарта определена область его применения. ГОСТ 7.1-2003 устанавливает общие требования и правила составле-

ния библиографического описания документа, его части или группы документов. Стандарт распространяется на описание документов, которое составляют библиотеки, органы научно-технической информации, центры государственной библиографии, издатели и другие библиографирующие учреждения.

Область применения нового ГОСТа имеет ограничение только для библиографических ссылок, некоторые его требования не распространяются. Библиографическая ссылка – совокупность библиографических сведений о цитируемом, рассматриваемом или упоминаемом документе в другом документе, необходимых и достаточных для его общей характеристики, идентификации и поиска. Составление ссылок предусматривает набор и статус элементов описания (их обязательность или факультативность), отличающиеся от общих правил. Составление библиографических ссылок будет регламентировать специально подготовленный новый нормативный документ, соответствующий стандарту Международной организации по стандартизации (ISO).

В соответствии с новыми требованиями к оформлению структуры стандартов ГОСТ 7.1-2003 содержит два новых раздела. В разделе «Нормативные ссылки» перечислены действующие стандарты системы СИБИД, ссылки на которые содержатся в тексте нового ГОСТа, в разделе «Термины и определения» указаны терминологические стандарты, дефиниции которых использованы в ГОСТ 7.1-2003.

Основные принципы составления библиографического описания изложены в разделе «Общие положения», где также вводятся новые термины и понятия библиографирования.

В ГОСТ 7.1-2003 расширено понятие объекта библиографического описания; библиографическое описание всех видов документов на любом носителе информации составляют по общим правилам относительно структуры, наполнения областей и элементов библиографическими сведениями, статуса элементов, приведения предписанных знаков пунктуации, выбора языка и графики, применения правил орфографии, сокращения слов и т. д. Объектами описания могут быть все виды опубликованных (в том числе депонированных) и неопубликованных документов на любых носителях – книги, сериальные и другие продолжающиеся ресурсы, нотные, картографические, аудиовизуальные, изобразительные, нормативные и технические документы, микроформы, электронные ресурсы, другие трехмерные искусственные или естественные объекты; составные части документов; группы однородных и разнородных документов.

В состав библиографического описания входят следующие области:

- 1) область заглавия и сведений об ответственности;
- 2) область издания;
- 3) область специфических сведений;
- 4) область выходных данных;
- 5) область физической характеристики;
- 6) область серии;
- 7) область примечания;
- 8) область стандартного номера (или его альтернативы) и условий доступности.

Области описания состоят из элементов, которые делятся на обязательные и факультативные. В описании могут быть приведены только обязательные либо обязательные и факультативные элементы.

Обязательные элементы содержат библиографические сведения, обеспечивающие идентификацию документа. Их приводят в любом описании.

Факультативные элементы содержат библиографические сведения, дающие дополнительную информацию о документе. Необходимость применения и набор факультативных элементов определяет учреждение, в котором составляется описание. Набор элементов должен быть постоянным для определенного информационного массива.

Перечислим элементы, которые приобрели статус обязательных в ГОСТ 7.1-2003 (по сравнению с ГОСТ 7.1-84):

- первые сведения об ответственности во всех областях (области заглавия и сведений об ответственности, области издания, области серии);
- дополнительные сведения об издании;
- имя издателя, распространителя и т. п.;
- основное заглавие серии и подсерии;
- международный стандартный номер серийного издания, присвоенный данной серии или подсерии (ISSN);
- номер выпуска серии или подсерии;
- отдельные примечания при описании определенных видов документов (при описании электронных ресурсов – об источнике основного заглавия, о системных требованиях).

Элементам и областям в библиографическом описании предшествуют знаки предписанной пунктуации (по старой терминологии – условные разделительные знаки). В отличие от обычных грамматических знаков, знаки предписанной пунктуации выполняют опознавательные функции областей и элементов. Заголовок от описания отделяют точкой. Области описания отделяются друг от друга точкой и тире. Если какая-либо область приводится с абзаца, то знак тире опускают.

Внутри элементов приводят обычные грамматические знаки препинания. При сочетании грамматического и предписанного знаков препинания в описании приводят оба знака, например: «Ночной дозор»: язык, образы, сюжеты. Куда же ты при-

шла, Россия? : сб. стихов.

В ГОСТ 7.1-2003 впервые подчеркнуто, что для различения предписанной и грамматической пунктуации применяют пробелы в один печатный знак до и после предписанного знака. Исключение составляют точка и запятая – пробелы оставляют только после них. Знаки «точка с запятой» и «многоточие» к исключениям не относятся.

Библиографические сведения указывают в описании в том виде, в каком они даны в источнике информации. Источником информации для составления библиографического описания является документ в целом. Главным источником информации служит элемент документа, содержащий основные выходные и аналогичные им сведения: титульный лист, титульный экран, этикетка и наклейка и т. п.

При составлении библиографического описания можно применять сокращение слов и словосочетаний. Если в описании применяются сокращения, они должны соответствовать ГОСТ 7.12-93 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила» и ГОСТ 7.11-78 «Сокращение слов и словосочетаний на иностранных европейских языках в библиографическом описании».

В новом ГОСТ 7.1-2003 четко сформулированы границы применения правил сокращения слов; наряду с основным заглавием произведения не допускается сокращать любые заглавия в любой области, например, параллельное заглавие, альтернативное заглавие, основное заглавие серии и подсерии.

Исключение сделано для аналитического описания: в сведениях о документе, содержащем составную часть, сокращают типовое заглавие многотомного или продолжающегося документа (Полн. собр. соч.; Избр. тр.; Арх. биол. наук), заглавие периодического документа (журнала или газеты).

Необходимо особо отметить, что в ГОСТ 7.1-2003 изменены правила употребления строчных и прописных букв: с прописной буквы следует приводить только первое слово области описания, а в элементах строчные и прописные буквы применяют в соответствии с нормами языка, на котором оно составлено: например, первые слова сведений, относящихся к заглавию, и сведений об ответственности записывают со строчной буквы, если они не являются именами собственными, первыми словами заглавий или цитатами.

Исключение составляют общее обозначение материала и любые заглавия во всех областях описания, например: в разделе «Аналитическое библиографическое описание» изложены правила составления библиографического описания составной части документа, для идентификации и поиска которой необходимы сведения о документе, где она

помещена. По сравнению с ГОСТ 7.1-84 этот раздел значительно расширен, но подчеркнем, что в рамках ГОСТа разработаны обобщенные правила аналитического описания в силу разнообразия его объектов описания.

Значение ГОСТ 7.1-2003 состоит в том, что был сделан еще один существенный шаг к сближению как с Международным стандартным библиографическим описанием, так и с англо-американскими правилами описания. Тем самым, возможно, сделан шаг к созданию Единых международных правил библиографического описания.

Оформление списка литературы.

Список литературы – органическая часть любой научной работы. Список включает в себя цитируемые в данной работе, просмотренные произведения, архивный материал, имеющий отношение к теме.

Схема библиографического описания документа для списка литературы: Заголовок описания. Основное заглавие: сведения, относящиеся к заглавию / Сведения об ответственности. – Сведения об издании. – Место издания, дата издания. Объем.

Предлагаем примеры библиографических записей для составления списка использованной литературы к научной работе.

Описание книги

1. Книги одного, двух или трех авторов описываются под фамилией первого автора.

Схема:

Автор (ФИО). Заглавие (название книги) : сведения, относящиеся к заглавию (учеб. пособие ... сб. науч. тр.) / сведения об ответственности (ИОФ через запятую). – Место : Изд-о, Год. – Количественная характеристика (?? с.)

Сведения, относящиеся к заглавию, название изд-ва – факультативные (необязательные) элементы, они могут быть опущены вместе с предшествующим знаком « : », например:

... – Место : Изд-во, Год. – или, . – Место, Год. – Книга одного автора:

Касьянов В. В. Социология для юристов [Текст] : учеб. пособие / В. В. Касьянов. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 284 с.

Обозначение материала [Текст] – элемент необязательный и в списках, составленных при помощи электронного каталога, может быть удален.

Буркхардт Т. Сакральное искусство Востока и Запада : принципы и методы : пер. с англ. / Т. Буркхардт ; пер. Н. П. Локман. – М : Алетей, 1999. – 213 с.

Книга двух авторов:

Чельшева О. В. Расследование налоговых преступлений [Текст] : учеб.-метод. пособие / О. В. Чельшева, М. В. Феськов. – СПб. : Питер, 2001. – 282 с.

Эванс Дж. Р. Маркетинг : [пер. с англ.] / Дж. Р. Эванс, Б. Берман. – М., 2000. – 308 с.

Сведения, отсутствующие на титульном листе,

но сформулированные Вами на основе анализа документа, даются в квадратных скобках, например: [пер. с англ.]

Книга трех авторов:

Любашиц В. Я. Теория государства и права : учеб. пособие / В. Я. Любашиц, А. Ю. Мордовцев, И. В. Тимошенко. – Ростов н/Д, 2002. – 502 с.

Ситковская О. Д. Новые направления судебно-психологической экспертизы / О. Д. Ситковская, Л. П. Конышева, М. М. Коченов. – М. : Юрлитинформ, 2000. – 156 с.

2. Книги более трех авторов следует описывать под заглавием (названием) книги. После названия книги за косой чертой следует указать первого автора и вместо следующих фамилий – [и др.]

Конфликтология : учеб. для вузов / О. В. Аллахвердова [и др.]; ред. А. С. Кармин. – СПб. : Лань, 2001. – 443 с.

Сборник задач по уголовному процессу / М. К. Свиридов [и др.]; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2003. – 173 с.

В данных описаниях сведения о редакторе и учреждении можно опустить (вместе с предшествующим знаком « ; ») :

Сборник задач по уголовному процессу / М. К. Свиридов [и др.]. – Томск, 2003. – 173 с.

3. Книги, в которых не указан автор, описываются под заглавием (названием) книги. За косой чертой пишется фамилия редактора, составителя или другого ответственного лица.

История политических и правовых учений : учебник / ред. В. С. Нерсисянц. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : НОРМА, 2005. – 933 с.

Финансовое право [Текст] : конспект лекций / сост.: А. Желудков, А. Новиков. – М, 2001. – 208 с.

4. Описание многотомных изданий.

Многотомное издание в целом:

Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву [Текст] : в 2 т. / А. В. Венедиктов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М. : Статут, 2004. – 2 т. – (Классика российской цивилистики).

В данном описании (Классика российской цивилистики) – сведения о серии, элемент можно опустить.

Новая философская энциклопедия : в 4 т. / ред.: М. С. Ковалева [и др.]. – М. : Мысль, 2000-2001. – Т. 1-4.

Отдельный том:

Международные юридические чтения (14 апреля 2005 г.) : материалы науч.-практ. конф. : в 5 ч. Ч. 1 / Ом. юрид. ин-т ; ред.: Ю. П. Соловей, А. И. Казанник. – Омск, 2005. – 296 с.

Казьмин В. Д. Справочник домашнего врача : в 3 ч. Ч. 2: Детские болезни / В. Казьмин. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – 503 с.

Конституционное право зарубежных стран: учебник : в 4 т. Т. 4 : Часть Особенная: страны Америки и Азии / И. А. Алебастрова [и др.]. – М., 2001. – 639 с.

5. Статья из сборника.

Темникова Н. А. Реализация права ребенка на судебную защиту [Текст] / Н. А. Темникова // Семья и право (к 10-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации) : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 5-6 дек. 2005 г.). – М., 2005. – С. 113-116

Колпакова А. В. Формы собственности и их соотношение // Актуальные проблемы гражданского права : сб. ст. / ред. С. С. Алексеев. – М., 2000. – С. 126-147.

6. Статья из многотомника.

Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: предпосылки и программа оптимизации [Текст] / Ю. В. Деришев // Международные юридические чтения (14 апреля 2005 г.) / Ом. юрид. ин-т. – Омск, 2005. – Ч. 5. – С. 10-18.

Харзеева С. Э. Обучение иностранных студентов навыкам владения научным стилем речи / С. Э. Харзеева, Г. И. Кутузова, Е. И. Аникина // Научный вестник МГТУ ГА. – М., 2005. – Вып. 94. – С. 181-183.

Описание официальных документов

1. Описание отдельного издания.

Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. – М. : ИНФРА-М., 2005. – 48 с.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях по состоянию на 1 марта 2005 г. – М. : Проспект, 2005. – 30 с.

Российская Федерация. Законы. Об утверждении Федеральной программы развития образования : федер. закон от 10 апр. 2000 г. № 51-ФЗ. – М., 2001. – 62 с.

Правоохранительные органы : сб. норматив. актов, офиц. тексты по сост. на 25 июня 2005 г. / сост. В. П. Божьев. – М., 2005. – 511 с.

2. Аналитическое описание.

О выборах Президента Российской Федерации : федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 19-ФЗ // Российская газета. – 2003. – 16 янв. – С. 5-12 ; Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 171.

Таможенный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ // Новые законы и нормативные акты. – 2003. – № 23. – С. 3-203.

О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства : постановление Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 г. № 11 //

Закон. – 2005. – № 11. – С. 78-84.

О трудовом договоре с ректором : письмо Федер. агентства по образованию Минобрнауки России от 20 июля 2005 г. № 17-02-10/192 // Бюллетень Министерства образования Российской Федерации. – 2005. – № 11. – С. 54-56.

Описание диссертации, автореферата диссертации

Белозеров И. В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII-XIV вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 : защищена 22.01.02 ; утв. 15.07.02/Белозеров Иван Валентинович. – М., 2002. – 215 с.

Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09/В. С. Раменская. – Екатеринбург, 2004. – 21 с.

Описание электронного ресурса

Сборник материалов по основам психологии и педагогики [Электронный ресурс]. – Омск, 2004. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

КонсультантПлюс; Высшая Школа [Электронный ресурс]. Вып. 4. – М., 2005. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

Ключевский В. О. Полное собрание сочинений [Электронный ресурс] / В. О. Ключевский. – М. : Адепт, 2001. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

Ресурсы удаленного доступа

Исследовано в России [Электронный ресурс] : многопредмет. науч. журн. / Моск. физ.-техн. ин-т. – Электрон. журн. – Долгопрудный : МФТИ, 1998. – Режим доступа к журн.: <http://zhuraal.mipt.rssi.ru>. – Загл. с экрана. – № гос. регистрации 0329900013.

Российская государственная библиотека [Электронный ресурс] / Центр информ. технологий РГБ; ред. Т. В. Власенко; Web-мастер Н. В. Козлова. – Электрон. дан. – М. : Рос. гос. б-ка, 1997 – . – Режим доступа: <http://www.rsl.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус, англ.

Обозначение материала [Электронный ресурс] указывать следует.

Отсутствующие элементы могут быть опущены в описании вместе с предстоящим знаком, например:

Российская государственная библиотека [Электронный ресурс] / Центр информ. технологий РГБ. – Электрон. дан. – М., 1997 – . – Режим доступа: <http://www.rsl.ru>, свободный. – Загл. с экрана.

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПУТЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ПАКЕТА ПРАВ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

А.Н. Шендалев, преподаватель Омского государственного университета путей сообщения, кандидат юридических наук

О.А. Шендалева, старший преподаватель кафедры правовой информатики Омского юридического института, кандидат технических наук

Сложившаяся ситуация в области высшего образования заставляет многие вузы изыскивать новые методы повышения конкурентоспособности, что выражается в действиях руководства по приведению учебного процесса в соответствие с требованиями Министерства образования и науки Российской Федерации. Проблема заключается в том, что эти требования содержат лишь формальные признаки, по которым высшее учебное заведение получает соответствующий статус на право деятельности в области образования. Принимаемые действия позволяют организации стать более привлекательной по сравнению с учебными заведениями, не прошедшими аккредитацию, но это не обеспечивает конкурентных преимуществ по сравнению с аналогичными вузами. Кроме того, многие иногородние вузы, действующие на территории города Омска, выходят из положения, создавая здесь филиалы, требования к которым значительно ниже.

Таким образом, возникает насущная потребность в поиске и выделении новых конкурентных преимуществ, позволяющих образовательному учреждению привлечь абитуриентов, сохранив высокое качество образования.

Наиболее распространенный вариант повышения конкурентоспособности, когда вуз создает у себя действующую систему менеджмента качества образования. На данный момент разработки в области систем менеджмента качества ведутся во всех крупных вузах г. Омска. Их цель – обеспечение прозрачности учебного и исследовательского процессов, постоянный мониторинг требований будущих работодателей и студентов, обеспечение опережающего предложения по числу и видам

специальностей. В основном, такие системы предусматривают не только интенсивное расширение деятельности за счет уже существующих специальностей, но и за счет экстенсивного расширения в виде количества обучающихся.

В настоящее время Омский юридический институт по объективным причинам не располагает возможностью экстенсивного расширения деятельности. Следовательно, повышение конкурентоспособности возможно путем постоянного совершенствования учебного процесса. Квалифицированный персонал, работающий в институте, позволяет создавать авторские разработки, дающие возможность наиболее полно раскрыть темы занятий, организовать учебный процесс, результаты обучения по которому соответствуют всем требованиям рынка. При этом немаловажную роль играет не столько методическое и учебное обеспечение, сколько авторские методики преподавания и проверки усвоения материала.

Создаваемые методики в большей степени, чем учебные издания подвержены нелегальному копированию вследствие сложности подтверждения прав интеллектуальной собственности. Недаром большинство специалистов не желают раскрывать особенности собственной методики преподавания, предпочитая делать ссылки на имеющуюся в открытой продаже литературу и требования стандартов.

В соответствии с патентным законом¹ объектами патентной защиты не признаются правила и методы игр, интеллектуальной или хозяйственной деятельности, к которым можно отнести и методики преподавания, деловые и правовые игры, обеспечивающие высокое качество преподавания и зна-

чительные конкурентные преимущества вуза.

Кроме того, остается актуальным, чтобы разработанные методики не «уходили» из института, что возможно на законных основаниях в случае работы преподавателя по совместительству в другом вузе или при неправомерном копировании разработанных методик третьими лицами.

Одним из способов предотвращения потери конкурентных преимуществ может быть закрепление в трудовом договоре передачи прав использования результатов интеллектуальной деятельности работника ОмЮИ. Подобное закрепление означает, что специалист (преподаватель) лишается прав использования результатов собственной деятельности в других вузах.

В соответствии с законодательством, регулирующим вопросы об интеллектуальной собственности², объектом защиты во всех перечисленных случаях выступает право владельца собственности на неприкосновенность результатов, т.е. если руководство принимает решение о передаче одного из данных видов работ третьим лицам, это не может быть сделано без согласия на то разработчика и владельца прав. Также согласно общепринятым нормам обязательным считается ссылка на первоисточник. Как следствие появляется характеристика ценности методической работы, которая может быть определена в качестве частоты цитируемости³. Подобная практика принята при оценке рейтинга сайтов в сети Internet. Предлагаемый подход к средствам обеспечения учебного процесса позволяет выделить наиболее «богатый» в отношении интеллектуальной собственности предмет (дисциплину). Кроме того, такое действие может стать одним из элементов стимулирования персонала и поможет сформировать полный пакет собственных методик образования. Вполне логично, что учитываться

должны лишь внешние цитирования, не связанные с внутривузовской деятельностью.

Заметим, что отнюдь не все предметы обладают возможностью создать целостное учебное пособие, которое будет защищено правами интеллектуальной собственности. В частности, часть дисциплин, особенно дисциплины управленческого характера, посвященные административно-хозяйственному праву, во многом основываются на изучении кейсовых ситуаций. Следует коснуться такого момента, как получение информации и данных, которые могут быть использованы для создания интеллектуальной собственности в ОмЮИ. Как говорилось выше, копирование любых учебных материалов, за которыми закреплено право собственности, а также баз данных является нелегальным действием, но если случайным образом полученная информация о методиках, кейсах или иных учебных материалах будет переработана сотрудниками, то она может быть включена в реестр интеллектуальной собственности ОмЮИ.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о необходимости формирования электронных баз данных по изучаемым курсам. Не менее желательным действием, с точки зрения защиты интеллектуальной собственности, будет выпуск учебных пособий под знаком защиты прав собственности Омского юридического института.

¹ См.: Патентный закон Российской Федерации от 23.09.1992 г. № 3517-1 (ред. от 02.02.2006 г.)

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.10.1994) (ред. от 27.07.2006) (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.09.2006). – Ст. 138.

³ См.: Есипов В. Е. Оценка бизнеса / В. Е. Есипов. – СПб.: Питер, 2002. – 415 с.